

Даля ТРУСКИНОВСКАЯ. Коломбине дозволено все.

(с) 1987-2002, Даля ТРУСКИНОВСКАЯ

Любое коммерческое использование данного текста, полностью или частично, без ведома и письменного разрешения автора (trusk@mail.ru) запрещено. На сайте Tarranova (tarranova.lib.ru) публикуется с разрешения автора. Любые иные публикации в Интернете возможно только с разрешения автора.

Публикуется по тексту первого издания: ж. «Даугава» (Рига), 1987, № 3-5

Даля ТРУСКИНОВСКАЯ

КОЛОМБИНЕ ДОЗВОЛЕНО ВСЕ

Повесть из жизни женщин

С этого ли все началось? Пожалуй, что с этого. Мы брели лесной дорогой в гости к друзьям, на старый хутор. Нас то и дело облаивали собаки, тяжелая корзина с пирогами оттянула мне руку, ни один из попадавшихся хуторов и отдаленно не походил на искомый, и мой спутник уже начал прохаживаться насчет способности женщин к ориентации на местности. Словом, светила перспектива ночевать в лесу под кустом.

Тогда-то я и увидела этот огромный разлапистый куст шиповника, усыпанный великолепными, чуть не с яблоко, сочными ягодами с белыми бликами на тугих алых и оранжевых боках. Мне пришло в голову, что если собрать их, распределить по размеру, нанизать на крепкую нитку, надеть на шею и пройтись по городу, то наверняка случится что-то роковое – в меня влюбятся или, на худой конец, я сама влюблюсь.

Очень уж разволновал меня этот шиповник. Так разволновал, что даже отпала необходимость лезть в колючий куст, рвать плоды и искать иголку с ниткой: ожерелье само сложилось в воздухе перед моими глазами. И оно произвело странное действие.

Я оборвала замысловатую остроту своего спутника. Более того – я заметила, что его сумка явно легче моей корзины, и рассудила здраво: он вполне мог бы нести и то и другое. В результате он поплелся следом за мной, уже не осмеливаясь острить, а я успокоила его: на верблюдов обычно навьючивают куда больше.

Действительно, ожерелье из шиповника могло стать началом чего-то прекрасного и увлекательного. И очень жаль, что я на целых полгода о нем забыла. А вспомнила потому, что сижу вот перед белым листом бумаги, а в голове как будто кто красными шариками жонглирует – во всяком случае, так я зрительно воспринимаю привязавшуюся ритмичную песенку, что-то вроде «синьорина-тамбурина-серпантина...» И мелодия бы еще ничего, но рифма! Как будто мне приказали перевести на русский итальянскую канцонетту!

– Брысь, окаянная! – гоню я ее.

– Мандолина-образина-половина! – издевается рифма. И скачут красные шарики, время от времени образуя ожерелье.

Вот в таких условиях начинаю я свое повествование.

Так вообразим же себе буфет. То есть довольно-таки противное заведение общественного питания, где столы протираются тряпкой примерно дважды в день, ножи в жестяной посудине для столовых приборов отсутствуют, а в меню входят салат «Столичный», два сорта булочек и никудышный кофе, разливаемый половником из алюминиевой кастрюли. Впрочем, бывают и яйца под майонезом, и помидоры со сметаной – это уж как кому повезет.

Есть музыкальное сопровождение – буфет-то типографский, коридор сюда ведет мимо ленточного цеха и всякий раз, когда дверь открывается, слышен рокот, Есть и сопровождение, так сказать, обонятельное. Сюда залетают запахи краски, ацетона, чуть ли не бензина, и все это сливается в довольно неаппетитный букет.

Невзирая на перечисленные достоинства, здесь среди рабочего дня пьет кофе довольно много народу. Господа журналисты народ ленивый. И лучше будут изо дня в день клясть кастрюльный кофе, чем пробегут в плохую погоду метров триста до ближайшего кафе.

Публика здесь смешанная. Кто в спецовке, кто при галстукке. А вон те две женщины, занявшие столик в углу, одеты в простенькие юбки и свитерочки. Они только что сами убрали со столика грязную посуду, расставили свои тарелочки и теперь сидят и беседуют. Одна, светленькая, – Лариса, другая, темненькая, – Марианна. Обе пришли сюда в свой нерабочий день лишь ради зарплаты. И обе на радостях решили кутнуть. То есть взяли они и салат «Столичный», и по две булочки каждого сорта, и кофе. Так и кутят.

Наблюдаем дальше. Марианна пьет маленькими глотками кофе, поглядывает на Ларису и время от времени лениво вставляет словечко, как если бы речь шла о предмете незначительном. Лариса же откинулась на спинку стула, ее кофе стынет, а сама она с не менее скучающим видом врет. И ведь что интересно: и Марианна знает, что все это – вранье, и Лариса понимает, что Марианна ее насквозь видит, и, тем не менее, обе прямо-таки наслаждаются ситуацией.

Такое с женщинами бывает нередко. Ибо никакое здесь, если вдуматься, не вранье. Это – Ритуал. Вот именно, с большой буквы. Так что прислушаемся.

ЛАРИСА. А что мне еще оставалось? Он приклеился, как банный лист к неудобному месту. Ну, ты же знаешь его! Он до тех пор скулил, пока и не сообразила – проще выйти замуж за этого зануду, чем объяснить ему, почему я этого не хочу. Ты ж понимаешь – сокровище!

МАРИАННА. Да уж – сокровище...

ЛАРИСА. Конечно, он человек надежный, этого у него не отнимешь, но других достоинств я пока не заметила.

МАРИАННА. А на кой они тебе? Мужик он? Мужик. Ты ж его не директором на завод берешь или там солистом в оперу. А от мужа других достоинств, по нашим временам, и не требуется.

ЛАРИСА. Твоя правда.

И снисходительно-насмешливые интонации достойны бальзаковских дам.

Но о том, что здесь творят Ритуал, догадаться просто – слишком царственна Лариса и мудра Марианна. Война-то из-за этого зануды велась между ними основательная, и достался он Ларисе, несмотря на то, что она старше, ей двадцать восемь, а Марианне – двадцать шесть.

Так что подтекст их разговора примерно таков:

ЛАРИСА. Ты за этим занудой гонялась, а мне он, в общем-то, до лампочки.

МАРИАННА. Выходит, не до лампочки, раз соглашаешься.

ЛАРИСА. А ты бы за ним помчалась, повизгивая от восторга!

МАРИАННА. Да уж держись за него, держись, тебе и такой сойдет...

Честно говоря, особой ценности этот жених действительно не представляет, хотя преисполнен положительности. Однако бывают случаи, когда нагромождение достоинств тоску на женщину нагоняет. Валерий Яковлевич Соймонов как раз и есть такой случай.

Ситуация рискованная, не так ли? Соперницы – за одним столиком! Но распускать руки и языки, поливать друг друга остывшим кофе они не станут, ибо Ритуал важнее. Ритуал – он самолюбие бережет. А смысл его таков: Прекрасная Дама, сжалившись, снизошла до недостойного и осчастливила его. А другая Прекрасная Дама не пожелала снизойти до недостойного и вовеки не снизойдет. И одна собеседница усердно соглашается с другой: да, мы обе с тобой Прекрасные Дамы. И все довольны.

Впрочем, Соймонов далеко, а Кологрив – близко. Лариса почувствовала его приближение, едва услышав за спиной рокот линотипов из открывшейся двери, и окаменела, чтобы, упаси боже, не повернуться к нему. Но он шумно идет с какими-то мужчинами, и потому Лариса окаменела напрасно – он ее все равно не видит.

Кологрив – лицо почтенное, невзирая на его тридцать лет. Олег Дмитриевич Кологрив – заместитель редактора городской газеты. А Лариса – старший корректор.

Кологрив и сопровождающие его лица становятся в очередь. Лариса продолжает творить Ритуал, а сама поглядывает на Кологрива. Он высок, он статен, он вальяжен, пиджак из ярко-рыжей замши картинно распахнут, и импортный свитер облегает выпуклую грудь. Лицо у него открытое, глаза ясные, улыбка живая, и есть в нем тот шик, на который мгновенно реагируют все женщины, даже пенсионного возраста.

Недостаток у Кологрива только один. Кологрив женат.

Стало быть, завязка такова: героиня увлечена одним, а замуж почему-то собралась за другого. Теперь сюжет может развиваться двояко. Либо она смиряется и становится верной женой Соймонова, всю жизнь тоскуя по Кологриву. Либо в последнюю минуту удирает из-под венца, сохраняя безупречную верность возлюбленному.

А если ни то, ни другое, что же тогда?

ГЛАВА ПЕРВАЯ. «НЕ БУДИ ЛИХО, ПОКА СПИТ ТИХО»

Напившись кофе, Лариса и Марианна отправились к себе в редакцию. Там они обнаружили Зою, уже успевшую получить зарплату.

Лариса, Зоя, Марианна и отсутствующая в эту минуту Людмила составляли первую смену корректуры.

А поскольку начальницей обеих смен была Лариса, то следовало бы взять у нее интервью по правилам современной журналистики. То есть начать с микроклимата и так называемого распределения ролей в коллективе.

И вот что ответила бы подстегнутая наводящими вопросами Лариса:

– Роли, которые мы волей-неволей играем, или, точнее, образы, в которых нас воспринимают окружающие, приблизительно таковы. Зоя – женщина исключительно домашняя, Марианна – книжная девочка, Людмила – балованное дитя, поскольку самая младшая. Во второй же смене, которую мы часто зовем вражьей сменой, имеются:

Римма – творческая женщина, которая три раза в год публикует подборку своих стихов, мечтает о сборнике, и на этом основании окончательно отказалась следить за своей внешностью. Эрнестина – модная женщина, Ольга – умудренная опытом женщина, и, наконец, Регина – скандальная женщина. В

силу этого она оказалась главой вражьей смены, но по части синтаксиса здорово хромает.

Наша домашняя женщина – самая старшая, ей за тридцать, но мы к ней обращаемся на «ты». Это все-таки молодит. У нее двое мальчишек и вечно голодный муж. Воспитывает она их по телефону.

Наша книжная девочка заменяет нам энциклопедический словарь. Судите сами, достоинство это или недостаток? То же могу сказать о ее полноте. Судите сами, недостаток это или достоинство? А лицо у нее приятное.

Наше балованное дитя считает себя красавицей. Переубедить ее трудно. Мы как-то с Марианной и Зоей насчитали у нее шесть недостатков. И одного из них хватило бы, чтобы назвать женщину каракатицей! Но мужчины – глупый народ. Видимо, как раз недостатки их и привлекают. А что у Людмилы за душой, кроме внешности, я не знаю.

Вот такой ответ на предполагаемые вопросы дала бы Лариса, и из него бы следовало, что она давно разложила по полочкам достоинства и недостатки своих коллег, смирилась и с теми и с другими, хорошо ладит с Зоей, сносно – с Марианной, а Людмилу почему-то недолюбливает.

Себя Лариса считает деловой женщиной. И впрямь – руководя таким пестрым коллективом, поневоле станешь деловой...

Лариса с Марианной и Зоя могли бы зайти в корректорскую. Но как раз был период пикировки с вражьей сменой из-за пропавшей щетки для волос и не дошедших до адресатов телефонных звонков.

Даже не зайдя поздороваться, Лариса, Марианна и Зоя прямо в коридоре принялись рассказывать сны.

Неизвестно, с каких времен это повелось, но каждый рабочий день в первой смене начинался именно с этого. И даже, встретившись в свой выходной, не смогли коллеги отказаться от любимого развлечения.

Ларисе приснилось, как она сдает кастрюлю со вчерашним борщом в камеру хранения. Марианна видела обычно сюжетные сны, соответственно прочитанной на ночь книге. На сей раз ее почтила визитом Екатерина Вторая – слезно жаловалась на Потемкина.

Зоя несколько раз порывалась прервать рассказчиц, намекая, что их сны не идут ни в какое сравнение с ее сном. Наконец ей дали слово.

ЗОЯ. Стою я в корректорской, разбираю гранки. Главное, все как наяву. Телефон звонит, Людка говорит, что на полчаса опоздает. Словом, полное ощущение реальности. И тут входит Кологрив...

Лариса на всякий случай окаменела. Но Зоя вместо продолжения замолчала. По коридору проходила врагиня корректуры номер один – корреспондент Елена, написавшая за последние полгода штук пять докладных и распространившая несколько совершенно гнусных сплетен. Переждав, Зоя продолжала.

ЗОЯ. Ну вот, входит Кологрив с авоськой, а в авоське штук пять капустных кочанов, еле тащит. И говорит: «Зоя, надо будет сделать голубцы». Я, разумеется, спрашиваю, зачем ему понадобилось такое бешеное количество голубцов. А он говорит – на нашу свадьбу, мы же всю редакцию в гости позовем. Я спрашиваю – так это вы, значит, мне предложение делаете? А он говорит, что да, он меня давно наметил.

Неизвестно, как события развивались дальше – во-первых, Лариса с Марианной принялись хохотать, а во-вторых, в дверях своего кабинета внезапно

возник Кологрив, и до того кстати, что все три корректорши дружно захлебнулись хохотом.

Кологрив, щурясь, торопливо окинул взором мрачноватый коридор и заметил Ларису. Физиономия его оживилась и сделалась такой, словно снизошло на него долгожданное озарение. Но соорудил немедленно Кологрив солидное выражение лица и сказал отрешенно-начальственным тоном:

– Лариса Николаевна, зайдите, пожалуйста, ко мне в кабинет.

И что же тут произошло? Сумочка выпала из Ларисиных рук? Румянец опалил щеки? Ничуть! Как подобает Прекрасной Даме, Лариса даже бровью не повела, а с достоинством проследовала куда велено. Когда дверь закрылась, Зоя и Марианна переглянулись.

ЗОЯ. Из-за той ошибки, что ли? Наконец-то добрались!

МАРИАННА. Это у Людмилочки уже второй ляп за месяц.

ЗОЯ. Опять допрыгается до выговора.

Зоя и Марианна стали ждать Ларису. Прежде всего, негоже бросать коллегу в момент выговора – а она, как старшая в смене, отвечала за Людмилины ляпы. А потом, следовало продемонстрировать свою солидарность.

Но не о выговоре зашла речь в кологривском кабинете.

Об ошибке он, конечно, знал. Читатель нынче пошел такой, что стоит ему заметить в газете опечатку, как, позабыв о гуманности, хватает он телефонную трубку, трезвонит в редакцию и сообщает о ляпе почему-то с неподдельным восторгом в голосе.

Будучи еще сотрудником секретариата, Кологрив наместачился отвечать на подобные звонки следующей жуткой формулировкой:

– Да, мы в курсе, благодарим, виновные расстреляны.

И, не дожидаясь реакции онемевшего звонителя, клал трубку.

Так вот, прежде всего Кологрив шлепнулся в кресло, указывая Ларисе на соседнее:

– Садись, мать.

Она послушно села.

КОЛОГРИВ. Только ты можешь меня спасти. Влип я, мать, как дурак.

ЛАРИСА. А когда же ты влипал, как умный? Ну, я слушаю.

КОЛОГРИВ. Ты понимаешь... И рассказывать как-то неловко...

ЛАРИСА. Долги?

КОЛОГРИВ. Хуже.

ЛАРИСА. С Валентиной что-нибудь?

КОЛОГРИВ. Вроде того.

ЛАРИСА. Будешь ты говорить по-человечески?

КОЛОГРИВ. Не знаю, сможешь ли ты меня правильно понять...

ЛАРИСА. А чего мне понимать? Ты говори, что нужно сделать.

КОЛОГРИВ. Ну, мать! Ну, не ожидал! вот это – хорошо сказано! И ты действительно сделаешь то, о чем я попрошу?

ЛАРИСА. Я же сказала.

КОЛОГРИВ. Замечательно! Ты сегодня в восемь свободна?

ЛАРИСА. Если надо – свободна.

КОЛОГРИВ. Тогда подходи к историческому музею – знаешь, где боковой портал, напротив кафе? Я буду ждать тебя.

Вот тут-то Лариса и лишилась дара речи. Неизвестно, что послужило причиной, но обуревавшая ее уже несколько лет мечта стремительно начинала

сбываться. У Ларисы еще хватило ума притвориться, что она рассчитывает время, пока Кологрив с радужной улыбкой выпроваживал ее из кабинета.

Тут к ней кинулись коллеги с воплем: «Ну???»

ЛАРИСА. Мелочи.

ЗОЯ. Это из-за той ошибки?

ЛАРИСА. Я эту дуру Людмилу еле отстояла. Все валила на дежурного редактора – он, мол, тоже не заметил. А замред у нас, сами знаете, въедливый.

Так вот проявляла заботу Лариса о кологривском авторитете, и все клеточки у нее плясали от радости. Хоть и странным показался Ларисе такой способ назначать свидания, да и лаконичность Кологрива тоже была какой-то несоответствующей, но клеточки не обращали на такую чушь внимания, они плясали и кувыркались, они визжали дикими голосами и бесились, как чертенята.

И пока Лариса врала по телефону Соймонову, что сегодняшней вечер у нее занят, коллега из вражьей смены заболела, придется поработать, клеточки прямо-таки верещали от восторга. Отвязаться от нелюбимого, чтобы помчаться на свидание к любимому – вот это и есть настоящий восторг.

Но ждал нашу героиню сюрприз.

Встретив покрашенную и наманикюренную Ларису ровно в восемь у музея, Кологрив вручил ей сверток.

КОЛОГРИВ. Клади в сумку, мать, и ни о чем не спрашивай. Можешь улыбаться и говорить о чем-нибудь нейтральном.

ЛАРИСА. Это что такое? Взрывчатка?

КОЛОГРИВ. Дома увидишь. А теперь медленно двигаемся отсюда.

ЛАРИСА. Вот выброшу сейчас в ближайший мусорник!..

КОЛОГРИВ. Ты что?! Я те выброшу! Неси как несешь! И говори о чем-нибудь, пока не дойдем до угла.

ЛАРИСА. А ты, часом, не помешался?

КОЛОГРИВ. Как я тебе, мать, уже докладывал, я влип.

Сердитая Лариса мало того что остановилась, она еще и присела на чугунную тумбу у каких-то ворот. Кологрив вынужден был остановиться возле нее.

КОЛОГРИВ. Ты чего, мать? Ты чего расселась?

ЛАРИСА. Отдыхаю! Ногу натерла!

КОЛОГРИВ. Ты еще насморк подхвати!

ЛАРИСА. А тебя, джентльмен, я не задерживаю.

КОЛОГРИВ. В том-то и дело, что задерживаешь!

И тут Лариса окончательно поняла, что за Кологривом наблюдают, и скорее всего – из кафе. Это вполне могла быть его супруга Валентина.

КОЛОГРИВ. Я же тебе ясно говорю – неприятность у меня.

ЛАРИСА. И поэтому я играю в твоём спектакле роль без слов?

КОЛОГРИВ (беря ее за руку). Ну, Лариса, ну, будь другом, ну, ты же обещала, ну, Крыска-Лариска, ну? Ты что, хочешь, чтобы у меня опять разразился семейный скандал?

ЛАРИСА. Значит, тебя опять застучали при заходе налево?

КОЛОГРИВ. Я же говорю – совершенно дурацкая история! Вместо того чтобы приехать из Москвы завтра утром на поезде, она прилетела сегодня днем на самолете. А в дверях квартиры записочка: мол, жду тебя, Олежек, в восемь у портала и так далее. Она позвонила мне и спросила, в чем дело, а я изобразил плохую слышимость. Искать мою даму было негде, на работу она сегодня не

выходила. А записка подписана твоим инициалом «Л». Ну, меня осенила гениальная идея! Уж ты-то вне подозрений. Могу же я встретиться с тобой в городе, чтобы вернуть тебе книги?

ЛАРИСА. Все это великолепно, но уже десять минут девятого и твоя подруга теоретически...

КОЛОГРИВ, Вот именно -- теоретически! Крыска, ты ведь тоже женщина и понимаешь, что они опоздают минут на двадцать, как всегда, Это, у вас, наверное, ритуал такой. Вот на чем я и построил свой супергениальный расчет – ведь на деловое свидание женщина приходит вовремя. Валентина увидела тебя, успокоилась, а сейчас дадим ей возможность уйти из кафе.

ЛАРИСА. Жалко Валентину.

КОЛОГРИВ. Ну, чего ты? Ты же спасла меня! Я знал, ты поможешь, мы же старые боевые кони!

ЛАРИСА. Как не выручить старого боевого коня!

КОЛОГРИВ. Ты не беспокойся, там даже почерк был похож на твой.

ЛАРИСА. Четко ты рассчитал. Осталось только заржать и разрыть землю копытом!

КОЛОГРИВ. Ну, это уже лишнее. Так что давай за углом расстанемся, я сделаю круг и как раз выйду навстречу...

ЛАРИСА. Кому?

КОЛОГРИВ. Ну, не могу ж я тебя, мать, посвящать во всю свою личную жизнь!

ЛАРИСА. Извини! Пока!

И она, сорвавшись с тумбы, умчалась. Кологрив ее преследовать не стал.

Совесь Ларисы была чиста – если Валентина сидела в кафе, то она видела женщину «Л», и более того – ровно в восемь.

Но, кроме чистой совести, ничего отрадного не имелось.

Безукоризненный маникюр! Импортная тушь для ресниц с удлинителем! Персиковый румянец! «Как рыбе зонтик...» – хотела было прокомментировать Лариса, но неожиданно родилось другое сравнение – «Как коню косметика». И это как-то больше соответствовало истине.

Впрочем, Лариса недалеко убежала от музея. Ее осенила мысль – раз Валентина следит за Кологривом и не считает это унижительным для себя, почему бы Ларисе не попробовать?

Она понеслась обратно.

И с ужасом обнаружила в себе совершенно шпионские таланты, как то: умение растворяться в толпе возле трамвайной остановки, способность к слежке по отражениям в витринах, безошибочное определение спасительных углов и выступов в стенах.

И что же она увидела в результате?

Женщину она увидела! Совладелицу своего инициала «Л»! Женщину, подбегаящую к Кологриву и целующую его в щеку посреди улицы.

Оправдать человека, взывшего при посторонних, может только великое изумление. В кологривской даме Лариса узнала Людмилу!

Все стало ясно.

Куча фактов, которым Лариса не придавала особого значения, сплелась в цепь, вроде тех чугунных цепей, которые встречаются в качестве декоративного элемента на улицах Старого города.

Смотреть вслед уходящим Людмиле и Кологриву не стоило – во избежание истерики. И Лариса приказала себе мчаться домой.

Но от быстрой ходьбы в голове у нее наступило некоторое прояснение, она сбавила темп и с удивлением обнаружила, что оказалась в аллее парка. Видимо, сгоряча она проскочила мимо своей автобусной остановки и двинулась домой пешком.

Впрочем, спешить все равно было незачем.

К вечеру в парке стало безлюдно. Голые деревья и кусты просвечивали насквозь. И впечатление от них было на редкость удручающее. Темнело.

Вдруг Ларисе бросилось в глаза что-то яркое и – совсем близко. Она остановилась, пригляделась и решила, что это ожерелье из красных шариков, надетое неизвестной растяпой на торчащую ветку. Лариса подошла поближе и попятилась. Наваждение – вот что это было, именно наваждение, потому что – откуда в апреле возьмется на ветке ожерелье из алых плодов шиповника, совершенно свежих, глянцевитых, без единой морщинки?

Но как Лариса ни трясла головой – оно продолжало качаться на ветру, нарядное, праздничное, с темно-зелеными хвостиками. Ожерелье заманивало, завлекало – возьми!

Ладно, решила Лариса, от подарков судьбы не отказываются. Она решительно сняла ожерелье с ветки и бросила его в сумку.

По дороге домой ее смятение временно притихло, как будто душевный кавардак по случаю кологривских шашней и изумление по случаю ожерелья взаимно нейтрализовали друг друга.

Последняя вспышка произошла дома – когда Лариса догадалась посмотреть, что же вручил ей Кологрив.

В газету был завернут рублевый вафельный торт.

Лариса совершенно спокойно открыла окно и вышвырнула его в темноту – может статься, и на чью-то голову.

Очень нехорошими словами помянула она в эту минуту Людмилу. И ладно бы Людмила еще была красавицей! Волосы серые – без краски не обойтись, глаза маленькие – по часу гримирует. А Лариса?..

Охваченная внезапным сомнением, Лариса прыгнула в ванную, к большому зеркалу. И мрачно констатировала – вид в меру полинялый, вороньим пугалом еще не назовут, а боевым конем – запросто!

Тут в дверь позвонили. Лариса открыла.

На пороге стоял человек невысокого роста, щупленький, виду невесомого и в шлепанцах. Это был сосед Дима.

ДИМА. Привет! А я с просьбой. Аська в гостях и меня туда на часик зовет, а Дениска сопливится, не хочу его брать. Посидишь с ним?

ЛАРИСА. А что ж! Заодно и цветным телевизором побалуясь.

Она рассудила сразу – чем злобствовать в гордом одиночестве, лучше отмякнуть душой в обществе пятилетнего ребенка.

Через десять минут Лариса спустилась этажом ниже.

Пожалуй, не стоит описывать, как Дениска выскочил навстречу с воплем: «Те-тя-Ла-риса-при-шла-а-а-а!», как Дима дал последние наставления и как, стоило захлопнуться двери, Дениска завопил старую свою дразнилку! «Лариска-плюс-Дениска!!!»

И вместо того, чтобы рассказать ребенку сказку на сон грядущий, Лариса поддалась на провокацию, и через пять минут оба ползали по ковру, расставляя солдатиков, самолеты и танки, выли, бубухали и всячески изображали генеральное сражение.

Но, летя на троллейбусную остановку, сосед Дима не заметил двух женщин за газетным киоском. А они его заметили.

ОДНА. Смотри! Тебе и карты в руки!

ДРУГАЯ. Поскакал! А окно-то горит? Во, вот она!

Действительно, в окне Диминой квартиры появился женский силуэт. Лариса, теснимая Дениской на левом фланге, из-за кресла, срочно перебазировала аэродром на подоконник.

ОДНА. Давай! И ничего не бойся.

ДРУГАЯ. Я и не боюсь. Только бы он раньше времени не вернулся.

Она вошла в подъезд, и очень скоро в Диминой квартире раздался звонок.

– Это мама с папой! – обрадовался Дениска, помчался открывать, не справился, и Лариса пришла ему на помощь.

Она увидела молодую женщину – очень и очень ничего себе...

Дениска, растерявшись, спрятался за Ларису.

НЕЗНАКОМКА. Это квартира Челноковых?

ЛАРИСА. Да, а кто вам нужен?

Недоразумение свершилось само собой, и никто в нем не был виноват. Войдя в незнакомый дом и обнаружив там женщину в халатике, за которую прячется ребенок, всякий принял бы ее за хозяйку.

И уж во всяком случае, Ларисиной вины в случившемся не было – она и слова сказать не успела, как гостья взяла быка за рога.

НЕЗНАКОМКА. Вы и нужны. Я пришла, чтобы внести, наконец, ясность в положение. Дело в том, что мы с Дмитрием давно уже близки... и вот намечаются последствия...

Лариса попятилась.

Первая мысль была – сказать правду. Мол, не жена я ему, соседка, так что загляните в другой раз. Но... Раз уж Ларисе узнала такую жуткую новость, то просто обязана утаить ее от Аси, Диминой жены и, по итогам пятилетнего соседства, Ларисиной подруги.

Вообще-то Лариса не понимала, за какие такие достоинства Дима Челноков пользуется успехом у женщин. Ростом он был чуть повыше нее и совершенно неспортивного вида, хотя до сих пор занимался альпинизмом и горными лыжами. Ну, кандидат наук – так кто же теперь не кандидат! Даже анекдот есть про подгулявшего мужичка, объявившего себя во хмелю директором мясного магазина. А ударный финал анекдота таков:

– Не слушайте вы его, люди добрые, это у него мания величия! На самом-то деле он – кандидат...

Впрочем, вернемся к героине! Лариса быстро прикинула план действий. В правоте незнакомки она крепко усомнилась. Но у той был агрессивный вид и она явно приготовилась к сражению. Значит, затевать спор не стоило.

Лариса улыбнулась не хуже образцово-показательной продавщицы.

ЛАРИСА. Что же вы так, с порога, сразу обо всем? Такие дела на пороге не решаются. Раздевайтесь, вот тапочки. Я сейчас Дениску уложу, попьем чаю, побеседуем.

И поскорее увела от ошарашенной незнакомки Дениску.

Нарядив мальчика в оранжевую пижамку, Лариса, ради атмосферы домашней идиллии, вывела его пожелать чужой тете спокойной ночи. Но результат оказался неожиданным. Незнакомка, успевшая скинуть пальто и сесть на кухонный табурет, вроде как вздрогнула и поднесла руку к глазам.

НЕЗНАКОМКА. Странно... Пижамка – ну совсем как моя. Знаете, иногда в детстве запомнится какая-то неприятная ерунда – и на всю оставшуюся жизнь. У меня была такая же, но с утятами... нет, с другими какими-то птенцами, не помню... Но оранжевая...

И ни ласкового слова ребенку, ни даже улыбки в ответ на его «спокойной ночи, тетя!» не дождалась от незнакомки Лариса. Очень ей это не понравилось, и приятное впечатление, которое произвела на нее миловидность незнакомки, стерлось мгновенно.

Уведя Дениску, Лариса, прекрасно знавшая Асино хозяйство, быстро накрыла на стол и завела разговор.

Но что это был за разговор! Поскольку Лариса фактически не являлась уязвленной стороной, то и не возникало у нее позыва к истерике или обмороку. Более того – Лариса встряхнулась! Она должна была спровадить незнакомку до прихода Аси. И стоило послушать, как она рванулась в атаку! Тряхнув боевым своим журналистским прошлым, принялась Лариса расспрашивать, где незнакомка живет, да какие у нее условия, да на каком она месяце, да помогут ли родители, и все это с безупречной профессиональной цепкостью, подкрашенной благодушием. Тактика оказалась удачной. Незнакомка, сбитая с первоначального своего наскока, растерялась и отвечала, как на экзамене. Похоже, она рассчитывала на скандал, после которого этой же ночью жена выставит Диму за дверь, а скандала-то как раз и не получалось.

Возмутительнице спокойствия было лет двадцать, на Ларисин взгляд, и скроена она была без единого уголочка, вся кругленькая, ладненькая, причем мотив округлости невольно повторялся во всем – в покрое сумки, узоре шейного платочка, рыжеватых кудряшках на лбу, наконец. Это так контрастировало с суховатой, подтянутой, похожей на классическую английскую леди Асей, что Лариса готова была понять Диму. Вот только замечалось в незнакомке, при всей ее ладности и уютности, что-то страшно неустроенное, чуть ли не бездомное, как у забредшей в тепло бродячей кошки.

И смутно делалось Ларисе от этого ощущения, ох как смутно...

Завершив допрос, – причем Незнакомка выпила за это время четыре чашки крепкого чая с вареньем и так распарилась, что даже ее суетливые ответы обрели плавность, – Лариса поблагодарила ее за визит. А затем, сбив с толку комплиментом ее модным туфлям, предложила сопернице одеваться и отбывать, потому что вот-вот явится Дима, а обсуждать такие дела втроем – нелепо, дико и наводит на мысль о скандале в гареме. И раз они, женщины, пришли к какому-то соглашению, то мужчину в это впутывать уже не стоит.

Соглашения, разумеется, никакого не было, но разговор длился так долго, что сам по себе мог сойти за это соглашение. И потому ход, каким Лариса выпроводила незнакомку, вполне можно назвать ловким. А проснувшиеся сегодня при слежке за Кологривом шпионские таланты подсказали Ларисе потушить на кухне свет и поглядеть из-за шторы, действительно ли незнакомка уехала и не столкнулась ли с Челноковыми на троллейбусной остановке.

Такого кошмара не произошло. И, вздохнув с облегчением, Лариса вспомнила, что так и не спросила, как зовут соперницу. Но это уже не имело значения.

Вскоре явились и Дима с Асей. Выслушав положенные благодарности, Лариса заторопилась домой и только попросила Диму зайти к ней на пять минут – у нее вроде дверца от шкафа собралась отлететь.

И был дан горнолыжнику и альпинисту жесточайший разгон. Припертый к стенке, Дима отбивался тем аргументом, что хоть и напозволял себе лишнего, но о последствиях слышит впервые.

За неимением времени на перебранку, Лариса ему поверила. Пора уж было искать выход из положения. Ведь Асе, в ее теперешнем состоянии, знать про мужнины подвиги не следовало. Она ждала второго малыша, хотя и Дениску-то родила, невзирая на запреты эскулапов.

Но мирились они свирепо.

ДИМА. Да люблю же я Аську, сама видишь! Но у нее одна хворь за другой, а я? Мне эти женские хворости уже поперек горла стоят. Постоянно ей врач все запрещает, я теперь – особенно! А я что, каменный? У меня тоже какие-то потребности имеются, и...

ЛАРИСА. Дать бы тебе по твоим потребностям!

ДИМА. Ты, что ли, в монастыре живешь? Я с тобой откровенно говорю, ты же свой парень, а ты?..

ЛАРИСА. Свой парень? Опять – старые боевые кони?

ДИМА. Какие кони? А-а! Ну, вроде того... Уж ты-то должна понять!

ЛАРИСА. Попытаюсь. Ладно... Будут вам боевые кони...

Разобравшись кое-как с этической стороной дела, они перешли к практической: как не допустить Димину случайную подругу до законной и реальной жены.

Вот и закрутилось все, и не повернуть назад. Вот и Дима удрал домой, и в окнах напротив свет погас, а Лариса все сидит и размышляет.

Два раза в течение дня боевым конем обозвали! И оба раза за то, что блудливым мужикам выкрутиться помогла! Ну, есть ли после этого справедливость на свете?

И принялась Лариса со всей жестокостью по отношению к себе, дуре бестолковой, вспоминать, как впервые встретила подлеца Кологрива, как он ничтоже сумняшеся со своей Валентиной ее знакомил, как недавно пирожным в буфете угощал, а она и растаяла, дуреха несуразная... И как она, еще в бытность его скромным выпускающим в многотиражке, грешки его мелкие покрывала, а сама ведь занимала там куда более важный пост – корреспондентский. И как помчалась вслед за ним в городскую газету – хоть уборщицей, хоть машинисткой! Вот и оказалась в итоге корректором... Ведь не переиграть, ведь не вернуть бездарно растраченного времени, вот что обидно. И вечера сегодняшнего обидного не переиграть.

И как же это так все получилось? Лариса посмотрела в оконное стекло прямо перед собой. По ночному времени оно не хуже зеркала отразило ее лицо. И стало даже странно, что не конскую морду...

И было тут Ларисе потустороннее видение.

Она явственно услышала голос, вещавший:

– Женщина! Как ты дошла до жизни такой?

Конечно, если во взбудораженном состоянии досидеть до четырех утра в гулком одиночестве, еще и не то услышишь. Но ведь сегодня с Ларисой уже произошло одно чудо, почему бы не быть другому? Или не было мистического шиповника?

Лариса принесла из прихожей сумку, пошарила в ней – и действительно вытащила ожерелье. Растянула на пальцах – не слишком длинное. Примерить? А почему бы и нет? И, глядя в оконное стекло, надела Лариса подарок судьбы, и

легли прохладные плоды ей на грудь. И овеяла сердце приятная такая прохлада.

А внутри происходит что-то непонятное. Как будто возник клочок пустого пространства и начал расти, и обозначилось нечто пестрое, с золотыми и серебристыми проблесками... и с алым тоже... Все пристальнее вглядывается в себя Лариса, все отчетливее оно становится, и уже можно разглядеть наряд с черными, зелеными, белыми и красными ромбами.

Но оно, хоть и внутри, еще настолько далеко, что ни лица, ни фигуры разобрать нельзя, и только доносится куплет совершенно незнакомой песни:

*... и я отныне пожелала
жить по законам Карнавала,
ему я душу отдаю, а вместе с ней – печаль мою,
чтоб я вовек уже печальной не бывала!*

Из чего можно заключить, что оно – женского рода, но с выводами лучше не спешить – а вдруг это и не оно вовсе поет?

Тем более, что странный головной убор обнаружился на нем – черная бархатная треуголка.

ОНО. Здорово ты себе все испортила, голубушка. Твой красавец Кологрив в тебе женщину в упор не видит.

ЛАРИСА. Сама виновата. Опустилась. Намажусь, оденусь, причешусь...

ОНО. И получишь дежурный комплимент. Или ты собираешься каждый день менять туалеты? Это на твою-то зарплату?

ЛАРИСА. А как же тогда быть?

ОНО. Давай думать. Раз он не оценил твою верность и стойкость, твоё бескорыстие и готовность в любую минуту кинуться на выручку... Впрочем, и правильно сделал, что не оценил.

ЛАРИСА. То есть как?!?

ОНО. А это, милая, все – собачьи достоинства. Когда человек в них нуждается, он заводит собаку, с ней, кстати, и проще – знает свое место.

ЛАРИСА. Ну, спасибо... То конь, то собака...

ОНО. Сама виновата. Ты же первая забыла, а в результате и прочим позволила забыть, что ты – женщина. На юбку свою посмотри! А теперь повторяй за мной: я – женщина!

ЛАРИСА. Ну, я – женщина...

ОНО. Вяло. Еще раз.

ЛАРИСА. Женщина я.

ОНО. Вдохновения мало. Еще!

ЛАРИСА. Ну, баба я, баба я, баба!

ОНО. Так. И если меня не любили за мои достоинства, то полюбят за недостатки. Повторяй!

ЛАРИСА. То есть как?

ОНО. И если не замечают моих взглядов, я пушу в ход хитрость, увертливость и упрямство!

ЛАРИСА. Но каким же образом?

И тут буквально в двух словах наметило загадочное существо некий план и даже разбило его для доходчивости на ряд боевых операций. План был прост и забавен, хотя требовал некоторого риска, актерских данных и материальных затрат. Так что Лариса минут пять молчала в недоумении – и соблазнительна

казалась ей эта затея, и нахальна, и вообще... А главное, в голове не укладывалось, как это она, человек уравновешенный, деловой и не склонный к авантюрам (если не считать совращения Соймонова), отважится на такие кошмарные деяния.

ОНО. Я понимаю. Ты еще не готова. Сегодняшних событий тебе мало. Ничего, не тороплю. Недолго осталось...

ЛАРИСА. Откуда ты знаешь?

ОНО. Твое самолюбие крепко задела. Еще два-три щелчка по больному месту – и порядок.

ЛАРИСА. И откуда же мне их ожидать?

ОНО. Отовсюду. Ты просто однажды очень отчетливо увидишь то, чего раньше замечать не желала... Ну, мне пора.

И тут только Лариса заметила, что странное существо достаточно к ней приблизилось, чтобы разглядеть его во всех подробностях. Костюм – чуть ли не шутовской, винегрет какой-то из разноцветных ромбов, но изящен и пикантен до крайности. Черный, сверкающий золотом и серебром корсаж падает на юбку дюжиной острых и длинных углов, и каждый такой хвост кончается красным шариком. Юбка из ромбов, широкая и довольно короткая, открывает ноги в белых чулках и красных башмачках. На цепочке, охватившей кисть руки, болтается веер. С уголков треуголки тоже свисают красные пушистые шарики. А на лице – бархатная маска, как будто это сиамская кошка нарядилась в женское платье...

ЛАРИСА. Коломбина?!

КОЛОМБИНА. Ха! Повелительница Коломбин! Но, говорю тебе, мне пора! Отдай душу Карнавалу, слышишь? Отдай душу Карнавалу!

Лариса уставилась на нее, не понимая этого странного призыва, а пестрый демон запел тихо-тихо, но так, что делалось жутковато:

*... и я отныне пожелала
жить по законам Карнавала!
Ему я душу отдаю,
а вместе с ней – печаль мою,
чтоб я вовек уже...*

Тут и голос, и ромбы вместе с ним растаяли. И кусочек пустоты стал быстро-быстро затягиваться, съежился и притворился, будто исчез. А за окном оказалось светлеющее небо.

Так что же, ожидаются бурные события?

Не знаю. Ведь есть еще и тормоза, не менее важные, чем право быть победительной женщиной.

Так что оставим героиню размышлять о прошлом и будущем и займемся, наконец, местным колоритом, чтоб уж больше к этой теме не возвращаться.

А странная сейчас у Ларисы улыбка. И ожерелье с шеи сняла, раскрутила на пальце...

Ох, не стоило Кологриву впутывать ее в свои амурные шашни, ох, не стоило!

ГЛАВА ВТОРАЯ. О ПОГОДЕ НА ЗАВТРА, БЕЛОЙ ГОРЯЧКЕ И ТОВАРИЩЕ СОЙМОНОВЕ

Лариса проснулась часов в одиннадцать. Пока бездумно валялась в постели – оказалось, что половина двенадцатого. Пока позавтракала, оделась, накрасилась, причесалась – половина первого. И в час Лариса, как положено, была на работе.

В каждой редакции имеется корректура. Ее дело – следить, чтобы в газете не появлялись ошибки.

В почтенной газете, выходящей пять или шесть раз в неделю, как правило, восемь корректоров. Работают они посменно, через день. Смена длится часов восемь-девять, но требует полной выкладки. Бывают смены и по двенадцать часов – когда идет официоз, то есть правительственные сообщения, речи на съездах и вообще все то, что должно наутро дойти до читателя по всей стране.

График работы корректуры, на первый взгляд, кажется санаторным. Скажем, Лариса работает в понедельник, среду и пятницу, имея четыре выходных в неделю. И хотелось бы мне посмотреть на женщину, которая отказалась бы от такого блаженства!

Но в богадельню, как иногда сгоряча называют корректуру в редакции, тоже не каждого возьмут. Будут две недели проверять на глазастость, а потом объявят: «Не видит ошибок!» И поди поспорь...

Корректура в редакционном коллективе – это государство в государстве, со своими обычаями, своими мелкими интригами и даже со своим языком. Иногда она позволяет себе порезвиться в просторах русской грамматики. Так, например, неизвестно, кто первый выудил из тьмы веков суффикс «ея-», но в течение полугода, не меньше, вражья смена вместо «свадьба» говорила «свадьбея» и, соответственно, «субботея», «просьбея», «зарплатея». Первая смена в пику ей ввела в обращение «свадьбец», «просьбец», «зарплатец» – и все это с ударением на последнем слоге.

Во всякой корректуре существуют свои герои, свои легенды, свои анекдоты. Новичкам рассказывают про асов былых времен, устремлявших единственный взор на подписную полосу и замечавших отсутствие запятой в середине третьей колонки. Их устрашают преданиями о роковых ошибках, за которые снимали редакторов. Повествуют о корректорских ляпсусах времен царя Александра, чьего порядкового номера никто, к сожалению, не помнит. Якобы в отчете о коронации было напечатано: «...митрополит возложил на голову его императорского величества ворону». И якобы появилось в следующем номере той газетенки кошмарное опровержение – мол, каемся, ошиблись и предлагаем вам, милостивые государи, правильный текст; «...митрополит возложил на голову его императорского величества корову...»

Вот где работает Лариса, и даже успешно, ибо два года назад ее назначили старшим корректором. Честно говоря, после суетливой должности корреспондента многотиражки корректура ей показалась раем. И скисли планы борьбы за место в отделе, а материалы из-под ее пера появлялись лишь из материальных соображений, потому что сотня в месяц – это аккуратно на квартиру, кофе и косметику, и даже если выкраивать по двадцатке, то на приличное зимнее пальто будешь копить года полтора, не меньше.

Не то, чтоб окунулась она в корректорский быт, а было ей там после пережитых несколько лет назад волнений спокойно, и могла она издали обожать Кологрива.

А Кологрив стремительно делал карьеру. За пять лет побывал он выпускающим в секретариате, заместителем ответственного секретаря, корреспондентом, опять заместителем, два месяца для приличия – заведомом информации, чтоб не вышло слишком большого прыжка по служебной лестнице, и, наконец, стал заместителем редактора. Останавливаться же на этом он явно не собирался.

Но пусть уж наслаждается Кологрив последними мирными деньками перед великими передрягами. Последуем лучше за Ларисой в фантастическое учреждение, именуемое редакцией. Ибо только в канцелярии господ бога и в редакционном секретариате услышишь, пожалуй, такой диалог:

– У нас нет погоды не завтра! Как быть?

– Ставь вчерашнюю!

Стало быть, пройдем мы вместе с Ларисой по редакционному коридору и откроем дверь с табличкой «Корректорская». Интерьер этой комнаты – не для слабонервных. Она увешана всевозможными плакатами, от импортных, с портретами полуобнаженных эстрадных звезд, до местных, рекламирующих сберкассы. Причем на плакаты вкривь и вкось наклеены газетные заголовки, как-то: поперек солиста, соблазнительно прогнувшегося в своих сверкающих штанах, тянется заголовок позавчерашнего политического комментария: «Позиция партнера: какова она?» На окне же, зацепленный с концов шпильками за шторы, висит транспарант, намалеванный губной помадой на полосе обоев: «Лучше перебдеть, чем недобдеть!» Он остался на память от одного из бывших редакторов, потому и слетевшего, что однажды корректура недобдела...

Явившись вовремя на рабочее место, Лариса не обнаружила на подоконнике ни Людмилиной косметички, ни Зоиной авоськи, ни Марианниной кучи книг. А стол был завален гранками.

Гранка – это полоска бумаги с колонкой текста. В нее завернут оригинал – то, с чего наборщик набрал текст. Гранку нужно прочесть вслух, исправляя в ней ошибки, в то время как коллега следит по оригиналу, не переврали ли фамилию или цифру. Исправленная гранка возвращается в типографию. После чего корректоры получают оттиск целой газетной полосы и кучу жеваных гранок. Полоса сверяется с гранками – интересно же, каких ошибок линотиписты наделали взамен исправленных. Кроме того, при верстке полосы вываливаются строчки, и их надо вписать. Полоса после этих процедур размалевана фломастерами вдоль и поперек. А еще является дежурный редактор и добавляет к этой мазне свои сокращения и исправления. Не успели разделаться с полосой – поступает следующая. Потом – еще одна. Потом, скорее всего, вернется выправленная первая. Потом принесут четвертую. Потом вернется вторая.

Потом придет дежурный редактор и снимет с первой половину уже чистых материалов, чтобы поставить другие. Их спешно читают в гранках и шлют на правку. Потом одновременно являются третья и четвертая. Потом – опять вторая. И так – весь вечер.

А очень часто случается, что часикам к девяти, когда почти все готово и корректура соображает, в какое кино она еще успеет, вдруг по телетайпу приходит известие о запуске космонавтов. Половина первой полосы спешно набирается заново, и лишь в полночь Лариса выводит дрожащей рукой слова: «В печать. Л. Н.»

Так что Лариса стала разбирать гранки сама, хотя это, собственно, обязанность Людмилы. Но Людмила опаздывает, и Лариса злобно вычисляет, не повел ли ее Кологрив пить кастрюльный кофе.

Является Марианна. Она не бросается на помощь Ларисе, а идет к зеркалу рисовать себе глаза. И она совершенно права – разбирать гранки не ее обязанность. Опытным оком Лариса замечает в ее сумке увесистый фолиант. Нет сомнений, что бывшая соперница намерена его освоить в рабочее время.

Лариса жалуется ей на Людмилу. Марианна соглашается.

Появляется Зоя и сразу же хватается за телефон. Лариса вздыхает – ей не удастся держать подчиненных в ежовых рукавицах. Телефонной педагогикой Зоя готова заниматься чуть ли не весь день и еще обижается, если ей не дают разговаривать больше сорока минут.

Но на этот раз педагогика не затягивается. Лариса жалуется Зое на Людмилу. Зоя соглашается. Так уж повелось, что последняя опоздавшая из четверки наталкивается на каменную солидарность коллег, даже если они и опередили ее на пять секунд ровно.

Время идет, из секретариата звонят и торопят, поэтому Лариса сразу сажает Зою и Марианну читать гранки. А через четверть часа, когда Ларисе уже надоело демонстративно изнывать от безделья, врывается Людмила.

ЛЮДМИЛА. Бдиха Берестова на дежурство прибыла!

Встречает ее тяжелый взгляд Ларисы, который Берестова относит за счет опоздания. И ей кажется, что выработанная раньше метода смягчения Ларисы сегодня тоже сработает.

ЛЮДМИЛА. Ой, дура я безмозглая, балда я бестолковая, ой, ведь знала же, что просплю, ой, ведь могла же позвонить, ой, вот дура, вот идиотка, ну, просто дура ненормальная!

Обычно ей удавалось таким монологом рассмешить Ларису. Но сейчас та молчит и явно ждет продолжения. Людмила, скисая, пытается себя честить на чем свет стоит. Наконец Лариса, сжалившись, сурово говорит ей, что вот гора гранок, и Людмила с облегчением за них хватается.

И покатился обычный день, в котором все вперемешку – ругань с секретариатом, ругань с цехом, фактические ошибки в оригиналах, капризы начальства, телефонные звонки и прочая белиберда.

Но на сей раз все это пролетало как бы мимо Ларисы.

Работала она спокойно, споро и толково, но мысленно все возвращалась к своему ночному видению. Да еще Людмилиной физиономия действовала на нервы – и в результате план, небрежно и лихо сочиненный пестрым демоном, стал обретать реальность.

План был подходящий, да только сомнительный. Лариса, числясь в корректурской табели о рангах женщиной деловой, все еще не избавилась от робости и неуверенности. План же требовал активности и отваги, которых в нужную минуту могло и не хватить. Лариса прекрасно это понимала, и все же... Да, совершенно по-женски она одновременно признавалась в собственном бессилии и крутила телефонный диск. Трубку не брали, она ворчала и через полчаса снова звонила. Но звонила она не Соймонову.

Настало время перекусить. И стало ясно Ларисе, по какому такому совпадению Кологрив попадал в буфет одновременно с корректурой. Разумеется, он оказался в очереди рядом с Людмилой, а та вся разулыбалась, хоть и молча – видно, Кологрив хорошо ее вышколил по части конспирации.

Вернувшись из буфета, корректура круто взялась за работу и перевела дух только тогда, когда все четыре полосы принесли из типографии на подпись.

Затем следовало отдать их на прочтение человеку, которого называют «свежей головой».

Из этого не значит, что он держит голову в холодильнике. Бывает, что «голова» несет свои обязанности с крепкого похмелья. Термин означает, что она свежим взором выловит ошибки, пропущенные корректурой. «Свежачат» сотрудники по очереди.

Лариса занялась сортировкой материалов номера – что на какую полосу встало, что отложили на завтра. Коллеги с пудреницами толклись перед зеркалом. Но было что-то тревожно...

ЛЮДМИЛА, Спорю на «мерседес-бенц», будет ошибка. Носом чую.

ЛАРИСА. Паникеров к стенке. Не перечитывать же весь номер!

Скажи об этом Марианна или Зоя, Лариса, может, и развернула бы сверток, чтобы проворить одно неясное подозрение. Ей казалось, что она эту ошибку уже отметила в каком-то заголовке из международной информации, и внутреннее зрение возмутилось, а обычное почему-то молчит... Но об этом сказала Людмила.

Тут в дверях появился человек, озаренный неземным восторгом.

ЧЕЛОВЕК. Во! Выловил! Эх вы, вороны!

ЛАРИСА. Ну и что же ты там выловил?

Человек молча, но с торжеством во взоре показал кусок заголовка, обведенный красным фломастером. Вместо «Соединенные Штаты» крупными буквами значилось «Соединенные Штаны».

ЛАРИСА. Раз в месяц и от «свежей головы» бывает польза. Марианна, снеси эту мерзость в цех, пусть выправят.

Марианна отбыла, а человек сник. Он, мнивший себя спасителем редакции от завтрашнего веселенького скандальчика, разбился, как волна об утес, о Ларисину непоколебимость.

Конечно, и Ларисе было смешно, но она держалась стойко.

ЛАРИСА. Хм, Соединенные Штаны... Это даже вообразить себе трудно. Четыре штанины, что ли? И как они торчат, в одну сторону или в разные? Кто читал заголовок?

ЛЮДМИЛА. Марианна.

ЛАРИСА. А в подписной полосе?

ЛЮДМИЛА. Я... Дура я бестолковая, идиотка фирменная, все, делай со мной, что хочешь, растяпа и ворона...

ЛАРИСА. А что – я? Не я здесь главная. У тебя уже было два выговора. Знаешь? И что шеф сказал? Знаешь? То-то...

Тут Ларисе стало вдруг неловко – всегда она эту раззяву Людмилу покрывала, а теперь вдруг взъерепенилась. Из-за ошибки, как же! И сочла она недостойным себя сводить на работе женские счеты, и махнула рукой – мол, ступай, Людмила, и без тебя кисло... Людмила, конечно же, сразу смылась, а Лариса ощутила, что совесть ее чиста и руки развязаны.

И отправилась она не домой, нет! Она, на ночь глядя, отправилась туда, куда безрезультатно весь день звонила.

Поднялась Лариса по темной и вонючей лестнице и на последнем этаже позвонила в дверь условным сигналом в ритме «Хабанеры» из оперы «Кармен».

Ларисе пришлось протрезвонить всю «Хабанеру», и она уж собралась было уходить, когда в дверном проеме возникла странная фигура.

ФИГУРА. Привет. Поздравь, у меня белая горячка. Делириум тременс.

ЛАРИСА. Привет. Охотно верю. Соответствуешь.

Жертва перепоя была завернута в полосатый халат, на голове имела тюрбан из полосатого полотенца, а другое, опять же полосатое, висело на шее. Вместо глаз было два совершенно черных пятна, каждое с кулак величиной.

Лариса мужественно перешагнула порог.

ФИГУРА. Вот, прихожу в чувство после галлюцинации. Сплю весь день.

ЛАРИСА. Не сидел ли на шкафу чертик, болтая копытцами?

ФИГУРА. Классический случай – белые мышки. Холодный душ не помог.

ЛАРИСА. И как, прямо по полу шныряют?

ФИГУРА. По кладовке. Да ты входи. Коньяку хочешь?

И Лариса вошла в комнату, носившую следы бурной ночной жизни. Одни суповые тарелки на полу, полные окурков, чего стоили! Но самыми эффектными были бутылки с остатками разнообразных коньяков, декоративно выставленные на пианино.

ЛАРИСА. Пятьдесят граммов, только молдавского, он помягче.

ФИГУРА. А то могу «Реми-Мартен». Или «Болс», он сладкий.

ЛАРИСА. Тогда – «Болс». Завязываешь, что ли?

ФИГУРА. Это же черт знает до чего можно допить. Сигареты есть?

ЛАРИСА. На. И пойдешь умойся, а я чай поставлю.

Фигура с сигаретой побрела в ванную. Лариса отправилась не кухню хозяйничать. После дежурства ей хотелось есть. Но хлеб был тверже гранита. Возмечтав о жареной картошке, Лариса открыла дверь кладовки.

Тут ей потребовались все ее душевные силы, чтобы удержать в горле визг: на подвесной полке паслись две белые мышки.

От пятидесяти граммов «Болса» такое привидеться не могло.

Протянув трепещущую руку, Лариса схватила корзинку с картошкой. Дверь сама собой захлопнулась.

Обыкновенные мыши ее бы не удивили. Но гнездо мышей-альбиносов?.. Оставалось предположить, что белая горячка, она же – делириум тременс, отныне – хвороба заразная...

В ужасе перебирая варианты, Лариса принялась чистить картошку. В дверях ванной появилась тем временем преобразившаяся фигура.

Перед Ларисой стояла с расческой в руке молодая очаровательная, хотя и бледная после коньячных и прочих подвигов, женщина в одних трусиках. Ее длинные темно-каштановые волосы с золотой искрой падали вдоль спины, и оканчивалось их пушистое облако, немного не доходя до подколенок.

ЛАРИСА. Есть прогресс. Оденься, Ника, замерзнешь.

НИКА. Зажги еще одну горелку. В зеркале-то я чего увидела – ба-а-тюшки! То ли желтушница сорокалетняя, то ли жертва морской болезни...

ЛАРИСА. Береги рожу – это у тебя орудие производства!

Из этого совсем не следовало, что Ника, боже упаси, продает свою красоту за наличный расчет! Просто в некоторых профессиях внешность играет важную роль. Ника – певица. И ее судьба в чем-то параллельна Ларисиной судьбе. В консерватории считалась перспективной. Потом – катаклизм в личной жизни. Очнулась солисткой второразрядного ансамбля в приличном ресторане. Очухалась, привыкла и убедила себя, что вполне довольна.

Подруги сели за стол. Уплетая картошку, Лариса поглядывала на сотрапезницу и все больше убеждалась в верности безумного плана. Ведь Ника была-таки хороша! А с загулом ситуация вышла такая – положились друг на

дружку шальные деньги за какие-то левые концерты, скандальчик с руководителем ансамбля, именины очередного возлюбленного и еще что-то. Белые мышки явились вовремя...

За сковородкой Лариса изложила Нике последние события и даже поведала о своем ночном видении – на уровне сна, конечно, о помощи же покамест не просила.

НИКА. Ясно. Одно удивительно – как это тебе раньше не приснилось.

ЛАРИСА. Все так дико совпало...

НИКА. Да, такие вот совпадения и гонят нас на Карнавал.

ЛАРИСА. Но что же это такое – Карнавал? Ты знаешь?

НИКА. Кажется, уже знаю. Очень удобная штука, между прочим. Все красивые женщины – Коломбины, все мужчины – Арлекины, и никаких проблем.

ЛАРИСА. И все любят всех, что ли? Попахивает бредом...

НИКА. Да нет же! Карнавал – это возвращение к истокам, к исходной правде, понимаешь? Это когда женщина женственна, а мужчина – мужествен, только и всего. Это когда у женщин все женские привилегии, понимаешь? Не понимаешь...

ЛАРИСА. И ты хочешь сказать, что сама выбрала Карнавал, и у тебя есть все эти привилегии?

НИКА. Не веришь? Убедишься!

Она выскочила из кухни и вновь возникла с вешалкой в победно поднятой руке. На вешалке висели черный корсаж с красными шариками и юбка в ромбах.

НИКА. Треуголка в коробке на шкафу, а туфли в ящике. Показать?

ЛАРИСА. Не надо. Красные башмачки с пряжками.

Подруги замолчали. Ника заговорила первая. Ее голос был глуховатым и далеким, когда она, положив пестрое коломбинское имущество на колени Ларисе, завела такую речь.

НИКА. Это просто – надо только отбросить те представления об отношениях мужчины и женщины, которые в тебя вдолбили со школьной скамьи. Все оказалось не так. И чего ты, следуя им, достигла? Ты старательно превращаешь себя в тупую посредственность, для которой мерки этих отношений впору.

ЛАРИСА. Карнавальные отношения меня тоже не устраивают.

НИКА. Отношения будут такими, каких ты сама захочешь. Ясно? Никто не сможет навязать тебе роли приличной жены, как твой Соймонов, или роли боевого коня, как твой Кологрив. Запомни главный закон Карнавала. Коломбине дозволено все! Кого и чего бы она ни пожелала, она имеет право взять. Кто и что бы ей ни надоело – она имеет право отбросить. Вот и все.

И, пока Лариса осваивала этот неожиданный закон, Ника взмахнула пестрым одеянием – и оно как будто само улетело с кухни в комнату, а Ника уже жаловалась на городское хозяйство и дворников, потому что недавно, вылезая ночью из машины, попала в колдобину и сломала каблук у выходных туфель. Она даже принесла на кухню туфлю с отлетевшим каблуком, чтобы Лариса оценила величину потери. Но Лариса вместо того задумалась, держа в руке тонкий и острый, словно стилет, каблук.

ЛАРИСА. Между прочим, если бы осуществлять план завоевания Кологрива, то этот каблук здорово бы пригодился...

Ника на это не сказала ни слова, и правильно сделала. Иначе завязался бы спор о том, стоит или не стоит уважающей себя женщине пускаться в такие авантюры, и Ника настаивала бы на активных действиях, а Лариса из чувства противоречия от них отказалась бы.

Так что в голове у Ларисы твердо засела мысль об осуществимости злодейского плана. И она засобиравшись домой.

НИКА. Катись, только вынеси в кладовку картошку.

ЛАРИСА. Белых мышек боишься?

НИКА. Белой горячки боюсь.

Трепещущей рукой взялась Лариса за корзинку. Ведь знала же она, что есть в кладовке какой-то феномен, какое-то наваждение, но говорить об этом Нике не хотела из педагогических соображений.

И загадала тут Лариса – как развернутся события в кладовке, так пусть и получится со злодейским планом! Эта мысль помогла ей решительно отворить дверь и вступить в кладовку.

На сей раз она пробыла там подольше, и не потому, что рухнула в обморок. Белые мышки резвились на той же полке. Лариса героически на них уставилась, и ей показалось странным, что, шныряя, они как бы темнели на глазах, зато полка светлела. Лариса подошла поближе, мыши смылись, и тут все объяснилось. В пакете с мукой была прогрызена основательная дырка.

Лариса, на манер Людмилы, обозвала себя дурой фирменной, хотя вывалявшаяся в муке мышь, пожалуй, и самого Кологрива привела бы в смятение. Но у нее хватило стойкости не раскрывать тайну Нике.

Пророчество могло значить лишь одно – что паника окажется напрасной и план удивительно легко осуществится.

Домой Лариса помчалась на такси, но машину отпустила в квартале от дома, создав иллюзию приезда с работы на автобусе.

С Соймоновым она встретилась у подъезда.

Трудно описать Соймонова Валерия Яковлевича – тридцати трех лет от роду, разведенного, среднего роста и средней упитанности, инженера на среднем предприятии. Это был тот самый, фигурирующий в статистических отчетах гражданин, который ходит в кино пятнадцать с половиной раз в год, выписывает шесть и три десятых периодических изданий и поедает указанное в годовых сводках на душу населения количество мяса, молока и яиц.

Словом, этот среднестатистический жених со средней скоростью двигался к Ларисинуму подъезду, ничем не выделяясь среди прохожих, и даже радуя чей-то взгляд своей среднеэлегантной внешностью.

Возвращаясь домой, Лариса опять впала в сомнение относительно плана, и поэтому обрадовалась Соймонову. Соймонов – это была вполне реальная надежда на мирное и будничное счастье, на семью, на ровные и хорошие отношения.

Она предупредила жениха, что задержалась по уважительной причине – Марианна справляла день рождения. В свое время они вдвоем познакомились с Соймоновым, и Ларисе было очень удобно завлекать его, прикрываясь неопытной в таких делах Марианной. Потом завлеченный Соймонов свел к нулю контакты с Марианной, так что поймать Ларису на вранье он не мог, а опоздание и хмель получили объяснение.

Доверив Соймонову стряпню ужина, Лариса побежала к Асе. Но не только из-за Диминых проказ – она хотела покаяться в шальных затеях, получить нагоняй и оставить безумные планы навеки. Ася могла ее легко встряхнуть и наставить на путь истинный – ведь именно Ася была инициатором совращения Соймонова, хотя речь сперва шла не о замужестве. И именно Ася сообразила, что он по всем качествам годится на роль образцового супруга. Соймонов, видя

хорошее к себе отношение, сильно Асю заужал, и дружбе Аси с Ларисой всячески покровительствовал.

Дима стирал в ванной. Лариса всунулась туда и узнала, что незнакомка ни словом не проболталась ему о своей рискованной затее. А Дима имел вид благополучного супруга, которого никто из дому выставить не собирается. И, поскольку служебная инструкция не требовала от него контактов с лаборанткой из соседнего отдела, то он и не обременял незнакомку своим обществом.

Стало тут Ларисе немного противно. Подумала она, что и Кологрив, рявкни Валентина посерьезнее, так же отшатнется от Людмилы, или от той, что сменит ее, и будет ходить по редакционному коридору с безмятежной физиономией, А Людмила – или та, что сменит ее? – они-то как очухиваться будут?

И всплыл в памяти голос незнакомки, которая тут же, на кухне, так смешно и неловко боролась за этого Диму, время от времени бросая на Ларису взгляд бездомной кошки, прокрававшейся я теплый уголок и ждущей – когда же выгонят...

И показалось Ларисе, что незнакомка чем-то похожа на Людмилу – разумеется, не характером, Людмила ввек не пойдет объясняться с Валентиной, а чем-то еще. Пожалуй, походкой, а может, и не только...

Ася неважно себя чувствовала, разговор не состоялся, и Лариса вернулась к Соймонову. Он успел принять душ, раздеться и лечь. Ужин ждал их на столике у постели. Лариса минут десять повозилась в ванной и пришла к жениху.

И было ей в эти десять минут смутно. Голосом Аси она внушала себе, что погоня за Кологривом не стоит близости хорошего человека Соймонова. Правда, Лариса прекрасно знала, что отношение Соймонова к ней еще не доросло до любви, но они с Асей вычислили, что через полгода среднеарифметический жених привяжется к невесте со всей душевной силой, на какую способен, а большего требовать нельзя ни от кого на свете. Но от этого Ларисе легче не становилось.

И забралась она под одеяло, и прижалась к жениху, как будто хотела сконцентрировать эти полгода в одном мгновении и привязать себя к Соймонову хотя бы благодарностью за его будущее чувство.

Но Соймонов, приласкав ее, завел какой-то совершенно неподходящий разговор насчет импортных спальных гарнитуров, квадратных метров и денег. Волей-неволей Лариса что-то отвечала ему.

И вдруг ее словно пружиной подбросило.

Далеко она из постели не улетела – помешало одеяло. Лариса села, встряхнулась и уставилась на жениха.

Она не могла восстановить его последнюю фразу, но интонация! За последние полтора дня она уже дважды слышала подобную – несколько покровительственную, малость снисходительную, хотя в целом – доверительную и добродушную.

СОЙМОНОВ. Ты чего?

ЛАРИСА. Ничего! Задремала и вдруг проснулась.

СОЙМОНОВ. Ты не слышала, что я тебе говорил?

ЛАРИСА. Я на секунду вырубилась, понимаешь?

СОЙМОНОВ. Значит, так. Мы с тобой не маленькие дети...

ЛАРИСА. Вот!..

СОЙМОНОВ. Что – вот?

ЛАРИСА. Как ты это сказал.

СОЙМОНОВ. Обыкновенно сказал. Значит, мы оба взрослые люди...

Несомненно, из этого вытекали какие-то важные выводы, но Лариса их проигнорировала. Она вдруг поняла одну довольно страшную вещь.

Хотя у Соймонова и достало ума не пользоваться грубоватыми сравнениями, но суть дела оставалась той же. Лариса и для него была не возлюбленной, а доброй и покладистой рабочей скотинкой, старой боевой лошадкой, с которой удобно идти по жизни в одной упряжке, которая и выбрана-то именно за это качество. Пестрый демон оказался прав – выплыло то, чего она раньше не хотела замечать.

Мы с тобой не маленькие дети! Вот точно так же сказал Кологрив – мы с тобой старые боевые кони! И поддержал его Дима – ты же свой парень!

Возлюбленный, жених и сосед – так что же это? Неужели они правы? Чушь, бред и галиматья.

Лариса не слушала Соймоновских рассуждений и забыла, как только что сама прижалась к этому человеку в поисках спасения от грядущих глупостей.

А слышала она смех Повелительницы Коломбин – иронический такой смешок.

ЛАРИСА. Это невыносимо...

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Сейчас тебе двадцать восемь. В будущем году, следовательно, двадцать девять. И так далее.

ЛАРИСА. Я искренне хотела... я делала все, что в моих силах...

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. И потерпела крах.

ЛАРИСА. И все-таки...

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. А ведь Коломбине дозволено все!

ЛАРИСА. Не знаю почему, но я боюсь Карнавала.

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Никто не тянет тебя туда за ухо. Но запомни – Коломбине дозволено все!

ЛАРИСА. Я постараюсь обойтись малой кровью. Я рискну немногим. Ведь проучить всего одного человека – для этого не нужно Карнавала. Разве не так?

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Попробуй.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, В КОТОРОЙ ЛАРИСА ВЫХОДИТ НА ВОЕННУЮ ТРОПУ

Следующий день у Ларисы был выходной. Она хотела заняться с Никой злодейским планом, но прихворнул Дениска, забюллетенила Ася, и Лариса с вязаньем перебралась на весь день к соседям. Ася бегала в поликлинику на процедуры, а Лариса мужественно играла в маленьких луноходиков, оружейный магазин и прочие, не предусмотренные детсадовским воспитанием, игры. Когда на вахту заступила Ася, Лариса пошла закупать продовольствие на два холодильника, потому что от Димы в хозяйстве проку нет. Потом она осталась с Дениской, пока Ася ходила к портнихе за платьем – она уже так располнела, что пришлось выпустить все швы.

Пообедали, разумеется, втроем, Дениску уложили спать и завели за чаем сугубо женский разговор.

АСЯ. Не мечись, как наскипидаренный кот, а выходи за Соймонова и рожай дите. Годы-то идут!

ЛАРИСА. Дите – это хорошо, но когда тебя считают рабочей лошадью...

АСЯ. А я, по-твоему, кто? То-то... Мне от тебя в хозяйстве больше пользы, чем от Димки. Он прекрасный человек для всех, с кем работает или в горы

ездит. Я бы с ним охотно работала в одной лаборатории. Умница, спортсмен! Мальчик тридцатидвухлетний, сплошное очарование!

ЛАРИСА. Но он не считает тебя старым боевым конем.

АСЯ. Да пусть бы считал, но пахал со мной в одной упряжке!

ЛАРИСА. Не поторопилась ли ты все-таки?

АСЯ. Я хотела второго ребенка, и он у меня будет. Насчет Дениски врачи говорили то же самое. Как видишь, жива. Пойми, еще года два-три, и я не очень-то буду нужна Дениске.

ЛАРИСА. Что за чушь ты несешь?

АСЯ. Он растет. А я перехожу в категорию обслуживающего персонала. Рабочей лошадки, как ты говоришь. Ничего не поделаешь. Я и сама бы не хотела оставаться для него на всю жизнь центром мироздания. А так хочется все повторить – чтобы вот такусенький комочек меня, и я над ним со своей любовью...

ЛАРИСА. А потом?

АСЯ. Потом – не знаю.

До сегодняшнего дня Лариса как-то больше проникалась идеями старшей подруги. По натуре она не могла жить без лидера и пять лет назад выбрала на эту должность Асю. Ася же, подобрав Ларису в трудное для той время, искренне старалась ей помочь, и совсем уж приближалась к цели, но не вовремя приключилось свидание Ларисы с Кологривом у бокового портала музея.

В результате все аргументы Аси в пользу Соймонова оказались недействительными. Правда, оставался еще один аргумент, о котором подруги упорно молчали, и Лариса была благодарна Асе за это. А, наверное, стоило бы вспомнить этот аргумент, чтобы одним ударом выбить из головы все ее затеи. Но Ася ничего не знала о пестром демоне.

А следующий день начался с разгадывания сна.

Марианне приснилась очередная чушь, но на сей раз в ней участвовал корреспондент Геннадий Мошкин. Этот товарищ был высок, мрачен и малоразговорчив, а специализировался на сельском хозяйстве, велоспорте и концертах симфонической музыки. Так вот, во сне Мошкин скакал галопом на лошади, одетый в камзол и при шпаге, да еще и говорил с Марианной по-французски.

Корректурка принялась выдвигать гипотезы. Зоя утверждала, что лошадь означает ложь, Людмила отказалась от обсуждения, потому что сбываются только сны на пятницу и понедельник, а Ларису больше всего заинтересовал фасон камзола – она хотела угадать, книгу о каком веке читает сейчас Марианна.

Дверь корректорской открылась. На пороге возник Мошкин. Он молча пересек комнату, оказался возле Марианны, и его лаконичная речь обращалась именно к ней.

МОШКИН. Привет. Дай до завтра два рубля.

И бежал постыдно Мошкин из корректуры, сопровождаемый всхлипами и загадочными возгласами о вещих снах.

Подждал и еще один сюрприз. Лариса не обратила внимания на то, что натюрморт на подоконнике не полон. Косметичка и фолиант имелись, а вот авоська отсутствовала. Ей бы задуматься, а она не задумалась. Ведь не бывало такого, чтобы по дороге на работу Зоя не отоварилась.

В середине рабочего дня у корректуры обычно выпадало около часа свободного времени. Оно употреблялось на буфет, торчание перед зеркалом, блуждание по редакции – словом, крайне бестолково.

В это никчемное время Лариса и Марианна направились вдвоем к редакционному туалету. Корреспондент Елена злобредно обогнала их и скрылась за дверь. А навстречу по коридору шли Кологрив, редактор и какие-то незнакомцы. И в тот момент, когда все оказались возле заветной двери, из-за нее раздался умопомрачающий визг.

Мужчины остановились с разинутыми ртами, и при этом оказались в глупейшем положении – черт его знает, что там стряслось, а кинуться на помощь корреспонденту Елене никак невозможно – на двери крупно намалевана запретная буква «Ж». Лариса и Марианна тоже замерли от изумления, а потом Лариса кинулась на помощь, ибо хоть корреспондент Елена и была врагом корректуры «номер один», но явно попала в беду.

Марианна вскочила следом, и картину они увидели такую.

Елена в полуобморочном состоянии привалилась к стенке, а в бачке что-то остервенело плюхалось и возилось. Вдруг над фаянсовым краем, там, где кусок крышки был отбит, мелькнуло блестящее, вроде бы в чешуе, вроде бы щупальце, и коллегам стало жутко.

Но были уже в Ларисиной судьбе белые мышки! Мужественно схватила наша героиня палку от швабры и сбросила ею крышку с бачка.

Тут в туалет ворвалась Зоя, с необъяснимой отвагой склонилась над бачком и стала там что-то ловить полиэтиленовым пакетом.

Лариса заглянула и увидела здоровенного карпа. Вода постепенно наполняла бачок, карп успокоился и дал себя поймать.

Вышли из туалета в следующем порядке – впереди Лариса, за ней Зоя с пакетом, за Зоей прикрывающая отступление Марианна, а уж за Марианной – еще не пришедшая в себя Елена. У двери столпилось, наверное, полредакции, и раздавались возгласы вроде «Опять эта корректура!», «Сладу нет с этой богадельней!» и тому подобные.

Редактор попросил Ларису к себе в кабинет, где в присутствии Кологрива перечислил все корректурские прегрешения. Фигурировали там и чемпионат по катанию на роликах, затеянный вечером в редакционном коридоре, и таскание стаканов из типографского буфета, и громогласное исполнение оперных арий в рабочее время.

Очень не понравилось это Ларисе. Редактор отрицал ее женское право на маленькие шалости. А Кологрив соглашался. Но быть старым боевым конем Лариса более не желала! В ее ответной речи фигурировали обещанный и не купленный для редакционных нужд холодильник, несоблюдение типографией рабочего графика, создающее корректуре часы вынужденного безделья, и наглость мальчиков из секретариата, отношения к карпу, правда, не имеющая, но давно требующая возмездия.

Свою подчиненную Зою Лариса стойко выгораживала, ибо куда же девать матери семейства купленную по дороге на работу рыбину, как не в емкость с холодной водой? А если это воспрещается, так не посоветует ли товарищ редактор, чем Зое кормить семью – может быть, покупной жареной рыбой, от которой ее сиамский кот и тот нос воротит?

Говорила об этом Лариса и чувствовала, как злая улыбка раздвигает ее заалевшие, словно шиповник, губы, и меняется лицо – быстрая кровь бьет

изнутри в щеки, и в глазах прорезается нестерпимый зеленый блеск! И весело ей было от этого, так весело, как никогда в жизни.

Словом, если бы не коломбинский азарт, не видать бы Ларисе победы и ошарашенного лица редактора, выразившего на прощание надежду, что в этот месяц корректура выполнила свой план по редакционным переполохам.

Но в корректорской Лариса появилась уже с каменной физиономией, из чего подчиненным следовало понять, что ей надоело расхлебывать заваренные ими каши, и они яростно взялись за работу.

Соймонов вечером не ожидался. Он жил с родителями, которые, невзирая на то, что брак с Ларисой был делом решенным, принимались иногда настаивать на соблюдении приличий.

Знай Лариса, чем обернется для нее эта ночь, она бы, наверное, дозвонилась до Соймонова и вызвала его к себе. Но промолчала ее интуиция, когда к концу смены Людмила попросилась переночевать – к ним-де гости приехали, в доме теснота, мама так прямо и велела – переночуй у кого-нибудь из подружек.

Поскольку Людмила неоднократно у Ларисы ночевала, не было никаких оснований отказывать ей и на этот раз. Тем более, что Лариса надеялась пронюхать какие-нибудь подробности их романа с Кологривом.

И пронюхала!

Людмила изнемогала под тяжестью тайны – Кологрив требовал конспирации. Никому в корректуре она не могла рассказать о своем романе. А смертельно хотелось! Но слушательницу Людмила выбрала самую неподходящую.

Увы, Лариса, на рабочем месте так язвительно комментировавшая газетные штампы, сама погорела именно на штампе. Видимо, если с полуночи до рассвета слушать одно и то же, критическое восприятие притупляется. Много было восторгов, но два слова втемяшились Ларисе в голову и били по мозгам – «море нежности».

И эта последняя капля переполнила чашу. Лариса не сообразила, что вышеописанное море омывает Людмилу лишь два-три раза в месяц, и что для неопытной Людмилы все на свете в этой ситуации сойдет за «море нежности». Штамп победил! Ларисиной гуманности хватило лишь на то, чтобы покормить соперницу завтраком, а после этого она мрачно констатировала, что угрызения совести молчат и руки развязаны.

Пока Ася тщетно звонила ей и посылала на поиски Дениску, Лариса свирепо приводила в порядок Никину обитель. Она сдала всю бутылочную коллекцию и купила себе и Нике по две пары самых дорогих колготок. Она вымыла окна и постирала гардины. На остаток бутылочных денег купила горшки с цветами и декорировала подоконник – сильно при этом сомневаясь в агрономических талантах Ники. Ох, не стоило Кологриву разбрасываться лошадиными титулами – Лариса-таки закусил удила. Напоследок она выстояла в очереди за растворимым кофе, и лишь к вечеру присела на диван и обзрела плоды трудов своих.

ЛАРИСА. Значит, послезавтра. Утром приду и сделаю тебе прическу.

НИКА. По-твоему, мне нужна прическа?

Она приподняла роскошные волосы и подбросила их вверх.

ЛАРИСА. Годится. Значит, настраивайся.

НИКА. А зачем? Главное – импровизация.

ЛАРИСА. Ты, пожалуй, наимпровизируешь...

НИКА. Коломбине дозволено все!

И позавидовала при этом Лариса, этак легонечко позавидовала ее беспечности и царственности, очаровательной беспроблемности и кокетливым башмачкам со старинными пряжками, а тут уж шаг оставался до того, чтобы примерить на себе все эти разноцветные доспехи, и осанку, и гордый поворот милой замаскированной головки с черной бархоткой на шее, и треуголку набекрень...

К Ларисиной чести следует сказать, что она безоговорочно доверилась Нике, а к Никиной – что она взяла на себя всю тяжесть доверенного ей плана.

В его основе лежало такое наблюдение. Свои «Жигули» Кологрив ставил не у самой редакции, а поодаль, на стоянке одного крупного учреждения. До дверей редакции выходило шагов тридцать. Кологрив это расстояние пролетал, не замечая ничего вокруг, и на глазах Ларисы несколько раз сбивал прохожих. А поскольку красавец Кологрив был мужчиной крупным, нечаянная жертва отлетала в сторону, как пушинка.

Около шести часов вечера Лариса с Никой засели в подъезде напротив редакционного, где Ника быстренько переобулась. Время было выбрано точно, «Жигули» стояли на месте. Лариса следила за кологривским окном. Перед уходом он его обычно закрывал. И миг настал!

Лариса без лишних слов вытолкнула Нику из подъезда. Та, ступая на цыпочках, подошла к краю тротуара и приготовилась. Кологрив вылетел из редакционных дверей в развевающемся пальто, понесся к «Жигулям» и крепко задел непонятно откуда взявшуюся даму. Дама непринужденно села на асфальт и громко сказала: «Боже мой!» Кологрив обернулся и увидел красавицу в облаке разметавшихся кудрей. Красавица сидела на асфальте и с интересом смотрела на Кологрива, а в трех шагах валялся каблук от ее бесподобных туфель...

НИКА (еще раз, на всякий случай). Боже мой!

КОЛОГРИВ. Извините!

НИКА. Мой каблук!..

КОЛОГРИВ. Ох, извините!..

Поскольку Ника мужественно продолжала сидеть на тротуаре, Кологрив помог ей подняться и сбегал за каблуком.

КОЛОГРИВ. Я вас не ушиб?

НИКА. И как еще! Но это мелочь. Как я теперь домой доберусь?

КОЛОГРИВ. Я вас отвезу.

НИКА. Это ж надо – сбить не только с ног, но и с каблуков!

КОЛОГРИВ. Я же сказал – извините!

НИКА. Вы полагаете, что этого достаточно? Ладно! Где ваша машина? В конце концов, я могла от такого толчка не каблук, а ногу сломать. А это намного хуже.

И она пленительно улыбнулась.

Рыдай, Людмила! «Море нежности» отхлынуло от твоих берегов! Оно только что нашло себе другие берега. Стоит посмотреть, как Кологрив сопровождает к машине Нику – не ведет, а несет!

Поневоле возникает вопрос – зачем Ларисе эта странная затея. Ника, несомненно, ярче и завлекательнее ее самой. Так где же логика? Логика есть. Женская. Лариса не может сама отбить Кологрива у Людмилы – по приведенным выше причинам. Значит, требуется какое-то сильнодействующее средство. Такое, как Ника. Зачем, спрашивается, понадобилась банка растворимого кофе?

А чтобы Ника пригласила Кологрива в гости на чашечку этого коварного напитка, вечного предложения для всяких неожиданных вещей.

А зачем знакомить их таким сложным образом?

А как же иначе? Постучаться к Кологриву в кабинет и сказать: «Олег Дмитриевич, можно вас с подружкой познакомить?»

Кроме того, Кологриву незачем раньше времени узнавать о контактах Ники и Ларисы. Таков план. Для знакомства требовались следующие условия:

а) чтобы Кологрив не мог от него отвертеться;

б) неординарные, с примесью романтичности;

в) первая беседа должна быть достаточно долгой, чтобы потянуть за собой последующие.

И операция «Каблук» всем этим условиям удовлетворяла.

Стало быть, пусть Ника едет в кологривской машине к себе домой – поить Кологрива кофе и строить ему глазки. А Лариса с Никиными туфлями в сумке пусть продумывает дальнейшие операции – «Вокал», «Боевой ишак» и «Природа».

Итак, «Вокал».

В ресторане, где работала Ника, днем обычно продавались билеты на вечер. Но не на всякий, а на тот, четырежды в неделю, когда дается программа. Программа – это Ника в вечернем платье на фоне ансамбля, поющая всякую ерунду. При этом она с микрофоном спускается в зал, забредает к самым дальним столикам и имеет огромный успех. Ей аплодируют и делают всякого рода предложения. Девяносто девять процентов Ника отклоняет, а оставшийся один обеспечивает ей постоянный бурный образ жизни.

Поздно вечером Лариса позвонила Нике.

НИКА. Этот твой Кологрив – обыкновенный мартовский кот. Влей в него бутылку коньяку – и он твой.

ЛАРИСА. Не-е, такой он мне не нужен!

НИКА. Легенду принял без сомнений. Работаю в вечерней школе, преподаю немецкий язык! Бр-р!

ЛАРИСА. Почему не в библиотеке?

НИКА. Он слишком крепко в меня вцепился. А в какую библиотеку я его приглашу в гости? Пришлось переиграть. Так что он знает, что у меня вечера заняты, и не претендует на них. Насчет пригласительных я договорилась. Операцию «Вокал» проворачиваем на следующей неделе. На раньше билетов не было. А до этого я с ним пару раз встречаюсь...

ЛАРИСА. Валяй!

Так что обманули красавца Кологрива. Правда, вранье получилось грубоватым. Из тысячи учительниц одна, может, и носит распущенные волосы ниже спины и крошечную сумочку. Учительская сумка вмещает три стопки тетрадей, две пачки пельменей, хрестоматию и сменную обувь. Но такие детали замечает только женщина.

Лариса не очень-то одобряет Никин образ жизни. Но она знает как бы двух Ник – до и после личного катаклизма. И в ее восприятии вчерашняя Ника все еще затмевает сегодняшнюю. Такова природа Ларисиной снисходительности. Соймонов о первой Нике ничего не знает, а вторую крепко невзлюбил, и с полным на то основанием – она его несколько раз жестоко высмеяла. Нике-то что, а Лариса выслушала по этому случаю нуднейшую нотацию.

Поэтому ей стоило большого труда подбить Соймонова на выход в ресторан. Он, скрепя сердце, согласился. Видимо, подсознательно сыграл роль

тот факт, что среднестатистический мужчина полтора раза в год водит свою среднестатистическую женщину в ресторан.

В основу операции «Вокал» легла любовь Людмилы к светскому образу жизни. Она обожала блистать у стойки бара избытком косметики, да еще при завлекательном полумраке и цветомузыке. И в таких случаях старалась выглядеть наилучшим образом. Лариса весьма дипломатично навела ее на мысль, что неплохо бы Кологрива вытащить в ресторан – кстати, и билеты есть, а программа там хорошая!

И клюнул Кологрив, чувствовавший себя в долгу перед ними обеими – Лариса его выручила в беде, а Людмилу он давно никуда не водил.

Но не упрекнет ли строгий критик мою героиню за легкомыслие? Ей, несознательной, глушить бы личные неурядицы работой и утешаться творчеством, а она всякие дикие авантюры изобретает, людей за нос водит. Ведь так?

Но, во-первых, какие могут быть трудовые рекорды в корректуре? Отправить номер в печать на полчаса раньше срока? И какое в Ларисиной жизни творчество? Проходные репортажи? А во-вторых, моя героиня и так работает хорошо, инициативно, толково, иначе бы ее не держали старшим корректором. Вот когда случится у нее неприятность на работе, она и удвоит свои старания. А раз у нее не клеится личная жизнь, остается пуститься на женские хитрости.

И она имеет на это полное право, потому что род человеческий до сих пор делится на мужчин и женщин. А пока этого не отменили, женщины будут сталкиваться с женскими проблемами и, спотыкаясь и ошибаясь, решать их. Пусть даже таким путем. Предлагайте другие способы завоевания любимого человека – прошу! Моя героиня будет только благодарна.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ОПЕРАЦИЙ «ВОКАЛ» И ПОДГОТОВКА К ОПЕРАЦИИ «БОЕВОЙ ИШАК». А ТАКЖЕ – СИСТЕМА СТАНИСЛАВСКОГО ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ

Когда напрягаешь все свои душевные силы, судьба вдруг начинает смотреть на тебя с уважением, и все твои замыслы осуществляются с фантастической скоростью. Живешь в сплошном удивлении – да как же это все так получается?

Схожее ощущение и испытывала Лариса в тот день, когда дождалась с Соймоновым в вестибюле ресторана Людмилы с Кологривом. Все радовало душу – новый костюм Соймонова, довольное лицо Кологрива, а также, если быть честными, и неудачная прическа Людмилы.

Ника дала строгие указания официанту, и Ларисину компанию обслужили наилучшим образом.

Все шло как по маслу. Платье финское, темно-синее, сто двадцать рублей, схваченное накануне в комиссионке, сидело на Ларисе великолепно. Соймонов рассказывал на удивление остроумные анекдоты. Стол был отличный. Вот и музыканты начали выползать на эстрадку. Вот и короткая взрывная увертюра прозвучала. И ахнул Кологрив, чуть не слетев со стула!

На подмостки выбежала сверкающая Коломбина!

Выбежала и блеснула в его сторону глазами! Блеснула глазами и качнула алыми шариками. Качнула шариками и запела.

А слова песни срывались с губ не осмысленными фразами, а каскадами бенгальского огня!

Песня дышала невероятным соблазном. И Кологрив забыл обо всем на свете, и о глупышке Людмиле – в первую очередь. Вот так пела Ника. Она вышла сегодня на подмости, чтобы окончательно победить Кологрива. Она давала открытый бой неподготовленной сопернице и, разумеется, победила.

Все это было рассчитано – и эффект неожиданности, и подача Ники в самом ярком и выгодном свете, и проблема выбора, перед которой встанет Кологрив. Ведь если он уйдет отсюда с Людмилой – он потеряет Нику. И наоборот...

А ведь потом была и вторая песня, исполняя которую Ника спустилась с эстрадки и, волоча провод, подошла вплотную к Кологриву. Этот ход был рассчитан на его мужское самолюбие. Никин облик публике понравился, зал был в восторге, и вдруг прекрасная певунья оказывает такой знак внимания одному из посетителей! Неудивительно, что захмелевший зал грянул в ладони, не дожидаясь последних аккордов.

Ника, буйно вильнув пестрой юбкой, убежала. И предоставила слушателям небольшой перерыв, чтобы вернулись они к остывающим фирменным шницелям и жульенам.

Лариса вновь затеяла светский разговор. Кологрив пытался острить, хотя мысли его явно витали в иных эмпиреях, а она «подавала» собеседника, что, кстати, тоже род искусства. Подрабатывая в свое время на радио и бегая с магнитофоном, Лариса выучилась так вести разговор, чтобы все лавры доставались партнеру.

Но почувствовала Лариса, что на нее глядят. И не просто так, а ошалевшим от неожиданности взором.

Она скосила глаза в сторону и поперхнулась словом.

За два столика от нее сидела рыжая незнакомка.

И что же она могла подумать о мужней жене, которая, пользуясь вечерними торчаниями супруга в лаборатории, шастает по ресторанам?

И услышала Лариса внутренним слухом такой диалог.

ОНА. Клянусь, я видела твою жену в «Астории» с подругой и двумя мужиками, в темно-синем финском платье за сто двадцать рублей!

ДИМА. Ты ошиблась.

ОНА. Что я, совсем уже ослепла? И с одним она явно заигрывала!

ДИМА. Тут что-то не так.

ОНА. Ты не хочешь самому себе признаться, что у вас дома разлад? Солнышко мое, но это же отличный повод выяснить, наконец, отношения! До развода ты для приличия поживешь у родственников, а потом...

Дальше и слушать было жутко.

И Лариса немедленно изобразила зверскую головную боль.

Соймонов, которому здесь все-таки не нравилось, страшно обрадовался и стал делать знаки официанту. Людмила, только и мечтавшая поскорее увести Кологрива от соблазнительной певуньи, тоже обрадовалась. А сам Кологрив обрадовался больше всех. Он мог быстренько проводить Людмилу домой и вернуться к концу программы, обеспечив, таким образом, сытость волков и целостность овец. А Лариса, видя, как все заторопились увести ее, болезную, из этого вертепа, уже соображала, как бы ей быстрее встретиться с Димой.

Когда все четверо поднялись, опять заиграла музыка. Ника, появившаяся на эстрадке в другом платье и собравшаяся петь, выглядела почему-то недовольной. Но Лариса не обратила на это внимания. Она остолбенела от другой странной сцены.

Людмила, пробираясь между столиками первой, чуть не столкнулась с незнакомкой, которую вели танцевать. И обе отпрянули друг от дружки. Более того – сделали одинаковый отстраняющий жест правой рукой. И, наконец, уставились друг на друга смутным взглядом.

И Ларисе показалось, что так ведут себя разве что зеркальные двойники. Движение, которое обе сделали, чтобы разойтись между столиками, было одинаковым – словно от удара уклонялись они.

Уже в вестибюле Людмила обернулась.

ЛАРИСА. Странная какая-то девица!

КОЛОГРИВ. Пойду поймаю такси.

ЛАРИСА. Ты что, с ней знакома?

СОЙМОНОВ. Одевайся, я подержу сумочку.

ЛЮДМИЛА. Впервые вижу...

ЛАРИСА. Так чего же вы друг на дружку уставились?

ЛЮДМИЛА. Не знаю, но я почувствовала, что она меня ненавидит.

Тут Ларисе стало не по себе, и оно действительно ощутила головную боль.

Дома Соймонов принялся ее врачевать. Насилу Лариса убедила его, что единственное лекарство, которое ей поможет, она обычно берет у Аси. Она спустилась в халате к соседям, но Димы еще не было.

Вернувшись, она обнаружила Соймонова в постели и совсем было собралась туда же, но в дверь робко позвонили. Решив, что это Дима, Лариса открыла. И ужаснулась.

Перед ней стояла рыдающая Людмила.

Решив, что с Кологривом стряслась беда, Лариса переполошилась, втащила Людмилу на кухню и закрыла поплотнее дверь.

Оказалось – когда Кологрив впопыхах проводил Людмилу домой, она почуяла неладное, понеслась к ресторану на такси и опередила его ровно на пять минут. Он же явился к служебному входу с цветами и был впущен, чем и вызвал вышеупомянутые рыдания. Дальше, следуя логике ревнивого безумия, Людмила не стала отпускать такси, а понеслась к Ларисе с требованием присоединиться к выслеживанию Кологрива, благо проклятая «Астерия» была недалеко.

Лариса вздохнула с облегчением и, напомнив Людмиле о своей мигрени, решительно отказалась. Всхлипывающая Людмила унеслась, а Лариса позвонила в ресторан.

Она предупредила Нику, что за Кологривом следит Людмила – это раз, а два – его надо немедленно гнать домой, потому что ни одно дежурство в редакции не длится до такого часа.

Ника слушала явно вполуха и отвечала, что у нее хандра, что ей необходимо то ли встряхнуться, то ли утешиться, что она уже остограммилась коньяком и ничего гарантировать не может.

Диалог этот был прерван Соймоновым, звавшим Ларису в постель. Но ей было уже не до Соймонова. Она прислушивалась – не хлопнет ли внизу дверь. Опять пошла в дело головная боль, опять Лариса, невзирая на позднее время, побрела к Асе за несуществующей таблеткой, но звонить не стала, а просто при-

села боком на перила. Дима не появлялся, и Лариса мрачно думала, что ее прежний заспанный образ жизни сменился уж больно бессонным.

За этим размышлением ее и застал Дима.

ЛАРИСА. Наконец-то! Слушай внимательно. Я была в «Астории» и напоролась там на эту твою...

ДИМА. Ну и что? С высоким блондином ты ее там видела, что ли? Ну, так я знаю, что он ее достает...

ЛАРИСА. Балда! Мало ли с кем я ее видела? Важно, что она меня видела с моим Соймоновым. Понимаешь?

ДИМА. Тьфу, черт...

Насилу Дима вспомнил, что из-за его проказ образовалась лишняя жена, и содрогнулся, представив, сколько проку извлечет из пикантной ситуации его решительная подруга.

ДИМА. Кой черт занес тебя в этот ресторан?!

ЛАРИСА. Тебя не спросилась! Между прочим, эту твою сопровождал не блондин, а плотный брюнет в импортных очках, с залысынами и брызгливой рожей.

ДИМА. Знаю. Кошкин. То есть – как это – Кошкин???

ЛАРИСА. Ну, представляешь, позвонит она Асе...

ДИМА. Ой, перестань... Кой черт занес тебя только в этот ресторан.

ЛАРИСА. ...и начнет ей рассказывать, как видела ее в ресторане, и приметы приведет! А Аська немедленно опознает меня...

ДИМА. Да, от этой дурь только и жди...

ЛАРИСА. А кто велел связываться с дурой? За одно место тянули?

ДИМА. Пожалуй, она ко мне пристанет...

ЛАРИСА. На здоровье, лишь бы Асе не звонила.

Некоторое время оба молчали, раскладывая ситуацию по полочкам и просчитывая варианты.

ЛАРИСА. Говоришь, она тебе непременно обо всем доложит?

ДИМА. Она всему институту доложит!

ЛАРИСА. Есть идея. Пока ты был уверен в жене, ты позволял себе заходы налево. А как над семейным очагом нависла угроза, ты опомнился, и никто, кроме Аси, тебе не нужен? Сумеешь сыграть?

ДИМА. Постой, постой, что-то слишком сложно...

ЛАРИСА. Элементарно! Пока жена вела себя нормально, ты не обращал на нее внимания, ты был в ней уверен. А сейчас возникла угроза ее потерять, и ты перепугался. Ну? Это же не формулы!

ДИМА. Значит, вместо того чтобы...

ЛАРИСА. Вот именно! Ты выпрашиваешь приметы моего жениха и приходишь в ярость! В такую ярость, чтобы она и слова вставить не могла. И под прикрытием этой ярости производишь правильное отступление. Ты понял, кого теряешь, и торжественно возвращаешься к жене.

ДИМА. А если наоборот? Я узнал, что она ходила с Кошкиным в кабак, разозлился и...

ЛАРИСА. Конечно, так тебе легче – ты естественно рассвирепеешь. Но, во-первых, ты ее ревностью только обрадуешь. А во-вторых, откуда ты знаешь про Кошкина? Вернулась жена из «Астории» и доложила – милый, я там твою любовницу с Кошкиным видела! Так?

ДИМА. Между прочим, я изучал систему Станиславского. Я в студенческом театре миниатюр играл.

ЛАРИСА. Ну вот, завтра и сыграешь миниатюру. Но наденешь не маску ревнивого любовника, а маску ревнивого мужа. Все дело в том, чтобы правильно выбрать маску.

ДИМА. Но погоди... Из этого выходит, что мои отношения с ней...

ЛАРИСА. Вот именно. Чего я и добиваюсь.

Диме в этот момент страшно хотелось обложить Ларису соответствующей терминологией, но он отлично понимал, что она права. Тут внизу очень кстати хлопнула дверь и кто-то понесся наверх.

ЛАРИСА. Знаешь что? Сломай-ка ты дома телефон дня на два. Идет?

ДИМА. Как же мы без телефона?

ЛАРИСА. А вдруг эта твоя рыжая решит меня шантажировать? Ты рискуешь остаться с телефоном, но без жены. Ну, пока!

Тут перед ними возникла Людмила. Дима, поняв по ее лицу, что случилась катастрофа, немедленно откланялся и смылся.

ЛАРИСА. Ты всю зарплату за одну ночь бухнешь на такси.

ЛЮДМИЛА. Он проводил ее домой и сидит у нее! Едем!

ЛАРИСА. Ты что? Куда – едем? Зачем – едем? Опомнись!

ЛЮДМИЛА. Я видела, какое окно зажглось, когда они пришли! Поехали! Меня ждет такси!

ЛАРИСА. А меня – Соймонов!

ЛЮДМИЛА. Ну, я прошу тебя, ну, Лариска, ну, Крыска... А то я там такого натворю! У меня ощущение, что он остался там ночевать!

ЛАРИСА. Но-че-вать???

Это в операцию «Вокал» никоим образом не входило.

ЛЮДМИЛА. Я должна в этом убедиться! Понимаешь? Ну?..

ЛАРИСА. Едем!

У нее хватило нахальства не только одеться в присутствии спящего Соймонова, но и, уходя, погасить ночник над его головой.

К дому Ники они прибыли как раз вовремя, чтобы увидеть, как погасло окно Никиной кухни, а яркий свет в другом окне сменился приглушенным.

ЛАРИСА. Очень может быть, что он уже ушел.

ЛЮДМИЛА. Давай поднимемся! Вдруг мы что-нибудь услышим?

ЛАРИСА. Подслушивать я не стану!

ЛЮДМИЛА. А если мы услышим нечаянно?

Это был веский аргумент. Велев шоферу обождать, коллеги поднялись на последний этаж, и там Людмила, к великому изумлению Ларисы, правильно определила Никину дверь.

Она оказалась полуоткрытой. Такое за Никой водилось, и нередко замок лишь утром захлопывала добрая соседка. А тут еще сквозняк вмешался и приоткрыл дверь еще шире. Людмила, приняв это за приказ судьбы, скользнула за порог, напомнив этим движением Ларисе, как осторожно входила рыжая незнакомка к Асе на кухню.

Уже и тогда Ларисе было достаточно неприятно. Она протянула руку во мрак прихожей, нашарила Людмилину рукав и стала вытаскивать ошалевшую от ревности коллегу обратно на лестницу. Но та воспротивилась и вдруг застыла, прислушиваясь. Вслушалась и Лариса – и все поняла...

Противно ей стало – чуть ли не до тошноты от сознания пошлости ситуации. Злость охватила – и на дуру Людмилу, и на безответственную Нику, и на себя – за то, что вот лезет в грязь какую-то, и ни удержаться не может, ни действительно окунуться туда с головой и забыть обо всем на свете!

С неожиданной силой Лариса вытащила Людмилу на лестницу. И унесло их такси подальше от Никиного вертепа, и молча они расстались у Ларисино дома.

Пытаясь взять себя в руки, Лариса зажгла свет на кухне и присела к столику, голову – на руки. Сидела она так долго, а когда распрямилась – увидела ожерелье из малость подсохших, но все еще ярких плодов шиповника. Висело оно на ручке стенного шкафа, и Лариса не помнила, как оно туда попало.

Ожерелье дразнило чем-то несбыточным. Не тем Карнавалом, в котором, как наивно полагала Лариса, испортилась Ника, а чем-то еще... Словом, загляделась на него Лариса и поняла, что одно ей остается – стиснув зубы, сражаться дальше за подлеца Кологрива, раз уж начала. А иначе не за что будет ей себя уважать.

Утром Лариса выпроводила недовольного Соймонова и позвонила Нике. Та безукоризненно деловым тоном доложила, что только сейчас сплавил Кологрива.

ЛАРИСА. Что это тебя так занесло?

НИКА. У тебя ко мне претензии?

ЛАРИСА, Да мы вроде так не договаривались.

НИКА. Ерунда. Коломбине дозволено все. Так вот, насчет «моря нежности»! Слюняв он, как телок, вот тебе и все море. И толстый.

ЛАРИСА. Ко-ло-грив?..

НИКА. Ну, когда в пиджаке, то не очень. А без – так у него порядочное пузо намечается. И, кстати, лысина.

ЛАРИСА. Отродясь у него не было лысины!

НИКА. Отродясь у него и зубов не было. Однако ж выросли.

ЛАРИСА. И почему нам кажется, что эти гады вечно будут молодыми?..

НИКА. Вечно молодыми могут быть только Коломбина и Арлекин.

ЛАРИСА. Что же ты польстилась на этого – толстого и лысого?

НИКА. Так нужно было. Я же сказала – хандра.

ЛАРИСА. Ничего себе лекарство... Ну и как? Помогло?

НИКА. А ничего. Даже не противно. Воистину – ничего. Убедилась, что еще один меня желает, и все мгновенно забыла.

Ларисины упреки на Нику никак не подействовали. Ну что такого натворила сумасбродная певунья? Позволила себе еще одно приключение? Но не младенца же невинного она совратила! Тридцатилетнего мужчину средней степени блудливости. И никто никому ничего не обещал. Но Ларисе мешало ощущение той грани допустимого, которую каждая женщина сама себе устанавливает.

НИКА. Стало быть, буду от него скрываться, пока ты не провернешь операцию «Боевой ишак».

ЛАРИСА. Думаешь, после твоего фокуса у меня что-то получится?

НИКА. Да у твоего Кологрива индивидуальность так устроена, что не может он просидеть с женщиной наедине полчаса и не захотеть ее!

И дальше их разговор продолжался в том же духе. Лариса бодро язвила, потому что нельзя же всерьез относиться к тому Кологриву, чей блудливый образ фигурировал в разговоре! А в душе ей было страшно неловко за искренность своего увлечения.

Аморальщиной припахивает сюжет моей повести?

Стало быть, подобные истории и не случаются, что ли? Служебные романы – банальность. Амурные приключения одиноких женщин – мы выше этого. Поиск партнера методом проб и ошибок – элементарная распущенность.

Но счастливую женщину, которая любит и любима, никаким стихийным бедствием не заставишь изменить избраннику. Все женщины по натуре склонны к единственно возможному варианту и век бы не искали разнообразия в личной жизни. А раз возникло это разнообразие, при котором женщина пытается выйти замуж за одного, мечтает при этом о другом, а оказывается в результате с третьим, значит единственный и неповторимый вариант не состоялся. Но счастья-то хочется!

И Лариса к нему стремится, и Ника стремилась... Стоп! А кто виноват в ее похождениях?

Кого она любила пылкой и беззаветной любовью? Да уж слишком у нее все получалось бестолково, беспокойно, неразумно. Кто шарахнулся от ее нелепой страсти? А десять лет спустя забрел поужинать в «Асторию», где на подмости вышла ослепительная Ника в пестром наряде, спела две огненные песни, а, уходя, заметила – кого? Мигом все вспомнилось – и главным образом то прекрасное, что могло бы случиться, а вот не случилось. Кто, не узнав ее, обрадовался тишине и вернулся к тарелкам? Так что, взяв себя в когти, вернулась Ника и продолжила свои песни, такая гордая и такая доступная для любого, кто догадается обхватить покрепче и прижать к себе, да так, чтобы ничего она не видела и не слышала хотя бы несколько минут. Кологрив так Кологрив. Ринул бы на нее сдуру среднестатистический Соймонов – и ему бы не отказала...

Живет, живет на свете такой человек. Очень даже неплохо живет. И совесть его не мучит...

ГЛАВА ПЯТАЯ. ОПЕРАЦИЯ «БОЕВОЙ ИШАК»

Ника, которую Кологрив считал своей законной добычей, дала ему от ворот поворот. И объяснила это так: может же она, по примеру множества мужиков, позволить себе мимолетную связь, закидон, блажь? И так же как мужиков, ее это ни к чему не обязывает. Ведь не лишила же она Кологрива девственности? Кажется, нет. Ну?

Избалованный Кологрив растерялся. И обнаружил в себе пробуждение догонятельно-хватательного рефлекса. Но Ника не была легкой добычей. Когда он, подкараулив вечером у «Астории», позволил себе удержать ее за руку, Ника проделала такой финт – повернувшись, словно желая обнять себя кологривской рукой, она крепко стукнула его каблуком по коленной чашечке. И грациозно процокала по тротуару к служебному входу. А возле самых дверей обернулась и одарила стоящего на одной ноге Кологрива презрительным взглядом.

Так что обретался он в незавидном положении. Дома жена донимала разнообразными намеками, на работе преследовал взор Людмилы, в свободное время презирала Ника.

Но ожидало красавца Кологрива еще одно тяжелое испытание.

Когда он, сидя вечером в кабинете, раздумывал, домой ли пойти, или Нику поискать, или плюнуть на все и вернуться к Людмиле, звякнул его изящный бледно-сиреневый телефон.

ЛАРИСА. Привет, это я. Мне нужна твоя помощь. Приезжай немедленно к Крепостным воротам.

КОЛОГРИВ. Туда нельзя подъехать.

ЛАРИСА. Ничего, пройдешь сто метров пешком. И поскорее, пожалуйста!

КОЛОГРИВ. Да что за спешка?

ЛАРИСА. Я тебя когда-нибудь о чем-нибудь спрашивала? Ты просил – я выполняла. Если бы я могла обойтись, я бы не звонила. Но поскольку мы старые боевые кони...

КОЛОГРИВ. Все понял. Еду на помощь коню.

ЛАРИСА. Ну, жду.

Решив, что Ларисе нужно доставить домой что-то увесистое, а денег на такси нет, Кологрив ехал к Крепостным воротам в бодром настроении, но недоумевал – за все время их знакомства Лариса впервые говорила с ним в таком тоне.

Это недоумение усилилось, когда он увидел Ларису. Поскольку для операции был выбран ее выходной день, она успела привести себя в такой праздничный вид, что Кологрив даже растерялся. Она же подошла и, воспользовавшись замешательством начальничка, обняла его за шею и поцеловала в щеку. Когда Кологрив обрел дар речи, он уже был железно схвачен под руку.

КОЛОГРИВ. Ты... ты это чего?

ЛАРИСА. Молчи и веди меня к машине. Перестань корчить злодейскую рожу. Смотри на меня ласково и говори о погоде.

КОЛОГРИВ. Почему я должен говорить о погоде?

ЛАРИСА. Потому что за нами следят.

И она протянула ему губы для поцелуя, одновременно повиснув на его руке всем телом, так что соприкосновение губ состоялось.

КОЛОГРИВ. Да ведь твой жених меня знает, дурашка!

Лариса расхохоталась сверхнатуральным образом.

КОЛОГРИВ. Ты чего? Уймись! Я еще ничего смешного не сказал!

ЛАРИСА. Нет, ты просто прелесть! Ты что же, всерьез считаешь, что такие комедии разыгрывают ради женихов?

КОЛОГРИВ. Лариска, ты что затеяла?

ЛАРИСА. Будем заворачивать за угол – обними и поцелуй меня.

КОЛОГРИВ. Не буду я тебя ни обнимать, ни целовать.

ЛАРИСА. Разве мы не старые боевые кони? Вот надо было мне тогда, возле музея, сунуть твой торт в мусорник, чтобы не обманывал свою Валентину. Пошли. Теперь – обнимай.

Кологрив, ошарашенный мыслью о возможном шантаже, решил покориться. Он очень натурально обнял Ларису и сам удивился – это вызвало у него самые приятные эмоции. А тут еще в нос проникла струя какого-то волнительного импортного запаха. Опытная Ника знала, какими духами облить Ларису...

И нелепо начатое приключение стало «Кологриву нравится». Он почуял в серенькой Крыске-Лариске сопричастность к миру прекрасных и своенравных Коломбин, он почуял, что есть у нее за пределами редакции другая жизнь, где она – королева, а иначе откуда эта властность и естественность? И Кологрив

решил не притворяться, а действительно поцеловать Ларису – что-то из этого получится?

Но такой вариант Лариса с Никой предвидели и постановили, что нельзя торопить события. Ну, поцелует, ну, похлопает по спине, ну, проводит домой, а сам помчится разыскивать Нику.

Почувствовав на своих губах его дыхание, Лариса чуть в обморок не упала – ей показалось, что ее подхватил с асфальта и закружил смерч. Она неимоверным усилием увернулась от поцелуя и вздохнула с облегчением. Кологрив не удивился и не обиделся, а Ларисиной взбудораженности не заметил. Но, завернув с ней за угол, руки с ее плеча не снял.

ЛАРИСА. Умница! Настоящий боевой конь! А теперь увози меня.

КОЛОГРИВ. Он нас уже не видит.

ЛАРИСА. Видит. Я знаю, где он засел. Там лестничные окна выходят как раз на этот угол. Просматриваются и ворота, и твоя машина.

КОЛОГРИВ. А ты откуда знаешь, что он там?

Лариса только иронически хмыкнула, и Кологрив вынужден был усадить ее в машину.

КОЛОГРИВ. Тебя куда везти, домой?

ЛАРИСА. Почти. Выпусти возле троллейбусной остановки.

КОЛОГРИВ. Что так?

ЛАРИСА. А если возле дома торчит ревнивый Валерик?

КОЛОГРИВ. Ко мне он ревновать не будет.

ЛАРИСА. Не волнуйся, он к каждому столбу ревнует.

На самом деле Ларисе еще не приходилось убеждаться в соймоновской ревности. И, как выяснилось позже, хвастовством своим накликала она истинную беду...

КОЛОГРИВ. Ну, так где притормозить?

ЛАРИСА. Здесь. Ну, спасибо, ты настоящий боевой конь! Только больше не брыкайся, когда тебя целуют.

КОЛОГРИВ. Крыска, тебя подменили!

ЛАРИСА. Разувай глазки, милый. Оревуар!

И отбыл Кологрив, не подозревая, что вместо роли боевого коня сыграл роль боевого ишака. Ведь никто не шпионил в этот вечер за Ларисой, никто не ревновал ее. Просто по плану полагалось уже понять Кологриву, что Лариса – тоже женщина.

Придя домой, Лариса переобулась, Сунула Никины парижские туфли в пакет, чтобы ей отвезти, и, взглянув в окно, решила надеть плащ – дело шло к дождю. Плащ у нее был приметный, черный с блестящей окантовкой, один на весь город, купленный через пятые руки у ходившего в загранку моряка. В этот плащ пришлось вложить шесть производственных репортажей и три очерка.

Видно, успешное участие в таком количестве боевых операций держало Ларису в возбужденно-рабочем состоянии. Иначе как объяснить, что она заметила машину Кологрива, припаркованную не перед подъездом Ники, а в соседнем переулочке?

Мгновенно Лариса нахлобучила на себя капюшон, свисавший до кончика носа. Навстречу вышел из подъезда понурый Кологрив.

Лариса шмыгнула наверх и вызвонила торжествующую «Хабанеру». Ника, уже готовая ехать в «Асторию», впустила ее.

ЛАРИСА. Все – по плану! Все – по плану! Вызывай такси, а то сейчас такой дождяра грянет! Вот твои туфли. Расходы – пополам!

НИКА. Телефон проклятый сломался!

ЛАРИСА. Тогда надень хоть старый плащ с капюшоном. А то ты своим поломанным зонтиком обязательно кому-нибудь глаз выколешь.

В подоконник забарабанило.

НИКА. Хороша я буду в старом плаще! Его уже на помойку пора!

Однако она вняла гласу рассудка и надела плащ.

Объект издевательств двух интриганок, вместо того чтобы уползти с поджатым хвостом, засел в машине и стал издали караулить подъезд. Он знал, что у Ники сегодня программа. Очень скоро Ника с подругой, чье лицо было закрыто капюшоном, вышли на улицу. «Жигули» медленно двинулись за ними.

Кологрив нагнал Нику, открыл на ходу дверцу и окликнул ее. Он собирался настолько даже проявить галантность, чтобы подвезти не только ее, но и ее подругу. Но капризная Коломбина соорудила такую пренебрежительную рожу, что Кологриву кисло стало. Спутница же и вовсе высокомерно отвернулась. И он временно отстал.

Лариса с Никой неслись сквозь дождь. Кологрив с похоронной скоростью ехал следом.

НИКА. Вот прилип, мерзавец! А все из-за тебя!

ЛАРИСА. Я, что ли, его к тебе в постель затащила?

НИКА. Это было лекарство. Как ты не понимаешь!

ЛАРИСА. А знаешь что? Все идет прекрасно! У нас не было связи между «Боевым ишаком» и «Природой», а он нам ее подарил. Надевай капюшон! А теперь круто сворачиваем за угол.

НИКА. Нам же в другую сторону!

ЛАРИСА. Зато здесь он не повернет за нами. Во – кирпич! Он попытается встретить нас у выхода из переулка. Натяни капюшон! Ходу!

Кологрив исправно попался на удочку. Он сделал круг, чтобы встретить Нику там, где рассчитала Лариса. И действительно, он увидел, как Ника простилась в середине переулка с подругой, как подруга вошла в подъезд, а Ника двинулась в сторону ресторана.

Момент был удачный. Дождь лил как из ведра. На углу Кологрив поравнялся с Никой и поехал рядом. Она усердно отворачивалась. Кологрив опять распахнул дверцу.

КОЛОГРИВ. Ника! Ну, я понимаю, я вел себя, как осел! Но сколько можно сердиться из-за одного слова?!

Коломбина безмолвно и строптиво шарахнулась от него. Тогда Кологрив отважился на решительное действие. Он выскочил из машины, схватил ее за руку и повернул к себе.

Тут-то он и остолбенел.

Холодным и насмешливым взглядом на него смотрела Лариса.

В сыром воздухе реял аромат парижских духов.

КОЛОГРИВ. Т-т-ты???

Лариса молча пожала плечами, загадочно улыбнулась, очень медленно повернулась и совершенно Никиной походкой проследовала до автобусной остановки. Там, прекрасно понимая, что Кологрив вот-вот опомнится и медлить нельзя, она прыгнула в первый попавшийся автобус.

Мокрый Кологрив сел в машину, ничего не понимая. Крыска-Лариска никак не могла принадлежать к кругу Ники! И все же...

Лариса, едучи в автобусе черт знает куда, торжествовала. План осуществлялся даже интереснее, чем был задуман. Теперь Кологрив явно

попытается вызвать ее на разговор, И главная задача – избежать этого до начала операции «Природа». Кологрив должен быть разгорячен погоней, здраво рассудили Ника и Лариса, и тогда он легко проскочит мимо своей цели, устремившись за той, которую ему подсунет судьба.

Но на этом сегодняшние похождения Ларисы не кончились. Когда она, приехав домой, сняла и спрятала Никин плащ, явился среднестатистический жених. Войдя в прихожую, он потянул носом воздух. Безмолвно заглянул в туалет и ванную. Сунулся на кухню. И с великим подозрением уставился на стенной шкаф.

ЛАРИСА. Ты чего?

СОЙМОНОВ. Ты что сейчас прятала в шкаф?

ЛАРИСА. Любовника.

СОЙМОНОВ. А ну-ка...

И, к Ларисинуму изумлению, он совершенно серьезно обследовал внутренность шкафа.

ЛАРИСА. А ты не спятил?

СОЙМОНОВ. Очень странно. Я думал, ты не одна.

ЛАРИСА. С чего ты взял?

Соймонов выразительно посмотрел на нее. Но она не чувствовала за собой никакой вины. Ведь соблазнение Кологрива еще не принесло никаких практических результатов, и застукать ее на чем-то недозволенном Соймонов при всем желании не смог бы.

СОЙМОНОВ. Я видел тебя возле «Астории».

И он выдержал свирепую паузу.

СОЙМОНОВ. Повторяю – я видел тебя возле «Астории»!

ЛАРИСА. Когда?

СОЙМОНОВ. Только что.

ЛАРИСА. Ты меня с кем-то спутал.

СОЙМОНОВ. Твой плащ один на весь город!

ЛАРИСА. Ну и что же?

СОЙМОНОВ. Ты ходила в гости к своей многоуважаемой подруге Нике, которая, ко всему, еще и сводница! И твоя распущенность дошла до того, чтобы посреди улицы целоваться возле этого чертова ресторана!

ЛАРИСА. Ну, а раз я с помощью Ники предалась разврату на ресторанной кухне, то зачем ты сюда приехал?

СОЙМОНОВ. Убедиться! И оставить записку!

ЛАРИСА. И что бы ты написал в записке?

СОЙМОНОВ. Потребовал бы объяснений.

ЛАРИСА. Оказывается, я должна кому-то что-то объяснять?

СОЙМОНОВ. У нас с тобой, кажется, были серьезные намерения.

ЛАРИСА. У меня лично намерения несерьезные!

И она расхохоталась. Долго пытался Соймонов добиться от нее толку, но она сперва порекомендовала ему жениться на Марианне, которая за своими фолиантами мужиков в упор не видит, а потом предложила поискать в квартире пресловутый приметный плащ – нет его у нее больше, и все тут!

Соймонов добросовестно облазил все углы и убедился – плаща дома нет. Тут только он понял, в чем дело. Лариса, конечно, еще покапризничала, но у нее после походов было хорошее настроение, и она вскоре угомонилась. За ужином говорили об импортной мебели и списке гостей, поскольку до свадьбы осталось всего ничего – два месяца.

Но странно было Соймонову. Еще в те времена, когда лечащий врач Ася как бы случайно познакомила его с двумя скромными корректоршами и думал он, кого предпочесть, больше ему пришлось по душе некоторая робость и даже застенчивость Ларисы. Опять же, начитанная Марианне так и норовила загнать его в угол своими познаниями, искренне считая, что этим произведет на него положительное впечатление. Вот и выбрал он непритязательную Ларису, а она вдруг начала когтишки показывать. И не в измене на ресторанной кухне дело, а в ее отношении, в тоне, в дерзком хохоте! И показалось Соймонову его семейное счастье шатким, валким и ненадежным.

Не только среднестатистический жених за ужином говорил одно, а думал другое, но и Лариса. Конечно, хотелось ей предсвадебной суеты и белого платья и цветов, но все острее чувствовала она безнадежность своей матримониальной затеи. Не Соймонов и даже не Кологрив были в этом повинны, а вообще непонятно что.

Конечно, она вспомнила о главном, чего ждала от этого брака – о возможности родить и воспитать сына, такого же, как Дениска... Но и это не грело. Расхотелось что-то рожать сына Соймонову. И все Асины наставления за пять лет рассеялись как туман. Кусочек пустоты, так тщательно скрывааемый от себя самой, опять зашевелился внутри, расправил складочки и оказался ведущим вдаль коридорчиком, в глубине которого появилась точеная фигурка в шариках и ромбах.

Соймонов толковал о чем-то, а Лариса, оторвав взгляд от приближавшейся к ней повелительницы Коломбин, поразилась неподвижности его лица. Губы, может, и шевелились, но гладкие щеки, ровный лоб и аккуратный подбородок – все это казалось странно матовым и окаменевшим, как будто Соймонов нацепил маску из папье-маше.

Ларисе захотелось встряхнуть его!

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Не надо. Так удобнее. Так он меньше будет мешать. Так с ним проще. Не обременяй себя лишними связями.

Протянутые было руки Ларисы опустились.

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Вот и умница. Привыкай к Карнавалу.

ЛАРИСА. Я еще ничего не решила!

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Я подожду.

ГЛАВА ШЕСТАЯ, С СЮРПРИЗАМИ

С давних времен имелся у Ларисы с Никой один любимый уголок за городом. Исходя из особенностей его географии и составлялся план операции «Природа». На редакционной доске объявлений заблаговременно появился призыв ринуться всем коллективом на речной берег, позагорать, а может, даже и выкупаться, поиграть в мяч и потанцевать.

Лариса настропалалила корректуру, приятелей в отделах, особенно владельцев частного транспорта, и, наконец, Кологрива, который пытался приставать к ней с расспросами. Но от них она ловко уваливала.

Итак, редакция выехала на природу четырьмя машинами. Взяли с собой все необходимое – гитару, магнитофон, мяч и купальники. Одного не учли – купаться было рановато. Солнце-то припекало и загар приставал мгновенно, но

вода в речке не внушала доверия. Отдельные смельчаки ополаскивались и выбегали на берег. Кологрива среди них не было. Являя собой воплощенную солидность, он сидел, как на рауте у английской королевы – при полном параде. Кологрив заведовал магнитофоном и канистрой с пивом. Те участники пикника, что постарше, собрались вокруг него и затеяли обмен анекдотами.

Все зеленело, все радовало глаз. Чуть ниже по течению возле хутора в речку врезаются мостки, а к ним лодка привязана. В двадцати шагах за мостками речка делает два крутых поворота – сперва направо, потом налево. Если сплавляться по этой симпатичной речке, то километрах в трех от поляны обнаружится другой хутор. Живут там старик со своей старухой, и держат они корову. Это означает не только наличие парного молока, но и сеновал, где заблудший гость может переночевать. Дальше по течению – озеро. Главная его особенность – острова. Из-за них даже непонятно, где речка кончается и озеро начинается. Островов штуки три, но есть еще два полуострова – словом, в этом лабиринте ориентируются только аборигены.

Вот уж и день близится к закату, и через часик пора домой собираться, в Лариса еще не приступает к решительным действиям, хотя Кологрив усердно заманивает ее к магнитофону.

Известно, чего хочет Кологрив – поговорить о Нике! Но пусть изведает прелесть погони. В редакции ему не удалось допросить Ларису. А тут, пожалуй, удастся, если он отважится оторваться от пива с бутербродами и начать преследование. Тем более, что Лариса выглядит достойной высокого звания добычи – на ней эфемерный сарафанчик, красные босоножки на двенадцатисантиметровом каблуке, а на шее – ожерелье из красноватых деревянных шариков, которым Лариса прельстилась за его сходство с шиповниковым. Так что в атаку, друг Кологрив!

Он уже поймал несколько ее насмешливых взглядов. Он уже сообразил, что сегодня удастся вызвать ее на разговор. И встает Кологрив, и идет к Ларисе, совершенно не подозревая, чем это поползновение для обоих кончится.

Людмила же тем временем играет с секретариатскими мальчишками в волейбол. Носится она в купальнике и краем глаза поглядывает на своего изменника – не вспомнит ли он, глядя на ее стройные ножки, радость их тайных встреч? Но напрасно берет Людмила самые злые и крученые мячи – не до нее красавцу Кологриву.

И вот не поленился красавец, дошел до Ларисы и обнял ее за плечи. Атака началась.

А Лариса посмотрела ему в глаза азартным взглядом дуэлянта, уверенного в силе своего клинка. Она-то до такой степени готова к бою, что, предчувствуя возможные неудобства операции «Природа», поплотнее закусила и напилась чаю из каких-то душистых травок.

КОЛОГРИВ. Ну, мать, здорово мы тогда под дождем столкнулись!

ЛАРИСА. Подумаешь, событие!

КОЛОГРИВ. Не знал, что ты знакома с Никой.

ЛАРИСА. Да уж лет восемь, как знакома.

КОЛОГРИВ. Что же ты в ресторане молчала?

ЛАРИСА. А ты спрашивал?

КОЛОГРИВ. Мать, тебе на роду написано выручать меня.

Тут Лариса хмыкнула, и физиономия ее приняла какое-то малопонятное выражение.

ЛАРИСА. Ты так считаешь?

КОЛОГРИВ. Ты, наверное, уже в курсе моих проблем с Никой.

ЛАРИСА. Да уж... Но если ты зарядился говорить долго, то давай лучше сядем.

КОЛОГРИВ. На травку?

ЛАРИСА. Зачем? Я в лодку хочу. Видишь лодку? Там и сиденья имеются, и качается...

КОЛОГРИВ. Желание дамы – закон.

И забрались они в лодку. И был Кологрив посажен спиной к мосткам. И разговор о Нике продолжался.

Не знал Кологрив, что еще часа три назад побывала у лодки Лариса, вытащила из доски ржавый крюк, удерживавший лодочную цепь, а лодку привязала заранее припасенной веревкой, да еще скользящим узлом, и вывела конец веревки к лодочному носу, так что достаточно было ей опустить руку в воду, чтобы его нашарить...

Плавно колыхнувшись, пустилась лодка в путь. И, продолжая разговор, сохраняла Лариса безупречное спокойствие.

Лодку вынесло на середину речки и дотащило течением до поворота, когда увлеченный Кологрив вдруг заметил, что дрейфует по воле волн. Он вскочил и чуть не опрокинул лодку. Пришлось Ларисе взять власть в свои руки и прикрикнуть на него.

На повороте лодку понесло к камышам. Лариса растерялась – Ника, прокатившаяся как-то этим маршрутом, ничего не сказала о возможности застрять, не доезжая до старика и его старухи. Но мелькнуло что-то в камышах, подтолкнуло лодку, и лишь успела Лариса разглядеть уходящий в глубь силуэт – может, сердобольной рыбки, а может, и веера на золотой цепочке, увлекаемого уже невидимой рукой повелительницы Коломбин.

Не найдя в лодке даже захудалой палки, Кологрив запаниковал. Лариса спокойно разъяснила ему, что рано или поздно они доплывут до жилья, а там пусть Кологрив и поорет – выбегут люди, протянут багор и помогут причалить. Она-то знала, что произойдет дальше! Появится хутор, на помощь придут дедка с бабкой, они же и парным молоком угостят. А автобус будет только утром, так что пожалуйста ночевать на сеновал! Если же Кологрив захочет пешком вернуться к оставленной машине, Лариса деликатно напомним ему, что хутор – на одном берегу, а машина – на другом. И весел, чтобы на той же лодке переправиться через реку, у дедки с бабкой нет – они им ни к чему. А вплавь... Бр-р!

Насчет переполоха Лариса не беспокоилась. Раз в жизни злой язычок корреспондента Елены должен же принести и пользу! Исчезновение Кологрива с Ларисой будет понято однозначно, и никто на поиски не отправится.

А сеновал – штука прямо-таки волшебная, какие чудеса творит с горожанами сеновал – это просто уму непостижимо!

Отвергший Людмилу и отвергнутый Никой Кологрив был сегодня для Ларисы вполне реальной добычей. Вот к чему вел подсказанный повелительницей Коломбин план. И что же вышло?

Черт знает что! Увлеченная перебранкой, Лариса слишком поздно заметила подплывающий хутор, и поплыли они прямо в озеро.

И темнота опустилась с совершенно невероятной поспешностью. И лодка наконец-то въехала носом в камыши, сквозь которые Лариса и Кологрив с трудом продрались к берегу.

Вот такое неожиданное продолжение оказалось у операции «Природа». Чего-чего, а природы там, где оказались Лариса с Кологривом, было навалом, и очень красивой притом, отсутствовали только следы человеческой деятельности.

И пошли они наугад, спотыкаясь и путаясь в высокой траве. И прекрасна была эта некошенная трава, и благоухала летняя ночь, и даже соловьи пели невдалеке, но не до соловьев было Ларисе и Кологриву.

Как выяснилось, они довольно долго брели параллельно дороге. Наткнувшись на нее, Лариса обрадовалась – значит, они на полуострове! План грозил осуществиться – ведь всякая дорога ведет к человеческому жилью. Только подозревала она, что Кологриву уже не до сеновальных подвигов...

КОЛОГРИВ. Черт знает что...

ЛАРИСА. Ну, в чем дело?

КОЛОГРИВ. Я ногу стер!

ЛАРИСА. Ты еще насморк подхвати!

Кологрив оскорбился и замолчал. Ларису зло взяло – топает здоровенная балда в пиджаке и не задумается, что рядом хрупкая женщина, на которой лишь купальник, сарафан и босоножки. А уж входит в силу прохладный ветер, и одно спасение от него – лес, куда, к счастью, нырнула дорога. А если вынырнет?

Лес таки кончился – дорога вывела на луг, омываемый озером. На берегу горел рыбачий костерок и виднелась возле него человеческая фигура. Лариса и Кологрив устремились к огню.

Рыболов уступил гостям место у костра и предложил им печеной картошки. После чего они с Кологривом около минуты молча таращились друг на друга и, наконец, установили факт своего шапочного знакомства. Ларисе это было глубоко безразлично – операция безнадежно провалилась и она хотела спать. Рыболов предложил свой спальный мешок. Там она и вырубилась под неторопливые рассуждения о клеве, насадках, блеснах и донных удочках. Сквозь сон она поняла лишь, что утром за рыболовом придет моторка.

Проснулась Лариса на рассвете. И первое, что ощутила – чувство собственной неумытости. И ей, с одной стороны, показалось забавным, что без теплой ванны, дюжины тюбиков с кремом и импортного мыла она уже и жизни себе не представляет. А с другой – было-таки противно.

Решив искупаться, Лариса вылезла из мешка. Кологрив скрючился рядом под куском брезента. Рыболов отсутствовал.

Справа, где озеро языком вдавалось в луг, тянулись длинные и дряхлые мостки. Лариса иронически посмотрела на спящего Кологрива и сняла с себя решительно все. Добралась она и до ожерелья, раскрутила его на пальце, и вдруг расстроенные ее мысли перешли примерно в такой монолог: ну, что же ты, пестрая чертовка, смутила душу, втравила в авантюру, наобещала великих побед и – здарсьте, закинула на необитаемый полуостров!

Поеживаясь, Лариса дошла до края мостков, но тут энтузиазма поубавилось. Конечно, окунуться в холодную воду стоило, холодная вода – эликсир красоты и враг морщин, но в ту минуту Лариса предпочла бы морщины...

Утро царствовало над озером, утро и тишина, утро и прозрачный небосвод. Ларисе казалось, что достаточно усилия воли – и она безмятежно пойдет по зеркальной глади. И не ведала она, что через пять секунд совершит покушение на человеческую жизнь.

Через две секунды она услышала щелчок – странный, вроде не природного происхождения. Подумала – уж не подарочек ли повелительницы Коломбин? Уж не Кологрив ли проснулся и подкрадывается? Лариса закинула руки за голову, приняв позу пробуждающейся невинности, и щелчок повторился. Она с мечтательной улыбкой обернулась.

На мостках у самого берега стоял рыболов с фотоаппаратом.

Ярость полыхнула в Ларисиних глазах. Еще не ведая, что сотворит, в три прыжка оказалась она рядом с рыболовом – он же, разиня, застыл как вкопанный, должно быть, соображение отказало.

С разгону Лариса что было силы вмазала ему по уху.

И он полетел... в воду? Как бы не так! Чего там только не было, у тех мостков – трехметровая полоса каши из прибитых к берегу водорослей, корневищ камыша, жидкого ила и черт знает чего еще.

Плюхнувшись, рыболов отчаянно завопил:

– Аппаратура!

В голосе, невзирая на нелепость ситуации, слышался приказ. Поэтому Лариса схватила протянутый аппарат и опешила. Такая штукovina с таким объективом могла и на несколько тысяч потянуть...

Рыболов встал на ноги с самым прискорбным видом. Грязи оказалось по пояс. Лариса ждала взрыва возмущения. Но он отвернулся и прозвучало лишь одно ругательное слово.

РЫБОЛОВ. Вот такое-то озеро!

ЛАРИСА. А при чем тут озеро?

РЫБОЛОВ. Везет мне с ним. На велосипеде я сюда грохнулся? Грохнулся. С машиной – так ухнули, никто верить не хотел, что машина столько по воздуху пролетела. С лодки я в него раз пять кувыркался. С вертолета – и то спикировал. Осталось с летающей тарелки...

ЛАРИСА. То есть как – с вертолета?

От таких сообщений у нее даже вылетело из головы, что неплохо бы одеться.

РЫБОЛОВ. Приказали. Здесь лет пять назад проходили маневры. Нас десять человек снимало, кто откуда, мне выпало сверху. Ну, летим на малой высоте, я из люка высунулся, работаю. Хорошо, что над озером...

ЛАРИСА. А как же вы до берега?

РЫБОЛОВ. По дну! Выудили, конечно.

ЛАРИСА. Так что сегодняшний случай для вас явление незначительное? Очень жаль, но у меня не было под рукой вертолета.

РЫБОЛОВ. Чего уж там... Вы мне совершенно справедливо заехали.

ЛАРИСА. Не поворачивайтесь. Я пойду оденусь.

РЫБОЛОВ. А вы бы не согласились... ну, попозировать... когда оденетесь, конечно! Вы с пейзажем очень гармонируете.

ЛАРИСА. А зачем было снимать исподтишка? Как это называется?

РЫБОЛОВ. Не удержался. Уж очень красиво было... Я побоялся вас спугнуть. Хотите, я этот кадр засвечу?..

Но сказал он это так жалобно, что Лариса оттаяла.

ЛАРИСА. Да бог с ним, я ведь там – со спины...

Она не стала будить Кологрива, быстренько оделась и вернулась к рыболову. Но через пять минут Лариса ощутила полную необязательность сарафана. Так просто и уютно было с этим странным рыболовом.

Может быть, подсознательно действовало его сходство с большой, доброй и незаслуженно обиженной собакой, у которой уши повисли, уголки пасти и краешки глаз словно оттянуты вниз, и рожица в итоге получается несчастная. Но, как ни странно, видимость обиженности исчезла довольно быстро – стоило взглянуться в ясные и живые глаза, в которых так и светилось величайшее внимание к каждому слову или жесту собеседника.

Рыболов и Лариса в процессе работы успели перейти на «ты», когда вдали затарахтела моторка. Тогда разбудили закочевшего Кологрива. Солнце светило вовсю, но он не желал расставаться со своим брезентом и всю дорогу нудно ворчал, соблюдая хронологическую последовательность. Он начинал с того дня, когда прочел объявление о пикнике, высказывал свое мнение об умственных способностях организаторов, а затем добирался до Ларисы с ее страстью к дурацким лодкам. Когда он начал по четвертому кругу, прибыли в поселок.

Там стояла машина рыболова, на которой Кологрива и Ларису повезли в сторону города. По дороге Кологрива подбросили к месту пикника, где он пересел в собственную машину, благополучно там переночевавшую. На капот некая добрая душа положила Ларисину сумку. Потом рыболов отвез Ларису домой переодеться и умыться, подождал у дверей и доставил в редакцию. У порога они и расстались.

ЛАРИСА. Миша! Мишка! Постой! Мой телефон!

РЫБОЛОВ. Я записал! Ровно через неделю позвоню, если ничего не случится, и отдам фотографии. И за мной – сюрприз!

ЛАРИСА. Ну, пока!

Рабочая неделя началась с неприятного разговора с надутым Кологривом.

КОЛОГРИВ. Ну, ты, мать, совсем – того! Думать иногда надо!

ЛАРИСА. Скажи спасибо, что вообще живы остались!

КОЛОГРИВ. Спасибо??? А о чем вся редакция шепчется – знаешь? Ты глупейшим образом меня скомпрометировала. Вот будет радость Валентине!

ЛАРИСА. Почаще бы ты о ней вспоминал!

КОЛОГРИВ. Это уж мое дело – когда и о ком вспоминать. А тебя я прошу больше ничего подобного не устраивать. И точка.

ЛАРИСА. Ну, если о тебе и ходят сплетни, то не я их героиня!

Зря Кологрив злоупотребил начальственными нотками в голосе. Лариса и так чувствовала себя в какой-то мере оскорбленной его равнодушием во время «Природы». А теперь она и вовсе задумалась о том, как бы его проучить.

Она как раз перебирала варианты, когда в корректорскую всунулась голова Кологрива. И попросила Зою зайти в кабинет.

Зоя в недоумении подчинилась. Лариса, оставшись без пары, вышла в коридор. Там к ней подошла корреспондент Елена и осведомилась, чего это замред зазвал к себе Зою, да еще так надолго, и не пахнет ли это выговором. Тут Ларису наконец-то осенила дьявольская мысль. Она пожала плечами с таким видом, будто речь шла о деле давно известном, и смылась в корректорскую, оставив корреспондента Елену без ответа.

За те двадцать минут, что Зоя сидела у Кологрива, Лариса сбегала в секретариат, взяла полосу для читки. И сунула ее в коридоре за шкаф. А пестрый демон, несомненно подсказавший ей этот маневр, явственно произнес: «Так! Поделом!»

Вернувшуюся Зою Лариса встретила радостной улыбкой.

ЛАРИСА. Товарищи бдители! Объявляется перерыв. Зоя идет со мной пить кофе, а Марианна и Людмила остаются на тот случай, если принесут полоску. Потом мы с Зоей бдим, и вы пьете кофе.

МАРИАННА. Секретариат рехнулся. То – перерывы по часу, а то – все четыре полоски сразу!

ЛЮДМИЛА. Чего с дураков возьмешь...

Станным путем повела Зою Лариса – мимо доски объявлений и санузла, где ей руки помыть приспичило, и мимо всех отдельных дверей...

ЛАРИСА. И зачем же ты Кологриву потребовалась?

ЗОЯ. Да тетя из Хабаровска позвонила. Дома-то у нас опять линию ремонтируют. Она через справочное узнала редакционные телефонные номера и додумалась – с замреда начала. В гости, видите ли, собралась.

ЛАРИСА. Кологрив поступил благородно. А помнишь, как он сватался?

ЗОЯ. Это когда?

ЛАРИСА. Когда голубцы на всю контору стряпать велел!

ЗОЯ. Точно! Вот уж действительно...

ЛАРИСА. И что мне больше всего понравилось – как он свадьбу планировал! Кошмар – пригласить всю редакцию! Мало мы друг дружке здесь надоели? А вы бы с ним неплохо смотрелись. Соглашалась бы!

ЗОЯ. Да я-то уж с восторгом бы!..

ЛАРИСА. ...кабы не твои мальчишки? Ну, так поладил бы Кологрив с мальчишками, не сомневайся! Тут полредакции по этому Кологриву сохнет, а он отказ на предложение от тебя получает!!!

ЗОЯ. Так я же не отказала, в том-то и дело!..

Этот длившийся до дверей буфета разговор был дьявольски труден – Зоя несколько раз порывалась брякнуть про сон. Но Лариса ей этого не позволила. Первая мина Кологриву была подложена

Разумеется, этот разговор слышали. Сватовство к матери двоих детей, замужней женщине Зое – ох, это был всем сюрпризам сюрприз! Начался великий шорох по углам. Ларису втихаря допрашивали – она не отрицала, да еще историю с сорвавшейся с цепи лодкой обнародовала, и в свете кологривского сватовства к Зое история выглядела совершенно невинно – такое с кем угодно могло случиться. А отношение Кологрива к Ларисе было давно всем известно – старые соратники по какой-то там многотиражке.

И вот наступила пятница – день, как известно, роковой. Именно к этому дню Лариса проанализировала причины своего провала. И поняла, что ее погубило – собственная серьезность. Нельзя было воспринимать столько лет Кологрива всерьез. И спасать его от Валентиновой ревности, будто от смерти. И корчить из себя деловую женщину, даже если обладаешь спокойным и деловым характером. Много чего нельзя было...

И на что она употребила свои незаурядные способности! На чтение гранок с полосами! А ведь женщина, способная осуществить боевой план из четырех операций, достойна лучшей участи, чем созерцать три раза в неделю авоську, косметичку и фолиант на подоконнике!

Лариса размышляла, а работа над номером продолжалась.

МАРИАННА. «В - субботу - вечером - любители - литературы - приглашаются - на - вечер - студии - молодых - поэтов - при - союзе - писателей - точка - начало - в - девятнадцать - тридцать - абзац - нонпарель - те - кто - увлекается - фотоискусством - могут - посетить - персональную - выставку - мэ -

Реутова - которая - вчера - открылась - в зале - фотоклуба - по - адресу - ул - Смирнова - сорок - пять» Дальше сокращено.

ЛАРИСА. Найди интервью с Элиной Мансуровой. Пойдет на четвертую.

МАРИАННА. Это про что?

ЛАРИСА. Про победительницу городского конкурса парикмахеров. Дадим Людмиле с Зоей еще материал о художниках с трикотажной фабрики и «Рисую солнечным светом» – про того фотохудожника, ну, такой породистый маэстро, такой седой, бородатый...

МАРИАННА. Вот он, бородатый. Что еще?

ЛАРИСА. Впиши рубрику «Сто строк в номер» Да не в гранку, а в полосу – к репортажу о киносъёмках со знаменитостями... Да ну их всех к лешему – уже без пятнадцати, бежим, пока буфет не закрылся!

Стало ли Ларисе завидно от этого списка чужих удач? Скорее, зло взяло. И жуткое словечко произнесла она – «неудачница». Двадцать восемь лет и куча осточертевших гранок. Кологрив – рычит, Соймонов – ворчит. Что впереди – непонятно. И хочется выкинуть такое, чтобы рухнули к ее ногам все эти удачливые, знаменитые, талантливые! Чтобы закрутились вокруг нее в восхищении! Чтобы на прославленных лицах, обращенных к ней, сверкали улыбки восторга и, может быть, даже зависти...

И оказалась Лариса внутри того самого кусочка пустоты, который носила в себе. Только раздулся он и потерялись его границы, и Лариса почувствовала себя мухой в воздушном шарике.

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Стало быть, все-таки – Карнавал?

Лариса задумалась. А что, в самом деле, предлагала ей с самого начала пестрая чертовка? Вечный праздник, торжество раскрепощенной женственности. Ведь не дьяволу душу продать, нет, совсем не дьяволу...

И шум, заполнивший типографские коридоры, перекрыла музыка. Зазвенело нечто наподобие тарантеллы, легкое и прелестное. Стенки воздушного шарика обернулись сверкающими зеркалами, отражавшими друг друга, и из этих перемноженных осколков пустоты навстречу шли десятки пестрых демонов в одинаковых костюмах и масках.

ЛАРИСА. Раз уж ничто светлое, истинное, прекрасное впереди не светит...

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Пой!

ЛАРИСА. ...раз уж не сбылось, так пусть...

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Пой же! Ну!

ЛАРИСА.

*О Карнавал, веселый гений,
перед тобой склонив колени,
молю – к себе меня возьми!
Мне надоело жить с людьми –
так пусть вокруг мелькают радужные тени!*

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. И ты увидишь, насколько это приятнее и удобнее! Отпадет забота о тысяче мелочей, связи упростятся до предела и станут гармоничны! Ты насладишься простыми и вечными вещами. Пой!

ЛАРИСА.

Твои ночные мандолины,

*твои шальные тамбурины
пускай в душе моей звенят,
а вместо званий и наград
я получить желаю имя Колумбины!*

Ахнули с четвертой полосы фотохудожники, кинознаменитости и Элина Мансурова! А Ларисе ответил издали торжествующий смех тысячи серебряных голосов.

Стало быть, свершилось?.. А иначе и быть не могло у той, что загляделась на ожерелье из шиповника. Такая уж у него странная сила – будить в душе уверенность и гордость. И не только... Потерпим до понедельника. Тогда и увидим, как из-за этой закусившей удила Крыски-Лариски взбаламутится вся редакция. Да что редакция – весь город!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ – ПОБЕДНАЯ!

И вот идет Лариса по городу в прошлогодних брючишках и дешевой маечке, и никто не заглядывается на нее, и она ни на кого не заглядывается, спешит – уже без пяти час.

Входит Лариса в корректорскую, не видит на подоконнике ни авоськи, ни косметички, ни фолианта и со вздохом принимается сама разбирать гранки, потому что уж не знает, как своих подчиненных воспитывать – побить их, что ли?

Тут в корректорскую врывается вихрь и шлепает перед Ларисой на стол фотоснимок. Качеством он не блещет, потому что сделан с висящей на стене фотографии при плохом освещении. И все же Лариса с ужасом узнает себя.

А за спиной сопят секретариатские мальчишки.

И снимок стоит таких страстей – не понять, одетая или голая выглядывает Лариса из фантастического тумана.

ЛАРИСА. Как это к вам попало?

МАЛЬЧИШКИ. Лариска, ты была на выставке в фотоклубе?

ЛАРИСА. Не-е-е...

МАЛЬЧИШКИ. Так беги скорей, глупая!

Фотоклуб находился в трех кварталах от редакции. Полная тревожных предчувствий, Лариса с места взяла хорошую скорость. Но за несколько лет корректурской гиподинамии потеряла она дыхание и, подбегая к фотоклубу, уже здорово запыхалась. Протянула она кассирше двадцать копеек за билет, но та воззрилась на нее почище мальчишек и денег не взяла. Тогда Лариса шагнула в зал.

Прямо перед ней толпа заслонила самый большой стенд. Чужая неладная, Лариса вклинилась в толпу и увидела сложную композицию из разного формата снимков. В ней царили двое – Лариса и озеро.

Было там много интересных затей, но Лариса уставилась на свою фигуру на мостках, полупрозрачную, тающую и все же, как ей с перепугу показалось, страшно узнаваемую. А потом перевела взгляд на другие – и удивилась собственному лицу.

Рыболов оказался художником. Он углядел в Ларисе то, что она пыталась усердно спрятать от посторонних, – нежность, порывистость и доверчивость, совершенно лишние в деловой женщине вообще и в старшем корректоре в частности. Но не знал рыболов о вмешательстве пестрого демона. И потому грустно сказала себе Лариса, чувствуя, что стоит на пороге бурных событий, – ну что же, я была очень даже недурна...

Ее тихо тронули за плечо. Ожидая явления рыболова, Лариса повернулась и увидела женщину чуть повыше себя ростом, яркую и красивую.

ЛАРИСА (на всякий случай). Здравствуйте...

ЖЕНЩИНА. Добрый день. Познакомимся. Элина Мансурова. Если бы мы не встретились здесь, я бы сегодня пришла к вам в редакцию.

Красавица Элина улыбнулась, от глаз разбежались морщинки, и Лариса поняла, что красавица ей в матери годится.

ЭЛИНА. Через месяц республиканский конкурс. А я ваше лицо десять лет искала. Соглашайтесь. Не пожалеете. Гарантирую съемки на Центральном телевидении. Ну, и классные прически на всю оставшуюся жизнь.

Лариса обалдело слушала.

ЭЛИНА. Тренировки вам назначим, когда вам удобно. Утром? Вечером? Пожалуйста! Но тренироваться будем каждый день. Тем более, что вам надо немного подлечить волосы.

Лариса пришла в себя, сделала независимое лицо и по-деловому договорилась с Элиной. Она уже собралась бежать на работу, но у дверей наткнулась на рыболова – с рукой на перевязи, в окружении группы почтенных товарищей.

ЛАРИСА. Мишка! Что ты натворил?!?

РЫБОЛОВ. А что, не угодил?

ЛАРИСА. Боюсь, что по гроб жизни угодил... А с рукой что?

РЫБОЛОВ. Ерунда. Со слона свалился.

ЛАРИСА. От-ку-да?..

РЫБОЛОВ. Ну, в цирке был, дрессировщицу снимал, пригласили на слоне покататься. Я сдуру и залез. Тут тебя мой коллега ищет.

И Лариса увидела в группа знакомое лицо – с мудрым взглядом чистых голубых глаз, приятное, обрамленное седой бородой. Рыболов представил их друг другу, и Лариса услышала фамилию, вслед за которой привыкла читать: лауреат международных конкурсов, почетный член фотообществ Австралии, Канады и Венесуэлы, или что-то подобное.

Знаменитость поцеловала руку Ларисе и наилюбезнейше осведомилась, не согласится ли прекрасная дама попозировать? Знаменитость, видите ли, приглашена участвовать в парижской фотовыставке, и Лариса прекрасно вписывается в сказочные замыслы знаменитости.

Лариса откровенно разинула рот. Потом вспомнила, что есть ведь и такой способ шутить – без улыбки. Но розыгрышем вроде не пахло. Она с таким изумлением заглянула в глаза рыболову, что он невольно расхохотался, да еще имел нахальство сообщить знаменитости причину смеха.

ЗНАМЕНИТОСТЬ. Но, милое дитя, раз Мишке Реутову повезло с вами, пусть и мне повезет. Теперь-то я понял, зачем он все это затеял!

И Лариса узнала, что Реутов за три дня до открытия выставки принял полностью перекраивать экспозицию с учетом новых работ.

ЗНАМЕНИТОСТЬ. И подумать только, что вас отыскал именно этот специалист по танкам и бронетранспортерам! Ну так как же, вы окажете мне честь?..

За спиной Ларисы раздались странные звуки, будто несколько человек сразу лишились дыхания и ловят губами воздух. Она обернулась и увидела секретариат, промышленный отдел и отдел трудового воспитания, в полном составе примчавшиеся на выставку. Они слышали все. И, разумеется, ответ у Ларисы мог быть только один.

ЛАРИСА У меня в планах подготовка к всесоюзному конкурсу парикмахеров-модельеров. Ежедневные тренировки, вы понимаете... Но если – Париж, и если это не отнимет слишком много времени, то я принимаю ваше предложение.

И Ларисе была вручена визитка на английском языке.

Время первого сеанса Лариса назначила мгновенно – сразу же после тренировки, пока еще будет цела прическа. И она уже направилась к дверям, но группа почтенных товарищей, приведенных Реутовым, окружила ее. То, что предложили они, уж вовсе выходило за все мыслимые рамки. Это оказался коллектив художников трикотажной фабрики. Ему удалось, поднатужившись, разработать коллекцию моделей, которые, если бы запустить их в производство на уровне опытных образцов, определенно переплюнули бы фирму «Адидас». Для этого требовалось дельное сырье, но главным образом – импортные красители. От показа в Москве зависело, получат ли на фабрике эти самые красители. И почему-то сегодня все вдруг уперлось в проблему манекенщиц...

Лариса бодро поддержала разговор, поразив художников знанием тонкостей производства. Дело в том, что читанный на прошлой неделе материал о коллекции был сокращен ровно наполовину, в газету попали полтора оптимистических строка, а размышления о конкурентоспособности остались в гранках, где их и изучила Лариса. Так что важность московского показа она понимала. Поэтому, когда ей предложили сняться для фирменного буклета, она, несколько свыкшись со своей внезапной фотогеничностью, сразу согласилась. Оказалось, ее ждала еще одна авантюра – роль манекенщицы, с недельным выездом в Москву

Лариса видела, что вокруг нее творится какая-то фантазмагория. Но ведь просила же она повелительницу Коломбин о том, чего в своей жизни не знала, – об успехе, о признании своих женских достоинств, о яркой и нарядной жизни. Просила. И сбылось.

Поэтому Лариса лишь небрежно усомнилась, отпустят ли ее с работы для такой надобности. На что художники заявили, что такая мелочь ее не должна беспокоить. Главное для нее – красиво выйти на подиум. А вопрос московского показа решается на уровне министерств. Так что Лариса может не беспокоиться.

Однако время поджимало, и Лариса помчалась в редакцию. По дороге она сообразила, что список поклонников ее красоты подозрительно совпадает со списком материалов в субботнем номере газеты. И она принялась лихорадочно вспоминать, кому еще бросила вызов в тот вечер.

Конечно, следовало полюбезнее проститься с Реутовым, заварившим эту великолепную кашу, все-таки столько времени и энергии он потратил на снимки. Но Лариса была убеждена, что невезучий Реутов все равно обижаться не станет. Ибо не избалован, как Кологрив, хотя и втрое талантливее... Стоп! Жуткая мысль пронзила Ларису – а какими же талантами, кроме административных, отличается красавец Кологрив? Когда тебя внезапно

окружила такая куча талантливых людей, когда признали в тебе артистичность, поневоле взглянешь свысока на тех, кто окружал тебя раньше.

И начнет заживать давняя рана, нанесенная самолюбию!

Но что за черт – когда Лариса неслась на выставку, ни одна сволочь на нее не глядела влюбленным взором. А идет обратно – и ловит эти самые взоры через каждые пять шагов. В лице у нее, что ли, изменилось что-то после окаянной выставки? Или в походке? Или талия мгновенно стала тоньше?

Черт его знает! Только каждое мужское подсознание говорит – стоп, внимание, интересная женщина.

А интересная женщина влетает в редакцию и натывается на Кологрива. В коридоре, сравнительно с улицей, полумрак. Кологрив не видит преображенного Ларисино лица и делает ей суровый втык: скоро два часа, гранки не читаны, цех ворчит, а подчиненные в буфете!

Страшно хочется Ларисе брякнуть в ответ что-нибудь этакое. Но интуиция истинной Колумбины подсказывает ей, что еще не время раскрывать карты. Поэтому Лариса, пробормотав нечто извинительное насчет аварии водопровода, исчезает. Она-то исчезает, а вот фраза повисает в воздухе, заставляя Кологрива обернуться на пороге кабинета.

– Ну, Кологрив, берегись!

Голос вроде не Ларисин, однако ж больше сказать некому. Но и Лариса смылась. И в великом недоумении закрывает Кологрив дверь.

Поработав с полчаса, Кологрив вышел из кабинета и тут только обратил внимание, что в обычно шумной редакции – гулкая тишина. Редакторский кабинет заперт. Секретарши нет. В отделах пусто. Не заперта корректорская, но и в ней ни души – Лариса, пойдя извлекать коллег из буфета, сама там и застряла.

Стоит Кологрив в корректорской, начинает злиться, и вдруг раздается звонок. Просят Ларису. Кологрив свирепо говорит: «Нету».

ГОЛОС. Тогда передайте ей, пожалуйста, что ее срочно искал ассистент Никифоров. Мой гостиничный телефон такой-то.

КОЛОГРИВ. Что еще за ассистент?

ГОЛОС. Режиссера ассистент!

И называется фамилия, достаточно популярная.

ГОЛОС. Мне велено немедленно ее найти. Мэтр вернулся с выставки в полном восторге. Мы именно такой типаж и искали. Дайте, пожалуйста, ее домашний телефон!

КОЛОГРИВ. Что еще за выставка?

ГОЛОС. В фотоклубе, выставка Миши Реутова. Алло! Я вас слушаю!

Но Кологрив молчит, пытаюсь связать между собой режиссера, выставку Реутова и Ларису. Ничего у него, понятно, не получается, потому что он не знает о съемках на необитаемом полуострове. И он молча кладет трубку. А по коридору грохочет толпа сотрудников во главе с редактором. И все шумно призывают к себе Ларису.

Вместо нее в дверях корректорской появляется Кологрив и возмущается дисциплиной корректоров, но сам редактор с хохотом прерывает его и советует сходить на выставку.

Кологрив из упрямства заявляет, что не намерен в рабочее время бегать по выставкам. Окружающим это не нравится – как будто он единственный работяга в толпе тунеядцев, и несколько голосов ставят Кологрива на место. И

сотрудники расходятся по отделам, причем кто-то у Кологрива за спиной вертит пальцем у виска.

Насмешка эта глубоко несправедлива. Кологрив пока еще в своем уме, он только здорово сердит и чувствует, что история с выставкой возымеет для него какое-то странное продолжение. Поэтому он идет в корректорскую узнать у Ларисы, что она опять натворила, но там в разгаре чтение гранок и его вежливо выставляют.

А у сотрудников Кологрив ничего не спрашивает из гордости. А до восьми вечера, дожидаясь ухода последнего засидевшегося подчиненного, он торчит в кабинете из упрямства. И, придя наконец к фотоклубу, целуется с дверной ручкой.

Вот и стоит Кологрив у запертой двери и тупо таращится на черно-белую реутовскую афишу. Но, видно, трудный день сказывается, куча просмотренных снимков и прочитанных материалов. Потому что как иначе объяснить внезапное мельтешение цветных ромбов на черно-белом рисунке? Решительно никак!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. «ЛЮБОВЬ – ДИТЯ, ДИТЯ СВОБОДЫ!»

На следующий день Лариса собиралась перед походом к Элине заглянуть к Асе – давно уже не возилась с Дениской, да и поделиться удачами надо. Но позвонил Никифоров.

Он хотел встретиться утром. Лариса высокомерно объяснила, что у нее сперва тренировка перед республиканским конкурсом, а потом подготовка к парижской фотовыставке. Звучало внушительно.

Тогда Никифоров предложил другой вариант – ведь Лариса все равно не обойдется без обеда, так почему бы не пообедать вместе? За ней придет машина съемочной группы, и они все обсудят в «Астории» (это Ларису развеселило) в обществе мэтра.

От таких предложений не отказываются, и Лариса выскочила на лестницу, собираясь пораньше приехать к Элине. Она сбежала вниз и привычно остановилась перед Асиной дверью.

Стало ей как-то неловко. Вспомнились их совместные вечера на кухне и возня с Дениской, и то, как Ася ее несколько лет воспитывала, оберегала, уму-разуму учила. Но показалось все это Ларисе отчаянно скучным. Ну, Соймонов, ну, белая фата... И становись, подруга, на рельсы общепризнанного положительного стереотипа! Все «как у людей»! А целый слой жизни намертво от тебя отрезан – самый живой, веселый, праздничный. Побегашь тогда каждый день с новой стрижкой, как же! И со знаменитостями в «Астории» посидишь! Увязнешь, милая, во взаимно обременительных контактах со считанным количеством людей, которые тебя наизусть знают и которых ты как таблицу умножения вызубрила...

Лариса встряхнулась, понеслась вниз, даже запела, чтобы выгнать вон смуту и сомнение:

*И я отныне пожелала
жить по законам Карнавала!
Ему я душу отдаю,
а вместе с ней – печаль мою,*

чтоб я вовек уже печальной не бывала!

И закрутилось колесо!

Во-первых, деньги, отложенные на ремонт квартиры, растаяли мгновенно. Лариса мужественно повыбрасывала старые, хотя еще вполне годные тряпки, чтобы не возникло соблазна их надеть даже на работу. Новые, остромодные, стоили соответственно. Во-вторых, образовался жуткий дефицит времени. В-третьих, после телепередачи о республиканском конкурсе парикмахеров Ларису стали узнавать на улицах. В-четвертых, она взяла неделю отпуска за свой счет для киносъемок. Ее эпизодическая роль состояла в следующем: главный герой объяснялся на улице с героиней фильма, а поблизости интересная блондинка ждала кого-то у киоска. Блондинкой была Лариса, которой Элина сочинила потрясающий платиновый оттенок. Потом она же, не дождавшись, шла по аллее, а герой с героиней – за ней. И, наконец, за ней шел по инерции только герой, но она садилась в трамвай и уезжала. Ни одного слова Ларисе не полагалось, но Никифоров обнадежил ее – у мэтра легкая рука и даже те, кто у него снимаются в массовке, потом получают неплохие предложения.

Вернувшись в родимую корректуру, Лариса была окружена неслыханным почетом. А вскоре к ней самолично пожаловал Кологрив. Он сходил-таки на выставку.

Когда до него дошли слухи о Ларисиних успехах, Кологрив призадумался – оказывается, рядом с ним существовало чудо, он же за столько лет этого чуда не разглядел.

Лариса стала женщиной, общаться с которой – престижно. Кологрив еще не знал, что это – достоинство Коломбин.

- ...та самая, которую на днях показывали по телику?
- ...та, кого снимал сам маэстро!
- ...манекенщица?
- ...киноартистка!

И Кологрив ринулся в атаку. Скажем сразу, убогой вышла эта атака. Первый демарш обошелся дешевле рубля – Кологрив сводил Ларису в типографский буфет. А она в свои выходные обедала в модных кафе, где угощал либо маэстро, либо Никифоров, либо Реутов, либо какой-нибудь очарованный незнакомец. И Лариса привыкла к тому, что за право смотреть, как она поглощает фирменные колбаски, нужно платить не меньше десятки.

Кологрив пошел и на другие расходы, как то: четыре порции мороженого для всей первой смены, две бутылки лимонада и в общей сложности около трехсот граммов ирисок. Именно такими средствами он обычно оказывал внимание женщине.

Людмила забеспокоилась. Лариса ушам своим и глазам не верила – ей почему-то победа представлялась иначе. И лишь после того, как Кологрив дважды отвез ее домой на машине, она поделилась своими сомнениями с Никой.

НИКА. Это то, чего ты искала. Искупайся в «море нежности» и забудь о нем!

ЛАРИСА. Сколько лет я на него молилась...

НИКА. Просто ты уже тогда была Коломбиной. А мы, Коломбины, любим решать трудные задачки. Тем и отличаемся.

ЛАРИСА. Я пытаюсь понять, кого же я любила. Ведь любила же, и хотя я изменилась, он-то не изменился! Журналист он посредственный – это я и тогда

знала. Но сейчас он – человек на своем месте, умеет работать, у него авторитет...

НИКА. Кто же любит за это? За это на должность назначают! Ты любила скорее всего живого и насмешливого мальчика, который носился по вашей многотиражке, как электровеник. Эту маску он умудрился сохранять еще несколько лет после того, как стал толстеть. Поняла? И раз ты не можешь без этого бывшего мальчика, то бери его на здоровье! Хочешь?

ЛАРИСА. Я хочу, чтобы в моей жизни было что-то настоящее...

НИКА. Штамп, недостойный Коломбины! Настоящая – ты сама, а окружающие принимают максимально удобный для тебя образ и характер.

Тут Ника на секунду задумалась. Мрачность просквозила в ее молодом, ухоженном, безмятежном лице. Но вот она подняла голову, и спокойствие глаз и губ подруги едва ли не испугало Ларису. Их блеск был неподвижен. И легкий розовый румянец был непроницаем, как черная маска повелительницы Коломбин.

На следующий день – кстати, выходной – заглянула Лариса в свой блокнот, убедилась, что не может поспеть в четыре места одновременно, и взялась за телефон. Никифорову она сказала, что срочно едет к Элине, Элине – что вызвал маэстро, маэстро – что ее перехватили товарищи с трикотажной фабрики, и так далее. А в итоге она оказалась в кабинете Кологрива.

Кологрив, мужчина опытный, все угадал и возрадовался. Недолго длился невинный треп. Очень скоро они поодиночке вышли из редакции, сели в машину и укатили в сторону кологривских апартаментов. Причем ни слова не было сказано о цели этого путешествия. Все как бы само собой разумелось. И такое умолчание Ларисе очень не понравилось.

Дома Кологрив вынул из бара иностранные бутылки и сообразил потрясающий коктейль. Он выпил первым и, пока Лариса осваивала свою порцию, подсел и обнял ее за талию. Соблазнение началось.

Лариса знала, что Валентина в городе и вечером наверняка зайвится с работы. Судя по неторопливости Кологрива, она должна была крепко припоздниться.

Соблазнение продолжалось, и все бы шло прекрасно, кабы не отсутствие слов и поцелуев. Видимо, Кологрив решил, что они не Ромео с Джульеттой, годы не те, и незачем словесные водопады извергать.

Впрочем, кое-что Кологрив все же вымолвил. Он шепотом предложил Ларисе раскрепоститься и сбросить наконец постылую уздечку. Положительно красавец Кологрив происходил из какого-то древнего кавалерийского рода!

Лариса сразу же вспомнила все. «Мы с тобой не маленькие дети», – рассудительно заявил где-то внутри Соймонов. «Ты же свой парень!» – в тон ему добавил Дима. И наконец еще и это!

Кологрив, временно отпустив ее, торопливо стянул свитер. И изумился, видя, что Лариса неподвижна.

Ларисе стало даже любопытно, сообразит ли он, что женщине как-то неприлично взять и начать раздеваться без всякого приглашения. Таких тонкостей он, видимо, не понимал. И Лариса с горечью констатировала – все-таки боевые кони, несмотря ни на что, боевые кони... Крепко же приросла к ней эта маска! Ну, ладно...

В общих чертах сценарий ей был ясен. Лариса не обольщалась – Кологрив положил на это приключение часа полтора. А может, и меньше – до прихода

жены следовало навести порядок. Старый боевой конь – он ведь капризничать не станет, смоемся вовремя!

Кологрив, видимо, вспомнил, как эти дела делаются. Он встал, подошел к Ларисе и собрался ее поцеловать.

Лариса невольно замерла. Вся надежда была на этот поцелуй. Только он мог исправить все глупости, совершенные Кологривом за последние годы. Долгожданный поцелуй Кологрива! Головокружительный полет сквозь звездные просторы с закрытыми глазами!..

И он состоялся, этот поцелуй. Головокружения не было. Вообще ничего не было, кроме привкуса табака.

Конечно же Лариса ответила, как только могла, ища если не в Кологриве, то в себе самой скрытые резервы бурной страсти. И продлить поцелуй постаралась в поисках желанного головокружения. Но, оторвавшись от кологривских губ, Лариса явственно поняла, что пролетела мимо цели.

На нее смотрели неподвижно-настойчивые глаза с неподвижно-глупого лица.

При этом Кологрив пытался стянуть с Ларисы цветную майку.

Лариса бы решительно воспротивилась, но майка была из коллекции трикотажников. Боясь за целостность государственного имущества, Лариса позволила снять майку. Покорилась она и дальнейшим действиям Кологрива, но мысленно уже искала выход из положения. И жаль, что не обратил внимания пылкий Кологрив на подозрительный прищур ее зеленых глаз – ему бы стало не по себе.

Спасение пришло внезапно – когда уже и простыня была выдернута из ящика и брошена на тахту, когда уже и кологривские брюки полетели в угол, когда и красные Ларисины босоножки с мягким стуком пали на ковер...

Кологрив задумался на секунду, и шмыгнул в ванную.

Хищной птицей метнулась Лариса за ним следом.

Ларисина рука мягко обхватила защелку и бесшумно заперла Кологрива.

Минут пять он мог просидеть там, считая случившееся шуткой. Минут десять взывал бы, полагаясь на силу словесного убеждения. И лишь тогда бы понял, что птичка улетела и надо ломать дверь.

А Ларисе, чтобы одеться, такой прорыв времени и не требовалось.

Как Кологрив объяснит Валентине выбитую дверь ванной, Ларису не беспокоило. Конечно, любопытно было бы послушать его вранье, но оставаться ради этого, право, не стоило!

На прощание Лариса сгребла в кучу брюки, свитер, ботинки и носки и, встав на кресло, затолкала все это имущество в щель между антресолями импортной секции и потолком. Место было надежное.

С босоножками в руках, без малейшего угрызения совести она прокралась в прихожую, выскочила и понеслась вниз.

Она чувствовала себя истинной Коломбиной, имеющей природное право выкидывать такие фортели. Должна же наконец и на потерявшего совесть Кологрива найтись управа? Вот она и нашлась.

И будет сегодня вечером странный скандал. Обнаружь Валентина под тахтой чужие колготки или там шпильки в ванной, она, ей-богу, спокойнее бы к этому отнеслась, дело понятное. Но как объяснить сломанную дверь ванной? Станный, однако, посетил квартиру вор – пробравшись через водопроводную трубу, он не тронул ни хрусталя, ни японского магнитофона, а на что же тогда польстился? Ну? Задача для Шерлока Холмса?

– Шерше ля фам! – сказал бы Холмс Валентине. Но – которую из многих подозреваемых?

Преступницей же, цокающей каблуками по асфальту, овладела жуткая мысль – хоть Коломбине и дозволено все, однако есть еще и Уголовный кодекс со статьей двести четвертой о хулиганстве...

Поскольку все деловые свидания была отменены, Лариса решила искупить вину перед Асей и провести вечер у нее. Вскоре она подъехала к дому на такси. На коленях у нее лежал здоровенный, ярко-зеленый, чуть ли не в натуральную величину игрушечный ракетовоз.

– Тетя Лариса пришла! – завопил Дениска и пискнул так, что Ася с кухни не могла его услышать: – Лариска плюс Дениска! Лариска плюс Дениска!

С кухни пришла Ася в халате и фартуке.

АСЯ. Совсем нас забыла, как в знаменитости выбилась...

ЛАРИСА. Вот видишь, не забыла. Держи, Дениска! Еле дотащила.

ДЕНИСКА. Ой, ур-р-ра-а-а!

АСЯ. Ты с ума сошла! Для него же гараж нужен!

ЛАРИСА. Зато какая расцветка!

ДЕНИСКА. У меня как раз не было ракетовоза. У меня были два танка, самолетика и подводная лодка, а ракетовоза не было.

ЛАРИСА. Откуда у тебя подводная лодка?

АСЯ. Обломал мачты у яхты и сказал, что теперь она будет плавать под водой. Ты, я вижу, к нему в гости пришла. Ну, поиграйся...

ЛАРИСА. Знаешь, да. Душевного просветления захотелось.

АСЯ. Ну, резвись. Только не пришлось бы тебе век ходить в гости за душевным просветлением!

Лариса хотела ответить, но взглянула в лицо подруге и промолчала. Ну что поняла бы в ее ответе женщина, у которой вместо лица – маска вечной озабоченности и усталости, якобы дающая ей право читать другим мораль? Лариса удивилась, что она раньше не догадалась об этом и попыталась приспособить к чужой маске свою многогранную душу. Поэтому она промолчала, а Ася ушла на кухню.

ДЕНИСКА. А рисовать будем?

ЛАРИСА. И рисовать будем, и книжку читать будем.

ДЕНИСКА. А меня папа писать научил!

ЛАРИСА. И много букв ты уже знаешь?

ДЕНИСКА. Каких еще букв? Я целое слово пишу!

Он отыскал фломастер, бумагу, вывел букву «А», подумал, слева от нее поставил «П», и так, задом наперед, действительно изобразил слово «ПАПА».

ЛАРИСА. Да, папа у тебя – педагог...

Она хотела было заняться алфавитом, но Дениска уже тащил танки, самолеты и солдатиков. Пришлось играть в войну.

Но вернулся в конце концов с работы Дима, и все поужинали вместе и уложили спать ребенка. Тогда Лариса поняла, что пора сказать соседям «спокойной ночи».

Поднялась она к себе и призадумалась – похоже, свершилось... Ведь было у нее в руках пресловутое «море нежности»! И не ее вина, что оно вдруг оказалось ненужным. Стало быть, следует устремиться к чему-нибудь другому. Вот только к чему бы?

И первое, что пришло на ум, – а неплохо бы теперь шума, музыки, танца какого-нибудь безумного, чтобы отпраздновать свою победу и над Кологривом лично, и над нелепой тягой к нему.

Откуда-то издали донесся аккорд – то ли гитарных струн, то ли мандолинных. Лариса распахнула окно, чтобы впустить музыку, и зарождающуюся песню, и ночь, внезапно засверкавшую искрами далеких фонариков.

– Карнавал! Карнавал! – услышала она веселые, торжествующие голоса тысячи Коломбин.

– Карнавал! Карнавал! – закричала сама и ринулась куда-то, может – сквозь стену, а может – сквозь ветер, черт знает куда, на шум, на звон тамбуринов.

И оказалась в самом начале бесконечной улицы. Маски подхватили ее и увлекли в яростную фарандолу. Со всех сторон пели, но каждый – свою песню, и шум стоял невероятный. С балконов кидали серпантин и конфетти, крошечные букетики и огромные шары. Цветы и шары перелетали из рук в руки, и казалось – вместе с ними перелетает из объятий в объятия тысяча разноцветных Коломбин.

ВНЕЗАПНЫЙ ГОЛОС. Вот и начался твой Карнавал.

Он чисто прозвучал в оглушительной суматохе. И Лариса обнаружила, что уже сидит на перилах балюстрады, а Карнавал бесится где-то внизу, и порхающие букеты не касаются даже ее красных башмачков.

А рядом сидела в той же позе женщина, которую можно было принять за Ларисино отражение в невидимом зеркале. Она так же скрестила руки на пестрой юбке и покачивала веером на цепочке, охватившей кисть руки.

ЛАРИСА. Да, начался...

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Вот ты и стала Коломбиной, которая может быть счастлива только на Карнавале. Ты чем-то недовольна?

ЛАРИСА. Коломбине дозволено все?

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Конечно.

ЛАРИСА. Так почему же я ищу в себе любовь и не нахожу ее? Или именно любовь для меня под запретом?

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Люби, сделай милость! Люби Арлекина. Коломбина не может не любить Арлекина.

И шагах в десяти Лариса увидела стройного гибкого юношу в ромбах, в маске, похожего на прельстительного дьявола и, как все в эту ночь, на сиамского кота.

ЛАРИСА. Пусть он снимет маску! Должна же я видеть лицо человека, в которого влюблена!

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Зачем? Придумай ему любое лицо по своему вкусу. А маска у него очаровательна. Или ты еще не убедилась в пользе масок?

ЛАРИСА. А если вкус изменится?

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Ну, так пусть и лица под маской меняются. Это же Карнавал.

ЛАРИСА. Неужели нет на свете живого человеческого лица, в которое я могу смотреть с любовью? Неужели я обречена целовать только маски?

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Ни одна Коломбина не делает ставки на любовь. И к тому же на тебе самой – тоже маска. И эту маску тоже кто-то будет

целовать. И знаешь, это очень удобно. Не приходится тратить время на размышления. Ступай! И помни, что Коломбине дозволено все.

ЛАРИСА. Я помню. Все, кроме любви.

Но тут всплески звона и песен захлестывают, и пропадают в коловёрти повелительница Коломбин, очаровательный Арлекин и беспокойная героиня...

Гаснет разноцветная ночь, врывается утро, и я вижу, как Лариса закрывает окно и бредет к постели.

Разумеется, на работу она опоздала и примчалась, когда дорогие коллеги уже сидели на рабочих местах.

Лариса подошла к двери и прислушалась – разговор они вели довольно странный.

МАРИАННА. Я тоже хотела по совместительству. Нельзя – мы считаемся служащими. Вот и сиди на своей сотне.

ЗОЯ. У тебя хоть родители, не бросят.

ЛЮДМИЛА. Да, девочки, ситуация... Но я уже решила.

Видимо, пестрый сон еще не выветрился из Ларисиной головы – заглянув в дверь, она остолбенела. Коллег в комнате не было, а на стульях лежали здоровенные авоська, косметичка и фолиант.

АВОСЬКА. Хлебнешь горюшка...

ФОЛИАНТ. Даже я бы не рискнула, а ведь у меня тылы обеспечены!

АВОСЬКА. И из редакции придется уходить.

КОСМЕТИЧКА. Перестаньте. Хватит. Я это и сама знаю.

Лариса встряхнулась. Наваждение стало таять, и на стульях обозначились бесплотные силуэты коллег, сквозь которые явственно виднелись окаянные косметичка, авоська и фолиант. Лариса встряхнулась еще раз и решительно вошла. Сон так и не исчез до конца. Но поскольку рабочий день начался и ждала куча гранок, она смирилась с тем, что смутно видит лица коллег.

Вскоре в дверях корректорской возник суровый Кологрив и потребовал Ларису Николаевну в кабинет.

ЛАРИСА. Вы же видите, Олег Дмитриевич, что мы очень заняты.

КОЛОГРИВ. Как только освободитесь, зайдите ко мне.

ЛАРИСА. Я освобожусь еще нескоро, Олег Дмитриевич.

Кологрив отбыл, а подчиненные с ужасом воззрились на Ларису.

ЛАРИСА. Ничего. Все в порядке. Читаем.

АВОСЬКА. Это из-за ошибки?

ФОЛИАНТ. Разве прошла ошибка?

КОСМЕТИЧКА (шепотом, на ухо Ларисе). Из-за меня?..

ЛАРИСА (всем сразу). Угу!

Через час Кологрив снова заглянул. И с тем же успехом.

На сей раз во взглядах подчиненных читалось благоговение.

АВОСЬКА. Ну, Лариска!.. Ну, Лариска!..

ФОЛИАНТ. Он думает, что мы перед ним на задних лапках запляшем?

КОСМЕТИЧКА. Лариска, ты герой!

Налицо был бунт в корректуре, и вовсю он вспыхнул, когда Кологрив пожаловал в третий раз.

ЛАРИСА. Олег Дмитриевич, если вы имеете сообщить что-то по работе, то говорите. У нас три полосы, и все очень грязные.

КОЛОГРИВ. Но ведь вы только что ходили пить кофе!

Корректурка переглянулась – замред унизился до подглядывания.

АВОСЬКА. В инструкции сказано, что наше время посещения буфета – от половины седьмого до семи. Мы в него уложились.

КОЛОГРИВ. Найти пять минут, чтобы зайти на минутку...

ФОЛИАНТ. Лариса, только что пришел официоз. Если мы немедленно не прочтем его и не дадим на правку, будет опоздание!

КОЛОГРИВ. Лариса Николаевна, я совершенно официально прошу вас зайти ко мне в кабинет!

КОСМЕТИЧКА. Лариска, полоса лежит, а в цехе ругаются!

Столкнувшись с бунтом, Кологрив растерялся. Корректурка, готовая к бою, ждала. Он сверкнул глазами и вышел.

Кологрив знал, что Лариса должна уходить последней. Он засел у себя в кабинете и стал ждать. А дождался он в итоге подвыпившего Мошкина, который забрел в редакцию перехватить трешку.

МОШКИН. Привет! Дай до понедельника трюндель. Ждешь?

КОЛОГРИВ. Держи. Жду.

МОШКИН. Seriously тебя припекло. Я думал – врут бабы. А ты действительно – сидишь, ждешь. Уму непостижимо. Нонсенс.

КОЛОГРИВ. Кто – врет? Чего – врет?

МОШКИН. Ну, в конторе насчет тебя!

КОЛОГРИВ. Топал бы ты домой, соратник...

МОШКИН. Я-то пойду, а ты-то ждать будешь! И надо же – такую обузу...

КОЛОГРИВ. Какую еще обузу?

МОШКИН. Да ты забыл, что ли, что у нее двое детей?

КОЛОГРИВ. Это у кого же... двое детей?..

МОШКИН. Да у этой твоей... у невесты!

Ошарашенный Кологрив выразился совершенно нецензурно. Мошкин от неожиданности ответил ему тем же. И оба тупо замолчали. Кологрив первым делом подумал, естественно, что пронюхали о его шашнях с Людмилой и, как всегда в таких случаях, редакционное общественное мнение во главе с корреспондентом Еленой встало на защиту нравственности.

Кологрив решил сопротивляться.

КОЛОГРИВ. Насчет детей – враки. В ее возрасте не положено иметь двоих детей. И о свадьбе между нами тоже речи не было.

МОШКИН. Ну, ты даешь! А в каком же возрасте положено?

КОЛОГРИВ. Ну, не в двадцать же лет!

МОШКИН. Ей – двадцать лет? Ни фиги себе! Здорово ты попался!

КОЛОГРИВ. Сколько же, по-твоему?

МОШКИН. Тридцать шесть! Мы в один год в контору пришли.

Кологрив почуял неладное.

КОЛОГРИВ. Ну, вот что. Я, конечно, напозволял себе лишнего с Людмилой, но жениться не собираюсь. А все остальное – сплетни.

МОШКИН. Так ты еще и с Людмилой?.. Бедная твоя Валька! Ну, ты и зверь! Ты что, всю корректуру решил оприходовать?

КОЛОГРИВ. То есть?.. А на ком же вы меня тогда женили?

МОШКИН. На Зое, разумеется! Ты разве не делал ей предложение?

Надо отдать Кологриву должное – через несколько минут он очухался, выставил Мошкина и принялся восстанавливать все события прошедшего времени. Так он добрался до разговора с Ларисой насчет возможных сплетен. Кологрив понесся в корректорскую.

Разгон Ларисе предстоял основательный. Валентина узнала во вчерашних чудесах женский почерк. Башмак, в самый разгар стычки свалившийся с антресолей, укрепил в ней эту мысль. Кологрив был вынужден лезть под потолок за одежкой, а как она туда попала, объяснить, конечно, не смог. Так что было ему за что костерить Ларису, а тут еще сватовство к Зое прибавилось!

Но корректура явила пример величайшей солидарности. Она поднажала и сдала полосы в печать, как раз когда Кологрив разбирался с Мошкиным. И все сразу же смылись.

Одураченный Кологрив с рычанием понесся к своей машине.

Ларисиного адреса он не знал, помнил только перекресток, куда подвозил ее. Здравомысленно рассудив, что ушла она недавно, а троллейбус ходит редко и медленно, Кологрив понесся в погоню.

Он действительно застал Ларису на остановке. Но тут непривычный к приключениям Кологрив сделал непростительную глупость – он прямо из машины ее окликнул.

Увидев его сердитое лицо, Лариса первым делом перепугалась. Видно, здорово ей удалось его разозлить, если понесся следом! Лариса шмыгнула за угол. Там между высотными домами нового микрорайона петляли асфальтовые дорожки, вдоль которых уже выросли достаточно высокие сирень и жасмин. Кологриву пришлось припарковаться и преследовать Ларису пешком. Но он упустил след и понесся наугад.

Скрывшись, Лариса вновь осмелела и сообразила, что удирать, пожалуй, не стоило – Кологрив бы не затеял драку посреди улицы. Но раз уж игра началась – пусть побеждает, ему полезно! Ведь говорила же Ника о грядущем пузе! Опять же, ему надо остыть после запирательства в ванной и прочих неприятностей. Так что беги, красавец Кологрив, и обретай спортивную фигуру!

Лариса и Кологрив время от времени замечали друг друга за высокими кустами, принимались петлять, метались во все стороны, и Лариса раза два обежала собственный дом, не рискуя заскочить в подъезд – Кологрив, чего доброго, по списку жильцов установил бы ее квартиру, а эта информация ему пока ни к чему.

И тут Лариса увидела идущего домой Диму. Неизвестно, где он обрелся до такого позднего часа, но возник вовремя. Конечно, Лариса могла здорово попасть впросак со своей очередной выдумкой, но азарт увлек ее.

ЛАРИСА. Димушечка! Солнышко! Это просто чудо, что мы не разминулись! Я же тебя на остановке встретить хотела! Кто это тебя подвез? (И – свирепым шепотом.) Там тебя эта твоя рыжая караулит!

Видимо, Дима действительно засиделся в лаборатории.

ДИМА. Ах, черт, ее тут не хватало...

ЛАРИСА. Тише ты! Хватайся за меня, пробьемся вместе! Я же твоя...

ДИМА. Понял! Только кто в наше время жену на улице обнимает?

ЛАРИСА. Тот, кто любит, балда! И пакет у меня забери, муженек! Обнимай уверенно, я твоя собственность. Пошли!

Лариса выволокла Диму с боковой дорожки на освещенную центральную и повела навстречу Кологриву. Но Кологрив куда-то исчез. Громко беседуя о семейных делах, Лариса впихнула Диму в подъезд.

ЛАРИСА. Бить тебя некому, система Станиславского! Ты же играл?..

ДИМА. Двенадцать лет назад! Ну, у тебя и локти! Печенку насквозь проткнуть можно!

Дверь подъезда распахнулась, и на Ларису с Димой налетел человек. Он сразу шарахнулся, а Лариса, которой уже каждый столб казался Кологривом, прижалась к Диме, чтобы под его защитой послать к черту взбесившегося начальничка.

СОЙМОНОВ. Все ясно! Я с самого перекрестка за вами шел!

Не знаю, сколько раз среднестатистическому мужчине изменяет его среднестатистическая женщина. Судя по Соймонову, не так уж часто, а по нему любую таблицу проверять можно. Во всяком случае, вел он себя, как семиклассник, впервые столкнувшийся с женским коварством одноклассницы.

СОЙМОНОВ. Можешь не оправдываться! Мне все было понятно уже тогда, когда ты пришла из редакции пьяная! Я вспомнил, когда у Марианны день рождения! Осенью!

ЛАРИСА. Валера! Это же...

СОЙМОНОВ. Можешь не объяснять! Думаешь, я не вижу, что с тобой в последнее время происходит? Прекрасно вижу! И в плаще у ресторана тоже была ты!

Дима, которому надоели вопли среднестатистического жениха, решил взять власть в свои руки. Он мягко отстранил Ларису.

ДИМА. Ты! Фраер! Слушай сюда! Интересуюсь, ты что за птица? Чего? Не слышу! Напряги голосовую связку, фраер!

Видно, Соймонов знал по опыту, что именно такие щуплые деятели, как Дима, бывают особенно задиристы и драчливы. И он позорно отступил – не перед натиском даже, перед одним лишь движением Диминых плеч, ибо нахальный мужичишка с замашками уголовника явно собирался прицепиться всерьез. Пообещав на прощание Ларисе, что она о нем еще пожалеет, Соймонов выскочил из подъезда.

ЛАРИСА. Ну, Димка!..

ДИМА. Система Станиславского! А кто это был? Уж не жених ли?

ЛАРИСА. Он самый...

ДИМА. Что же ты молчала?

ЛАРИСА. Я тоже от системы Станиславского остолбенела.

ДИМА. Вот черт! Как это ты умудрилась нас до сих пор не познакомить? Нелепо.

ЛАРИСА. Что мне, вечером его к тебе в лабораторию возить? Ладно, бог с ним.

ДИМА. Ты получше найдешь. Мы с Аськой на выставку ходили – ну, думаю, куда ж я, дурак, раньше смотрел?..

И Дима взял Ларису за плечи – словно для того, чтобы повернуть к свету и лучше разглядеть.

ЛАРИСА. Димка, я же свой парень! И вообще все это – обман зрения.

ДИМА. А вот сейчас разберемся...

И Лариса почувствовала, что назревает попытка поцелуя. Соблазнение Асиного мужа не входило в ее планы, она увернулась и взбежала по лестнице.

ДИМА. Ну, по домам, значит?

ЛАРИСА. Дай мне Дениску на воскресенье. Меня в каких-то тряпочках будут снимать в зоопарке на фоне бегемотов.

ДИМА. Балуеть ты мне сына.

ЛАРИСА. Не беда, он у вас спартанец.

ДИМА. У спартанца полон шкаф игрушек, и он все наперечет помнит, попробуй выбрось. А тут еще ты с ракетовозом!

ЛАРИСА. Ты только из-за ракетовоза сейчас брюзжишь?

ДИМА. Не только. Я с ним играть начинаю, а он заявляет – с тетей Ларисой интереснее. Тетя Лариса играет в войну, как император Наполеон. Вот выходи замуж, рожай и играй.

Не первый раз Ларисе советовали выйти замуж и родить своего. Но сейчас она уже научилась говорить о прошлом спокойно, будто и не о себе. И то, что она ответила Диме, походило не на холодную истерику, нет – просто пришло ему время узнать правду.

ЛАРИСА. А я уже один раз была замужем и родила сына. Он прожил сутки. Какие-то генетические фокусы... Мне Ася объясняла, но я все равно не понимаю. У меня оказалась очень редкая группа крови, ну, и еще какие-то сложности. Мне нужен такой муж, чтобы именно с этой группой крови, иначе врачи ничего не гарантируют.

ДИМА. Ох, Лариска, прости дурака!.. А этот, скандалист твой?..

ЛАРИСА. Его Ася нашла как раз по принципу биологической совместимости. Она всю картотеку в своей поликлинике перелопатила. И знакомство потом подстроила. Мы с ней сперва так решили – сбить с толку, заполучить от него ребенка и послать его поискать ветра в поле! Я ведь тогда, после всего, страшно хотела ребенка, даже с мужем развелась, чтобы... А потом она говорит – знаешь, а ведь из него неплохой муж получится, не пробросайся! Мы вдвоем с подружкой его соблазняли, а подружку я потом так аккуратно оттерла в сторонку, на трезвую голову это хорошо получается. Так что не сердись насчет Дениски. Моему сыну было бы столько же...

И, поскольку к горлу подступило, Лариса вся подобралась и завершила монолог самым жизнерадостным образом.

ЛАРИСА. Словом, придется мне теперь со своим скандалистом мириться! А все твоя система Станиславского!

ДИМА. Если вся его ценность лишь в группе крови...

ЛАРИСА. Сейчас мне и самой кажется, что только в ней.

Тем и кончился их разговор, потому что у Ларисы намечено на вечер важное дело – писать фельетон о бедствиях фотоклуба. И потолки-то у них текут, и крысы под полом пищат, и никому нет до них дела! Лариса постановила, что добьется ремонта в фотоклубе, и так оно и будет – еще не случилось, чтобы Коломбина отступала перед намеченной целью.

И это будет очередной победой из тех, что обещаны Карнавалом.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. С ЭЛЕМЕНТАМИ ФАНТАСТИКИ

Значит, так. Место действия – парк на берегу реки. Время действия – теплая летняя ночь. Сидят на скамеечке Лариса и совершенно незнакомый ни ей, ни даже мне молодой человек Стасик.

Откуда он взялся? А бог его знает! Говорит, что студент и поэт. Ларису он выследил и признался ей в любви.

Произошло это вечером. Лариса возвращалась со свидания с Никифоровым. Ассистент, человек очень деловой, накормил ее пирожными в кафе и между делом заметил, что до его отъезда в Москву они вполне успели бы подать заявление в местный загс, если Лариса не возражает, Через два месяца они

распишутся и Никифоров увезет Ларису в Москву, а квартирный вопрос и трудоустройство пусть ее не волнуют – все это он берет на себя.

Лариса с перепугу не возражала. Вечер у Никифорова был занят, и он, отвезя Ларису к Нике, исчез. Ника от предложения пришла в восторг и тоже захотела в Москву. Лариса же опомнилась и стала выдвигать веские возражения. Обе Коломбины завелись, Ника назвала Ларису дурой, а Лариса Нику – еще почище.

После этих-то событий и шла домой Лариса, когда ее нагнал высокий молодой человек и сразу представился. Объяснил он также, что уже несколько дней ее ищет. А поскольку Лариса боялась, что после такого вечера ей предстоит бессонная ночь, то и приняла приглашение Стасика прогуляться.

Стало быть, сидят Стасик с Ларисой в парке и говорят про любовь. Разговор банальный – Стасик верит в любовь с первого взгляда, Лариса сомневается. Стасик убеждает, что можно увидеть женщину на экране и быть покоренным ею навеки, а Лариса смеется. Стасик сообщает, что рыцари только так и влюблялись в своих прекрасных дам, Лариса не соглашается. В прекрасной даме главное – душа, говорит она. В прекрасной даме главное – все, спорит Стасик.

И когда начинается игра в рыцаря и даму, когда Стасик опускается на колено и целует Ларисе руку, она уже не возражает ему, а думает: может, так и должно быть – увидел красавицу, отдал ей душу и пошел убивать драконов в ее честь? По количеству драконов можно будет судить о силе любви. Это, в конце концов, даже удобно.

Перебрав в памяти тех, кто был ей близок, Лариса не нашла ни одного убитого дракона. Ну, поспорил из-за нее с родителями муж – и он же смылся, стоило шугануть покрепче. Ну, потратил двадцатку на ресторан Соймонов – в первый и последний раз в жизни. Ну, выдержал домашний скандал Кологрив, если и это считать заслугой... А больше и считать-то было некого.

И стала Лариса допрашивать Стасика, а что он готов ради нее сделать. Стасик ответил, что готов хоть сейчас жениться, на что Лариса резонно возразила – опомнись, это же не сам подвиг, а награда за него! И Стасик в растерянности согласился – да, верно...

Но это было уже не в парке, а дома у Ларисы. Вот чего добился черноглазый мальчик Стасик своим целованием рук.

У Ларисы завтра рабочий день. Она уже не знает, как поделикатнее выставить Стасика. И тут в дверь звонят. Соймонов!

Будь у нее в гостях сосед Дима, Лариса бы не стала его прятать – воспользовалась бы случаем, чтобы прояснить ситуацию. Но незнакомая личность во втором часу ночи? Чтобы не обострять отношений, Лариса воспользовалась древним способом всех Коломбин – сунула Стасика за портьеру, решив выпроводить его, как только Соймонов направится в ванную или в санузел.

Так что Соймонов вошел, сел в кресло и заговорил.

СОЙМОНОВ. Во-первых, прости меня за ту сцену в подъезде. Я сам не понимал, что говорю.

Его прямота Ларисе понравилась.

СОЙМОНОВ. Во-вторых, я на тебя из-за того парня не сержусь.

Лариса настожила.

СОЙМОНОВ. Я сам во всем виноват. Нам следовало бы сразу пожениться. А то прихожу я к тебе трижды в неделю, а в остальное время ты предоставлена самой себе. Пора с этим кончать.

ЛАРИСА. Ты сам назначил срок свадьбы.

СОЙМОНОВ. Я многого не учел. Срок перенесем. И ты уйдешь из редакции. Чтобы никаких вечерних дежурств. У нас в отделе главного энергетика есть место. Я уже говорил. Будешь инженером.

ЛАРИСА. Я ничего не смыслю в энергетике.

СОЙМОНОВ. Это не обязательно. Кроме того, ты прекращаешь свой богемный образ жизни, все рестораны, киносьемки и показы мод. И рожашь ребенка. Хватит, набегалась.

Лариса старалась думать логично, облекая мысли в слова. Так получалось медленнее, но доходчивее. Последней сформулировалась примерно такая мысль: «Года три такой жизни, пожалуй, можно вытерпеть, главное – заставить себя не привыкать...»

СОЙМОНОВ. Вот мои условия. Иначе наш брак весьма проблематичен.

Лариса сбилась с мысли. Внутри началась сумятица. Уже нетерпеливо топала ножкой и сопела от возмущения Колумбина, уже наливался злостью язвительный монолог. Но изо всех сил смиряла ее Лариса, отпихивала, заталкивала поглубже...

СОЙМОНОВ. А то твои похождения у меня знаешь где сидят? На работу иду с ужасом – что еще услышу? «А мы твою Ларису по телевизору видели!» «А мы твою Ларису на показе мод видели!» «А мы твою Ларису в киножурнале видели!» До этой проклятой выставки была женщина как все женщины, никто за ней не гонялся, никто не восхищался. А теперь, видите ли, звезда экрана! С этим пора кончать!

ЛАРИСА. Так что же мне теперь – серной кислотой обливаться?

И глаза ее засверкали-таки колоумбинской дерзостью!

Соймонов собирался сказать что-то умное насчет серной кислоты, но не успел. С грохотом обрушилась штанга, а падающая портьера эффектно задрапировала длинную фигуру. Соймонов от изумления издал то ли квакающий скрип, то ли скрипучее кваканье. Лариса же уселась в кресло и закинула ногу на ногу.

СТАСИК. Да как вы смеете так говорить с женщиной!

СОЙМОНОВ. Лариса! Это что такое?!

ЛАРИСА. По-моему, архангел Гавриил.

СТАСИК. Да вы ей ноги должны целовать за то, что она вообще соглашается выслушивать вашу чушь!

СОЙМОНОВ. Ну, мне все ясно!

СТАСИК. Домостроевец! Вам не жену надо, а домашнего робота!

СОЙМОНОВ. Нет, мне нужно жену, а не манекенщицу!

СТАСИК. А вы, Лариса, как к этому относитесь?

ЛАРИСА. Уже никак.

СТАСИК. Значит, вы позволяете мне выставить его?

ЛАРИСА. Валяйте. А я пойду чай заваривать.

Но пока Стасик выпутывался из портьеры, Соймонов отбыл сам, хлопнув дверью. Лариса вернулась в комнату.

СТАСИК. А у вас изумительная выдержка!

Лариса поглядела в зеркало и увидела неподвижные яркие губы, розовые щеки и блестящие глаза. И она поняла, что в этот миг, простившись с

беспомощной мечтой, неосуществимой без Соймонова, она окончательно и бесповоротно стала Коломбиной.

СТАСИК. Вы что, действительно собирались за него замуж?

ЛАРИСА. А что? Или я не имею права делать глупости?

СТАСИК. Выходите лучше за меня.

ЛАРИСА. А зачем?

СТАСИК. Да хотя бы затем, чтобы слушать прекрасные слова! Я каждое утро буду повторять – какая ты красивая, моя милая женщина, моя предрассветная птица, как светится твое лицо, как синеют твои утренние глаза...

Лариса хотела было напомнить, что глаза у нее зеленые, но вдруг поняла, что это не имеет ровно никакого значения.

СТАСИК. ...и как приятно целовать твои пушистые волосы! Ты будешь просыпаться вся в моих поцелуях, милая и светлая, и ночь будет таять в твоих звездных глазах...

Это тоже не соответствовало истине, но он говорил, говорил, а Лариса слушала, слушала, и ей было так сладко и бездумно, так бездумно и сладко...

Он поднял ее на руки, и это было полетом. Теплый ветер закружил их. Прилетела музыка. И над Ларисой сверкали черные глаза в прорезях черной маски. Она пришла на Карнавал со своим Арлекином. Он склонялся на лету и шептал прекрасные слова. А высоко в ночном небе стояла у мраморных перил повелительница Коломбин и правила своим пестрым суматошным миром.

И вдруг на возникшем среди танцующих пятачке Лариса увидела ребенка.

– Дениска! – чуть было не вскрикнула она. Но пригляделась – и оранжевая пижамка оказалась с другим рисунком, не с Денискиными паровозиками, а с утятами, и вообще это была, кажется, девочка. Девчушка лет трех, не больше, терла кулачками заспанные глаза, испугалась, заплакала, и никто не обратил на нее ни малейшего внимания.

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. А это что еще такое? Как сюда попал ребенок? Детям и старикам у нас не место!

ЛАРИСА. А когда я состарюсь, меня выбросят?

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Сама уйдешь.

ЛАРИСА. Куда?

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Куда-нибудь уж денешься.

ЛАРИСА. А кто еще лишний на Карнавале?

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Пикколины.

ЛАРИСА. Кто?

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Ну, малышки. Пик-ко-ли-ны. Вот, любуйся.

Тем временем цепь танцующих скрыла ребенка. Над толпой взлетела коробка шоколадных конфет, рассыпалась в воздухе, раздался оглушительный хохот, и в небо полетело все – бутылки, веера, перчатки, яблоки, красные башмачки... Особенно старалась миниатюрная маска, тоже в ромбах и в треуголке, хохотавшая громче всех и плясавшая азартнее всех.

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Полюбуйся – она искренне считает себя Коломбиной.

ЛАРИСА А какая разница?

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Разница в том, что для Коломбины весь мир – игрушка, а пикколина – сама игрушка. Хотя и вообразила, будто ей тоже дозволено все. А ее карнавальства на то лишь и хватает, чтобы мыть ноги

шампанским и каждую неделю менять любовников. Вот кто дискредитирует Карнавал и от кого я никак не могу избавиться!

Смешную пикколину тоже унесло фарандолой. Лариса проводила ее взглядом. Что-то в ней вызывало тревогу, во всяком случае, так показалось Ларисе. Где-то она уже встречала такой взгляд, полный восторга и готовности выполнить все, чего потребует Карнавал. И еще одна тревога проснулась внутри – почему-то за Дениску...

Взорвались хлопушки, взлетели петли серпантина и вдруг опали. Ночь вокруг оказалась пустой и гулкой. Не стало музыки. Усыпанная пестрым тряпьем площадь раскинулась далеко во все стороны. И лишь прихрамывающая пикколина, не успевшая исчезнуть вместе с Карнавалом, брела, ничего не видя перед собой.

Лариса поспешила к ней. Эта плясунья, отставшая от фарандолы, была здорово пьяна. Она тщетно пыталась развязать шнурки маски – узел, прихвативший и спутанные волосы, лишь ту же затянулся.

ПИККОЛИНА. Темно... Надо будет дома, перед... зер-ка-лом...

ЛАРИСА. Где ты живешь?

ПИККОЛИНА. Там!

Непонятно откуда возникла улица, встала стена домов со слепыми ночными окнами, появились фонари – словом, образовался привычный городской пейзаж.

ПИККОЛИНА. Что за лапушка этот Арлекин, мужик – во, обалдеть! Проклятые туфли, десять лет их ношу – и ничего, а сегодня натерли ноги! Дура я бестолковая, идиотка ненормальная! Пам-парарам-пам пам парарам – помнишь? Хорошо побесились!

Ее так основательно качнуло, что Лариса еле успела поддержать.

ЛАРИСА. Так где же ты живешь?

ПИККОЛИНА. Пошли. Чаю горячего выпьем Мне холодно.

Ларисе стоило-таки труда доставить бормочущую пикколину по адресу. Два раза она путала подъезды. Но от ночной сырости хмель понемногу стал проходить. И номер квартиры она назвала уже твердым голосом. Ключ лежал на дне сумочки. Искать его в темноте не имело смысла. Лариса позвонила. И им открыла девочка лет девяти

– Мама! – воскликнула она и отступила испуганно в глубь коридора при виде незнакомой женщины. Пикколина же, едва не упав на девочку, принялась обнимать ее и ласкать

ПИККОЛИНА. Ласточка моя! Солнышко мое! Вот кто любит свою мамочку, вот кто ждет свою мамочку...

Лариса стояла в дверях и неотрывно глядела на девочку. Когда дочь пикколины повернулась, ей померещилось... Впрочем, такого быть не могло. И две рыжие косички, завязанные разноцветными ленточками, тоже еще ровно ничего не значили. И все-таки жест девочки – быстрое движение испуганного зверька... Нет, померещилось.

Девочка уверенно обхватила мать и повела ее на кухню. Лариса пошла следом и увидела, как ребенок стягивает с пикколины изрядно побитые красные башмачки. Не успела Лариса опомниться, как уж и чайник стоял на плите, и яичница густела на сковородке. Девочка увлеченно хозяйничала. Пикколина же вновь принялась за узел маски. И Лариса увидела, что из всех карнавальных аксессуаров на ней остались лишь красные бусы и эта самая маска, а прочее непонятно когда преобразилось в старые джинсы и кофтенку какой-то неизвестной фирмы

Лариса встала, чтобы помочь. Девочка, как была, со сковородником в руке, так и загородила мать.

ДЕВОЧКА. Не трогайте маму! И вообще уходите! Мы вас не звали!

ЛАРИСА. Что ты, не бойся, сейчас уйду...

ДЕВОЧКА. И уходите!

ПИККОЛИНА. Не надо кричать, доча, это хорошая тетя. Сейчас чайку все вместе попьем. Тетя не будет меня ругать, не бойся, тетя своя в доску, слышишь?

ДЕВОЧКА Правда? А то мамку всегда все ругают и обзывают.

ПИККОЛИНА. Воспитывают, доча! Все воспитывают, кому не лень. Сами бы так покрутились... А девочка все равно любит свою мамочку, и ну их всех.

Она выругалась Девочка испуганно посмотрела на Ларису, но та не возмутилась, а лишь оглядывала запущенную кухню, убогое подобие порядка, какое только могла поддерживать девочка, и ее застиранную ночную рубашку, и дешевые серьги в ушах матери и дочери.

ДЕВОЧКА. Простите мамку. Она только если очень сердитая, тогда ругается. А вообще она хорошая. Она мне всегда деньги на все дает, и на кино, и на мороженое, и если в школу надо.

ЛАРИСА Ты в каком классе?

ДЕВОЧКА. Во втором. У меня все четверки, только по русскому тройка Мамку на родительском собрании за меня хвалили!

ЛАРИСА Молодец, умница... Ну, я пойду что ли. Не буду мешать.

ДЕВОЧКА Вы, когда мамка выспится, приходите Она умная, с ней всем интересно разговаривать. Я чай сварю и полы помою.

Лариса взглянула на пикколину – та спала прямо в маске, откинувшись на спинку стула. Перед ней стыла на столе яичница. Чашку с чаем она опрокинула, и на пол стекала с клеенки журчащая струйка.

Девочка тоже заметила это, и по ее личику такая мрачная тень пробежала, такой огонек вспыхнул в глазах, что Ларисе стало не по себе. Но, поймав Ларисин взгляд, девочка мгновенно отвернулась, схватила тряпку и стала вытирать лужицу. И непонятно было, отчего охватил ее внезапный стыд – за беспорядок или за то, что мать пренебрегла ее заботой. А может, и за то странное чувство, что отразилось на ее лице.

Все в этом доме почему-то казалось Ларисе знакомым, вот и тряпка в руках девочки тоже, кусок оранжевой фланели с пестрыми пятнышками на манер птичек.

ЛАРИСА. Это у тебя пижамка такая была?

ДЕВОЧКА. Ага.

И грянул внезапный, как всегда, голос повелительницы Коломбин.

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Ты что здесь делаешь? Ты как сюда попала? Здесь тебе не место!

ЛАРИСА. Почему?

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Это – не твое. И не думай об этом, Тебе это не угрожает. А если хочешь помочь – так запомни, что всем пикколинам не поможешь. Пусть дурочки на собственной шкуре поймут, что неудачницам на Карнавале делать нечего. Нечего!

И стали таять стены кухни, силуэты ее обитательниц. Только изумленные глаза девочки сверкали из мрака.

ДЕВОЧКА. Стойте! Я тоже туда хочу! Я никогда не буду неудачницей!

Но ее накрепко отгородила от Ларисы стена музыки.

Напрасно горячие руки Арлекина бродили по невесомому телу. В душе проснулась прежняя тревога – и за Дениску, и за эту сердитую девчонку, и еще за какого-то ребенка, может и вовсе не существующего.

Но Арлекин целовал ее в губы, и это очень походило на счастье – минутное и необыкновенно острое. А завтрашний день виделся нереальным, да и ненужным, пожалуй, как и день вчерашний. Реально же было одно – поэтическое вранье, которое выдавал черноглазый мальчик, и его руки, и его близость.

Но утром, целуя Стасика на прощание, Лариса уже чувствовала себя свободной от сумбура прошедшей ночи.

И опять вспомнился Дениска

Лариса наскоро оделась, захватила в холодильнике гирлянду сосисок и пошла завтракать к Асе. Дениску уже отвели в детский сад. Ася выглядела неважно и завела обычный разговор о женских хворостях, детях и хозяйстве. Лариса старалась не смотреть на ее лицо, которое и сегодня являло собой маску мелочной озабоченности

В двенадцать Лариса собралась домой и даже успела выйти на лестницу, когда Ася окликнула ее. Лариса мгновенно вернулась и изумилась внезапной бледности подруги.

АСЯ. Лариска, вызывай «скорую»! Мне, кажется, приспичило...

ЛАРИСА. Тебе же еще рано!

Но к телефону она подседа и стала набирать номер.

АСЯ. За шкафом стоит Димкина спортивная сумка. В ней все приготовлено... Слушай, сейчас меня, может быть, крепко прихватит, охать буду, а говорить не смогу. Возьмешь у Димки деньги, когда рожу – пойдешь и купишь все, что надо, список у него. В чемодане, Димка тебе покажет, Денискины старые пеленки, перестирай и погладь, я не успела...

ЛАРИСА Чего уж там! Ты, главное, скорее рожай!

АСЯ Моих не забывай. Дениску не перекармливай. Если можешь, постирай Димкины рубашки, у него во вторник симпозиум, так чтобы выглядел прилично. В те дни, когда дежуришь, обязательно звони ему и напоминай, чтобы взял Дениску из садика. А то он у меня человек государственный, с бытовым склерозом. Так что возьми моих под крыло.

ЛАРИСА. Не волнуйся Дениску не брошу. Будет обстиран и накормлен, это я тебе обещаю.

Процедура приема в родильном доме была отработана до минуты. Лариса слова сказать не успела, как Ася исчезла.

И пошла Лариса по городу, вспоминая, как и ее шесть лет назад везли через весь город, как и ей внушали уверенность и надежду. И ясно стало, что тогда, ночью, ей просто передалась тревога за будущего Асиного ребенка. Потом возникла горькая мысль о том, что вот греется она у чужого огня... Потом на душе все же отлегло – из-за причастности к рождению новой жизни. Ну, и так далее

Ноги сами привели Ларису в редакцию. И покатила рабочий день, омраченный, правда, двумя событиями. Во-первых, Ларисе нагрубил Марианна, которая ничего лишнего не позволила себе даже тогда, когда проиграла сражение за Соимонова. Во-вторых, ни с того ни с сего разревелась Людмила. В результате гранки читались из рук вон плохо.

Грубость Ларису не задела и слезы ее не растрогали. Своих забот хватало.

Правда, Кологрив, вызванный с утра в высокие сферы, не мешал работать, и хоть этим беспокойством было меньше.

Поэтому, когда позвонила Эрнестина из вражьей смены и попросила у Ларисы завтрашний день в обмен на послезавтрашний, Лариса сразу согласилась. У нее выпадало два выходных подряд после двух рабочих дней и она получала возможность отдохнуть от своей надоевшей смены, как и смена – от нее.

После звонка в дверь проснулся Реутов.

РЕУТОВ. Не вовремя? Извини.

ЛАРИСА Ты всегда вовремя. Заходи.

РЕУТОВ Лучше ты выйди в коридор.

Лариса вышла и только тут заметила, что у Реутова забинтована голова.

ЛАРИСА. Откуда опять свалился?

РЕУТОВ. Такое только со мной могло случиться.

ЛАРИСА. Ну? Я слушаю.

РЕУТОВ. Ну, ехали с другом на легковушке. На повороте дверца раскрылась, я вылетел. И что интересно, приземлился на ноги. Меня пронесло шагов десять. А там местность гладкая, одно дерево на десять километров. Ну, я об него и затормозил. Лбом.

ЛАРИСА. Везунчик ты, Мишка. Больно?

РЕУТОВ. Оклемался Я вот зачем пришел... Предложение тебе сделать.

ЛАРИСА. Если опять сниматься на крыше под флюгером, то я заранее отказываюсь. Мне еще малость пожить охота.

РЕУТОВ. Другое предложение. Это... руки и сердца.

ЛАРИСА. Ты?

РЕУТОВ. Что, дико? Ну, вот так нелепо вышло. В машинах всех марок кувыркался, на лесном пожаре чуть не сгорел, из вертолета летел, теперь вот тебя встретил Смешно, конечно, я для тебя старик. Что я могу обещать? Что буду любить до смерти? Так ты, пожалуйста, ответишь, что не долго ждать осталось.

ЛАРИСА. Дурак. А действительно, Мишка, было такое стихийное бедствие, которого ты не испробовал?

РЕУТОВ. Не было. В ураган на меня трактор свалился Его вместе с трактористом подхватило, метров тридцать пролетел, а я, дурак, снимал. Кадры вышли – во, зато потом два сломанных ребра врачи обнаружили. Хорошо хоть аппарат уцелел. Да что я тебе чушь горожу? Значит, так. Ты сразу не отказывай. Ты живи себе, как живешь.

ЛАРИСА. Странное, однако, предложение'

РЕУТОВ. Не перебивай старших. Ты постарайся и без меня найти свое счастье. Но мало ли что – жизнь штука пестрая. В общем, ты знай – я жду тебя. И приходи, когда захочешь

ЛАРИСА. И тебе совершенно все равно, после каких подвигов я к тебе приползу?

РЕУТОВ. Это мне знать ни к чему.

ЛАРИСА. А за что ты меня, Мишка, так рыцарски любишь?

РЕУТОВ. Помнишь необитаемый полуостров? Ну вот... За то самое.

Лариса смутилась. Она понимала, что Реутов имеет в виду не ее обнаженную фигуру на мостках, уж настолько-то она знала Реутова. Речь шла о ее лице, которое было таким задумчивым, таким утренным, таким светлым. И ей

стало стыдно – больше у нее этого лица не было. А Реутов пытался обратить разговор в шутку.

РЕУТОВ. Ты учти, Лариска, зарабатываю я неплохо, только не знаю, что дальше с деньгами делать.

ЛАРИСА. Нашел чем соблазнять...

РЕУТОВ. Стало быть, посватался. А если будешь счастлива без меня, то считай меня недействительным.

Лариса давно чувствовала, что он к ней неровно дышит. Пожалуй, это и была та истинная любовь, о которой фантазировал Стасик – самозабвенная, всепоглощающая и жертвенная. Только не знала Лариса, что ей делать с этой любовью. Реутов как-то не вписывался в тот мир, которым повелительница Коломбин норовила окружить ее, хотя и для него там имелась подходящая маска – неудачник Пьеро в белом балахоне, на которого валились все шишки Неудачника полагалось отбросить с дороги каламбуром, оплеухой, какой-нибудь пикантной коломбинской выдумкой

Лариса попробовала приложить к Мишкиному лицу белую маску без бровей, чтобы обрело оно необходимую ей сейчас неподвижность. Но маска не спасала от ясного и чистого взгляда широко распахнутых Мишкиных глаз. Глаза эти смущали, даже злили своей пытливостью, своей неожиданной просветленностью. И Лариса с ужасом поняла, что прекрасные выставочные фотоснимки были не столько ее портретом, сколько, может быть, автопортретом Реутова.

ЛАРИСА. Знаешь что, Мишка? Оставим этот разговор. У меня в голове страшный бедлам. Может быть, я когда-нибудь и приду к тебе.

РЕУТОВ. Спасибо хоть за это.

Пасмурная вернулась Лариса в корректорскую. А там при ее появлении опять оборвался напряженный разговор, и лица коллег окаменели. Лариса не выразила никакого интереса, потому что только чужих проблем ей сегодня и не хватало. Приступили к работе.

Но дежурство не клеилось, и к концу рабочего дня все пошло вразлад. Свежая голова вылавливала ошибку за ошибкой. Позвонил Мошкин и попросил выкинуть из материала абзац с перепутанными фамилиями, а выкидывать было поздно. И тому подобная чушь.

Вернувшийся из высоких сфер Кологрив ринулся в цех разбираться. Так ловко поговорил он с верстальщицами, что абзац бесшумно исчез без всякого вреда для полосы и ошибки растаяли бесследно. Кологрива в цехе любили, считали своим, ибо в начальство вышел из выпускающих, и производство знал отлично.

Потом, поскольку с полосами прокопошились чуть не до полуночи, Кологрив усадил корректуру в машину и развез по домам

Первой доставили Зою с ее авоськой. Второй отвезли Марианну. Она, обменявшись на прощание каким-то диковинным взглядом с Людмилой, молча вылезла из машины, прижимая к груди фолиант. Третьей оказалась Людмила.

Даже прощального взгляда не бросила она на Кологрива, норовившего скорее остаться наедине с Ларисой. А на Ларису посмотрела. Очень не понравился этот взгляд Ларисе, но коломбинская гордость помогла встретить его с невозмутимостью и даже иронией. В конце концов, виновата ли Лариса, что родимая смена ополчилась на нее из-за Соймонова и Кологрива? Пусть Марианна и Людмила сами справляются со своими женскими проблемами, а она не виновата, что больше, чем они, нравятся мужчинам

Лариса сообразила, что Кологрив уже не злобствует, иначе отказалась бы от машины. И вот они остались одни. На случай упреков и начальственного тона Лариса уже заготовила отличный ход. Тут же, в машине, и было бы вручено ему заявление «по собственному», а потом он бы еще и отвез Ларису в гостиницу к Никифорову. Ибо только так поступают настоящие Коломбины.

Но, видно, проснулся разум в Кологриве. Мягко и беззлобно заговорил он с Ларисой, став на несколько минут прежним Олежкой-Гривастиком, выпускающим в многотиражке, поменявшим восемьдесят восемь профессий балбесом, еще влюбленным в собственную жену, еще способным раздаривать всем редакционным женщинам цветы.

КОЛОГРИВ. Ну, Крыска... Обломала ты меня. Весь день о тебе думаю.

ЛАРИСА Я недостойна такой чести.

КОЛОГРИВ. Перестань, дурашка. Я совещание из-за тебя мимо уха пустил. Как я за тобой ночью гонялся? Этот мальчик следил за тобой у Крепостных ворот, что ли? Потом смотрю – твой жених мимо проносится. Тут уж я решил, что и без меня народу много

ЛАРИСА. Правильно сделал. Ты можешь ехать чуть побыстрее?

КОЛОГРИВ. Нормальная скорость. Тридцать километров в час.

ЛАРИСА. Нормальная для катафалка.

КОЛОГРИВ. Ну, прости ты меня, дурака! Я же все понял!

ЛАРИСА. Ну, и что же ты понял?

КОЛОГРИВ А то, что главное не знал – какая ты на самом деле гордая. В жизнь свою ни одной по-настоящему гордой женщины не видел, все шли по первому свисту.

ЛАРИСА. Да с чего быть гордым старому боевому коню? Опомнись!

КОЛОГРИВ. Вот теперь я все до конца понял! Я очень обидел тебя тогда, Крыска?

ЛАРИСА. Нет. Все было правильно и вовремя. Иначе бы мы оба не поумнели.

КОЛОГРИВ. Я тоже так считаю. Ну, мы почти приехали, а теперь слушай. Мы с Валентиной разводимся. Не из-за тебя, это давно назревало. Скандал, который ты нам подарила, был последним семейным скандалом.

ЛАРИСА. Ну, тогда с тебя причитается.

КОЛОГРИВ. Ладно. Так вот, я все это время думал о тебе. Мы не первый день знакомы. И сейчас, после скандала, до меня дошло, какая ты изумительная женщина. Темперамент у тебя – что надо!

ЛАРИСА. Это что, предложение?

КОЛОГРИВ. Совершенно верно

Возникла пауза, которую Кологрив неправильно истолковал. Он решил, что Лариса не верит ему.

КОЛОГРИВ Честное слово, Лариска! Ведь и я еще ни за кем так ночью не гонялся!..

ЛАРИСА. Чтобы дать по шее! Уж будем честными до конца. Приехали. Обещаю вам, Олег Дмитриевич, что ваше деловое предложение будет рассмотрено в порядке общей очереди.

КОЛОГРИВ. То есть как?..

ЛАРИСА. А так, что за последние два дня это – четвертое. И ожидаются еще. Спокойной ночи!

И она нырнула в подъезд

Темная фигура, торчащая у ее дверей, загородила дорогу.

ФИГУРА. Прости меня! Видишь, я пришел!

Лариса отодвинула Соймонова рукой.

СОЙМОНОВ. Я привык думать, что мы будем вместе... и люблю тебя...

ЛАРИСА. А паранджу принес?

СОЙМОНОВ. Че-го?

ЛАРИСА. Ну, чадру.

СОЙМОНОВ. Зачем тебе чадра?

ЛАРИСА. Чтобы по улицам ходить. Ну, пусть.

СОЙМОНОВ. Но было же у нас все хорошо до этой чертовой выставки.

ЛАРИСА. Ничего у нас хорошего не было... старый ты боевой конь!

И дверь перед носом Соймонова захлопнулась. Он несколько раз позвонил, но безрезультатно, и ушел. Потом опять раздался звонок. Скорее всего, это был полуночник Стасик. Лариса подошла к дверям, но вдруг почувствовала, что и Стасик ей не нужен. Она затаилась, как мышка, и Стасик тоже ушел.

Лариса вернулась в комнату и увидела, что на ее тахте сидит, листая модный журнал, повелительница Коломбин.

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Приятный фасон, тебе пойдет, только юбку сделай покороче.

ЛАРИСА. Да, это мысль...

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Ну, говори! Почему это ты вдруг затосковала? Это недопустимо для Коломбины. Слишком много размышлять вредно. Пусть размышляют те, кому иного не дано.

ЛАРИСА. Да нет, не в этом дело.

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. А в чем же? Почему ты всех разогнала? Ну, жениха – понимаю. А прелестного черноглазого Арлекина?

ЛАРИСА. Не знаю. Никого не хочу видеть.

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. И вместо того, чтобы наслаждаться жизнью и торжествовать победу своей женственности, ты сидишь одна дома, как никому не нужная старая уродина.

ЛАРИСА. Я хочу побыть одна и попробовать разобраться... Со мной что-то не так. Я за последние недели утратила что-то важное.

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Интересно! Раньше на Карнавале только приобретали. И вот нашлась одна, которая утратила. И что же? Зжатость серенькой Крыски? Комплексы плохо одетой женщины? Способность впасть в столбняк при виде избранника? Есть что оплакивать!

ЛАРИСА. Я перестала воспринимать этого избранника по-человечески! Я вижу неподвижную рожу с каким-то жестяным выражением, и ничего больше не могу разглядеть! Я одна среди жестяных рож, вот что!

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Это удобно, глупая. Видишь маску, и сразу знаешь о ней все, что тебе нужно. Кологрив – бывший Арлекин, Стасик – сегодняшний Арлекин, Соймонов – Панталоне, Никифоров – Матамор, и так далее.

ЛАРИСА. Действительно, удобно. И маски безразмерные, со всевозможными допусками. Только я хотела бы для разнообразия увидеть хоть одно живое лицо!

Вместо ответа ей протянули зеркало. И Лариса увидела в нем бархатную мордочку сиамского кота.

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Вот так. И предъявить носителю живого лица тебе нечего. А если хочешь покинуть Карнавал, то учти – из твоей жизни уйдет все то, что он тебе дал. Уж если уходишь – так вся целиком. А серединка

на половинку – этого не допускаю. Учти, Коломбине дозволено все, а Неколомбине этих благ не полагается. А жаль, ты неплохо начинала...

ЛАРИСА. Слишком много соблазнов у этого проклятого Карнавала. Этак я еще подумаю-подумаю и мне действительно станет удобнее и лучше с масками, чем с живыми людьми. Не могу решительно сказать – нет! Ну, не могу...

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Так что же тебе наконец нужно?

ЛАРИСА. Какой-то удар, какой то резкий рывок, чтобы меня выдернуло из Карнавала, чтобы Карнавал сразу стал для меня невозможен...

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Да, я понимаю. Многие с перепугу просят сперва рывка и удара, а потом – ничего, привыкают Ладно, будет рывок, будет удар. И посмотрим, как ты запоешь... Это я тебе твердо обещаю.

Коломбина поднялась и, помахивая веером, вышла из комнаты. Лариса кинулась за ней следом – и нигде не нашла Дверь же на лестницу оказалась закрыта. И оставалось одно – поскорее лечь спать. Потому что завтра непредвиденный рабочий день

Вражья смена приняла ее с распростертыми объятиями. Правда, на обращение «Послушай, подруга», Лариса услышала: «Тамбовский волк тебе подруга!», а также порадовали ее репликой «Не тяни резину за хвост», из чего Лариса поняла, что вражья смена переживает очередное лингвистическое завихрение – пословицетворчество.

И вот сидит Лариса в паре с Риммой и читает свой собственный материал о бедствиях обувного комбината, не сумевшего обеспечить манекенщиц достойной обувью местного производства для пресловутого московского показа.

РИММА. ...но они продолжают выпускать эту устаревшую модель с усердием, достойным лучшего применения...

Лариса прилежно вела карандашом по строкам оригинала, не вдумываясь в их смысл. Это в ее задачу сейчас не входило. Однако она споткнулась об употребленный ею же древний оборот. Усердие, достойное лучшего применения – деликатно, ничего не скажешь. Вроде и похвалили за огромный запас усердия, а потом – шпилька. Но, если вдуматься, самой себе подпустила эту шпильку Лариса. Чего она только не натворила за последние месяцы! Усердия – прорва! Готовности к активным действиям – навалом! А применить всю себя, без остатка, не к чему. Кологрив вычеркнут, Соймонов выгнан, Никифоров сто лет не нужен... К очередной операции «Каблук», что ли?

Лариса крепко зазевалась, и Римма ругнула ее – она уже вторую гранку шпарит, а Лариса все еще в первый оригинал таращится. Лариса сказала, что она тревожится за Асю, и тут же пошла звонить в родильный дом.

Вся корректура собралась по такому случаю у телефона. Пол, вес и рост младенца – сведения, ни одну женщину не оставляющие равнодушной. Лариса набрала номер и справилась о судьбе роженицы Челноковой.

Вражья смена уж собиралась выдохнуть радостное «Ну?», но лицо Ларисы так внезапно изменилось, что Римма схватила ее за руки.

ЛАРИСА. Это ошибка. Вы с кем-то перепутали! Проверьте, уточните, я очень вас прошу... Да?.. Нет! Этого не может быть!..

И она положила трубку.

РИММА. Лариска, что случилось?

ЛАРИСА. Ребенок жив. Девочка. А Аська... А Аськи...

РЕГИНА. Валерьянки дайте!..

В корректорскую вбегали люди, тащили нашатырный спирт и стаканы с водой, открывали окно и бесполезно толклись вокруг рыдающей Ларисы. Такое с ней творилось впервые в жизни.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. РЕШАЮЩАЯ

Грешно заставлять человека в таком состоянии читать гранки. Срочно вызвали на работу Людмилу, а Ларису отпустили. Она как раз успела в садик за Дениской, правильно рассудив, что Дима уже все знает и, видимо, не в состоянии...

Дома его не было. Лариса покормила и уложила Дениску. Руки требовали работы, чтобы хоть как-то успокоиться. Лариса взялась за стирку Денискиных и Диминых рубашек.

Возле двери кто-то завоzilся, не в состоянии ее открыть. Лариса вышла в прихожую и отворила.

ДИМА. А, это ты... Ты все знаешь?

ЛАРИСА. Да, знаю. Дениску я уложила. Тебя покормить?

ДИМА. Дай чего-нибудь... какого-нибудь транквилизатора...

ЛАРИСА. Чего?

ДИМА. Транквилизатора! Этого, как его... Не видишь, у меня руки дрожат!..

Тут у него и голос дрогнул. Уткнувшись лицом в Асин плащ на вешалке, Дима заплакал. Заплакала и Лариса, прислонившись к его плечу. Но у нее первый приступ отчаяния уже миновал – днем. Слезы облегчили душу, но на смену своему горю свалилось горе человека, который столько лет любил Асю – хоть и бестолково, хоть и с примесью банального мужского вранья и служебных романчиков. И ей сейчас надо быть сильнее него, чтобы ему было где найти поддержку. Поэтому Лариса первая утерла заплаканное лицо.

Следующие два дня прошли как в дурном сне. Откуда-то возникли Димины и Асины родственники. И каждая новая партия родственников хватала Диму в объятия, выражала соболезнования и как могла, утешала. Впрочем, когда родственники затеяли совет, чтобы решить судьбу этого семейства, Дима воспротивился с такой неожиданной яростью, что его с перепугу оставили в покое.

А Лариса с Дениской обитали в окрестных парках – чтобы не видел ребенок этих скорбных и заплаканных лиц. Так Дима велел. И на похороны не допустил.

Потом уже, несколько дней спустя, отведя Дениску утром в садик, Лариса поехала одна на кладбище с цветами – совета у Аси просить. Но из этого ничего не вышло. Пришлось пораскинуть мозгами самой.

Маленькая Ася могла прожить год-полтора в Доме малютки, это Лариса уже выяснила. Но, как и всякая женщина, ощутила она подспудное недоверие к тем рукам, которые будут пеленать малышку – все-таки не материнские. А Дима был совершенно не приспособлен к ведению хозяйства, и оставлять на него Дениску было попросту опасно. Требовались женские руки.

И Лариса вспомнила о рыжей незнакомке. Она ведь так рвалась в жены, и перечисляла свои хозяйственные таланты, и преклонялась перед Димиными научными деяниями! Видимо, в ближайшие дни следовало ждать ее

инициативы. А пока Лариса вела все челноковское хозяйство, прибегая к себе только на ночь. И длилась эта запарка до поездки в Москву.

Цепная реакция карнавальной удачи продолжалась – Лариса завела в Москве множество знакомств. И Никифоров принесся в гостиницу с тортом, чтобы напомнить о своем предложении. И Кологрив дозвонился, чтобы перед днем показа пожелать удачи. И показ прошел отлично. Но недолго ее это радовало. Выполнив в Москве все задуманное, она немедленно помчалась домой.

На подступах к дому ее встретил Дениска.

ДЕНИСКА. Те-тя-Ла-ри-са ааа!

ЛАРИСА. Здравствуйте, Денис Дмитриевич!

ДЕНИСКА. А что ты мне привезла?

ЛАРИСА. Новые штаны тебе привезла.

ДЕНИСКА. У-у...

ЛАРИСА. А скажи-ка ты, Денис Дмитриевич, не приходила ли к вам с папой в гости рыжая тетя?

ДЕНИСКА. Нет, к нам никакая тетя не приходила. А почему ты так долго не приезжала? Я тебя ждал, ждал!

ЛАРИСА. Играть, что ли, не с кем было? А Эдик? А Костик?

ДЕНИСКА. Ты больше не уезжай, ладно?

Тут появился Дима, подхватил Ларисин чемодан и потащил его по привычке к себе домой. Лариса с Дениской пошли следом.

У Челноковых творилось невообразимое. Лариса сбегала к себе переодеться и вернулась отдраивать подгоревшие кастрюли. Дима кинулся было помогать, но был с позором выставлен из кухни. Лариса же, скребя по сковородке металлической щеткой, все яснее понимала, что пора отыскивать рыжую незнакомку. Ибо ее обитание в челноковской квартире уж больно затянулось.

Если бы не Дениска, давно бы она сделала Диме ручкой. Но Дениска умнел на глазах. Он осваивал грамоту и хватался за всякий печатный текст. С ним, пожалуй, становилось интереснее беседовать, чем с красавцем Кологривом. От Кологрива Лариса в последнее время ничего, кроме комплиментов, не слышала, а от Дениски каждый день узнавала много нового и неожиданного.

И вот в один прекрасный день в челноковскую квартиру позвонили. Лариса открыла и попятилась – она увидела Элину Мансурову со здоровенным свертком в руках – где-то метр на семьдесят сантиметров, не меньше. За ее спиной стояла Ника.

ЭЛИНА. Добрый день. Вот, подарок привезла. Мне эта штука уже не понадобится.

Она размотала бечевку, и Лариса увидела огромный старомодный конверт для младенца из бледно-розового атласа, в кружевах и бантах.

ЛАРИСА. Откуда вы взяли такую прелесть?..

ЭЛИНА. Когда-то очень давно мне его подарили.

Лариса посмотрела на ее ухоженное лицо, безупречно гладкое под слоем косметики, пытаясь понять, действительно ли ей до такой степени безразлично ее сложное прошлое, или это вышколенность Коломбины? Но лицо было неподвижно.

НИКА. Так что владей на здоровье!

ЭЛИНА. Если нужно будет, и деньгами помогу. У меня хватает. И к свадьбе подарок припасу.

Лариса попыталась убедить Элину в своем товарищеском отношении к семейству Челноковых и в нерушимости своих грандиозных планов. Ника с усмешкой наблюдала.

ЭЛИНА. Но если есть такая возможность... такой выход из положения?

НИКА. Это уж скорее вход в положение, и дурацкое притом!

ЭЛИНА. А всю жизнь отдать чужим прическам – не дурацкое положение?

НИКА. У Ларисы все идет прекрасно, и не от чего ей бежать к домашнему очагу.

ЭЛИНА. Лариса! Тебе действительно не от чего бежать?

И под персиково-розовой маской Лариса наконец-то увидела глаза! Вопрос бил по больному месту, отвечать было нечего... Или же выкрикнуть коротко: «От Карнавала!» Но это почему-то показалось Ларисе невозможным.

НИКА. Элина! Ты выбирала сама. Без принуждения. Пусть и она выбирает сама. А твоя роль сыграна. Ты участвовала в создании новой Коломбины. Теперь твое время истекло.

ЭЛИНА. Да, мое время истекло! Я убегала от собственной пустоты и к ней же я вернулась. Лариса! Ты же знаешь – это маленький такой кусочек пустоты, вроде сморщенного воздушного шарика! Ты же чувствуешь его! Ты же тоже хотела от него спастись!..

НИКА. Хватит! Довольно!

И Элина как-то сникла, что-то объявила светским тоном насчет дефицита времени и исчезла, словно растаяла, даже не скрипнув дверью. Лариса вопросительно посмотрела на Нику.

НИКА. Теперь ты видишь, к чему это клонится?

ЛАРИСА. Да, все дела заброшены, к всесоюзному конкурсу не готовлюсь и так далее. Что ты предлагаешь?

НИКА. Немедленно найти ту, рыжую.

ЛАРИСА. Что-то боюсь я доверять ей Дениску и малышку.

НИКА. А придется. И без лишних сантиментов. Ну, так когда мы едем на поиски?

ЛАРИСА. Завтра.

Дима не раз рассказывал о своем НИИ, так что она приблизительно представляла, где искать рыжую незнакомку. Не знала только одного – как ее зовут. Поэтому к концу рабочего дня Лариса с Никой просто засели в вестибюле и, благополучно спрятавшись за стенд от Димы, вышли прямо навстречу его рыжей подруге.

Незнакомка, увидев Ларису, присела и завизжала. И упрекать ее за это нельзя – не каждый день в вестибюле солидного НИИ появляются привидения.

Лариса и Ника подхватили ее под руки, вытащили на свежий воздух и кое-как растолковали ситуацию.

Разговор повела Ника. Она вкратце обрисовала положение в челноковской семье и напомнила незнакомке ее визит, а также имевшую место беременность. Лариса слушала и... ревновала. Она не представляла себе, что Дениска привяжется к рыжей больше, чем к ней.

НЕЗНАКОМКА. Нет. Мне это ни к чему.

НИКА. Разве вы не любите его?

НЕЗНАКОМКА. Да за что его любить? Такой же кобель, как другие.

ЛАРИСА. Так чего же вы с ним?..

НЕЗНАКОМКА. Плохо рассчитала. Думала, уйдет от жены, будем жить как люди, он непьющий, некурящий, с ним поговорить интересно. Бог с ними, с

алиментами. Ребенка здорового рожу... А этих двоих сажать себе на шею – спасибо!

ЛАРИСА. Что-то я не понимаю...

НЕЗНАКОМКА. А чего тут понимать! Я, когда к вам унижаться ходила, все высмотрела, как живете, ребенок какой. Почему мне всего этого нельзя? Вы-то чистенькими росли, вижу! А если приводят к тебе пьяного мужика и говорят: «Доча, это твой папка» – такое видела? А через месяц – другой папка. Материнские бывшие подружки по редакции заглядывают иногда – стыд, они нарядные, довольные, их мужья любят! А неудачницу пожалеть – одно удовольствие!

ЛАРИСА. Пойдите! Кто ваша мать?

НЕЗНАКОМКА. А это вас совершенно не касается. Нет матери. Она – сама по себе, я – сама по себе. И неудачницей не буду.

НИКА. Пойдем, Лариса. Не заводись.

НЕЗНАКОМКА. Вы так и передайте Челнокову – пусть не рассчитывает, другую пусть ищет домработницу

ЛАРИСА. Но ведь вы ждали ребенка от него!

НЕЗНАКОМКА. Ждала – и не жду. Чего безотцовщину плодить, сама безотцовщина! Кто меня с ребенком возьмет? Задохлик разве какой-нибудь с окладом сто двадцать.

НИКА. Пойдем. С ней все ясно. Незачем навязывать Челнокову эту вульгарную особу. Пусть ее ищет свою удачу. Вот из-за таких-то искательниц мужчины забывают цену настоящей женщине.

И она увела возмущенную Ларису от рыжей незнакомки.

День получился нелепый – из-за похода в НИИ Лариса не смогла встретиться с Реутовым, а беседа с незнакомкой так ее разозлила, что всех, звонивших в этот вечер по телефону, она послала поискать ветра в поле. Досталось и Дениске. А Дима появился только в двенадцатом часу.

ДИМА. Ты не поверишь – я весь вечер слонялся черт знает где... Оказывался в самых неожиданных местах.

ЛАРИСА. Поверю. Ты какой-то взъерошенный

Он стоял в прихожей, не раздеваясь, и вид у него был такой, как если бы он собирался опять в незнакомые переулки.

ЛАРИСА. Куртку-то сними. Покормить тебя?

ДИМА. Покорми. Как Дениска?

ЛАРИСА. Нормально,

Ужинали молча. Но хотя мысли их были об одном и том же, это были совершенно разные мысли. Дима размышлял о судьбе Аси-маленькой, но она для него была существом полуфантастическим, ни разу не виданным, как бы еще не родившимся. А Лариса давно привыкла к ней, поскольку привыкала вместе с Асей-старшей, и ребенок был для нее не менее конкретен, чем Дениска.

Конечно, Лариса прекрасно видела, что ее заботы о себе и сыне Дима принимает, как должное, и будь на ее месте другая энтузиастка, принимал бы точно так же. Вся беда в том, что другой не предвиделось. А Дениска и Ася-маленькая существовали независимо от взрослых проблем и требовали любви.

И у Ларисы хватило ума понять Димино отношение к происходящему, к детям, к себе самой. И у нее хватило силы душевной в последнюю секунду, уже приняв решение, усмехнуться – ох уж эти современные мужчины, все за них приходится делать самой...

ЛАРИСА. Ладно. Я, кажется, нашла выход из положения.

ДИМА. Мне тоже так кажется. Если мы говорим об одном и том же...

ЛАРИСА. А о чем же еще? Значит, попробуем?

ДИМА. Это верно – попробуем. Прости, пожалуйста, я сейчас не могу говорить обо всем этом. Я знаю, что мужчина должен сказать об этом первый. Я просто сейчас не могу.

Тут Ларису поразила неожиданная мысль. Если Дима не возражает против ее решения стать его женой, то близость с ним рано или поздно неминуема. Это стало для нее доподлинным сюрпризом.

ЛАРИСА. И не надо. Не такие мы с тобой идиоты, чтобы непременно все говорить словами. Я пойду. Спокойной ночи.

И она ушла к себе наверх. На этот раз она не удивилась, обнаружив в гостях повелительницу Коломбин.

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Ну что, хороший был рывок? Ты просила – я устроила.

ЛАРИСА. То есть как?

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Поскольку Коломбине дозволено все, то мы иногда развлекаемся игрой с жизнью и смертью. Не все, конечно, а только избранные. Считай все последние события игрой. Тебе прокрутили ленту с ситуацией. Ты жила в фантазмагории, если угодно, а параллельно шла жизнь. Хочешь ли ты еще расколумбиниться?

ЛАРИСА. Выходит, это все можно переиграть?

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Ну конечно! Или ты отказываешься от Карнавала – и остаешься с Димой и детьми, и я к тебе больше претензий не имею, или ты останешься на Карнавале, а к Диме и детям возвращается Ася.

ЛАРИСА. Она жива?!

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Это зависит от тебя. Считай, что она ждет конца всей этой затеи в каком-то ином измерении. Ну?

ЛАРИСА. И за гранью этого измерения – ее настоящая смерть?

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Да.

ЛАРИСА. Так пусть она вернется! Немедленно! Сейчас же!

В эту минуту зазвонил телефон. Лариса сняла трубку.

ДИМА. Лариска, это я! Аська только что звонила! Порядок! Ложная тревога! Их зря столько продержали в изоляторе! На следующей неделе я их забираю! Привет тебе огромный!..

Лариса положила продолжавшую восклицать трубку.

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Значит, все-таки – Карнавал?

ЛАРИСА. Но не могла же я ценой смерти?..

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Могла. Но не захотела. Побоялась, как я и рассчитала. Стало быть, порядок. Сильное потрясение и резкий рывок ты испытала. Расколумбиниваться ты не стала. Значит, Карнавал продолжается!

Но пестрая чертовка все же чего-то недорассчитала.

ЛАРИСА. Хватит с меня проклятых масок!

Она молниеносно содрала с повелительницы Коломбин левой рукой – маску, а правой – треуголку. Узел темно-каштановых волос, высоко подколотых, рассыпался по плечам и пестрым ромбам, а Лариса отступила от неожиданности, узнав Нику.

НИКА. Довольна? Хороший сюрприз? Только не кляни и не упрекай, пожалуйста, ни в чем не повинную Веронику Анатольевну.

ЛАРИСА. Почему это вдруг Анатольевну?

НИКА. А ее так ученики зовут. Она после консерватории работает концертмейстером и преподавателем в трех клубах сразу, чтобы прокормить мужа-инженера, двоих детей и сварливую свекровь. А волосы она остригла, не до них, сделала банальную укладку. Времени за собой последить нет – вся в морщинах. Нужна она тебе такая? Фиг! Ты, когда припекло, не к домашней женщине за помощью побежала, а к той сумасбродной и беспутной Нике, которая не станет задавать дурацкие вопросы и читать не менее дурацкую мораль, а просто возьмет и поможет. В данном случае – мужика для тебя соблазнит. Ты звала на помощь маску – стало быть, ты нуждалась именно в маске. Так-то. И ты убедилась в карнавальной солидарности.

Ника, говоря, медленно сворачивала волосы, уложила их на затылке, и они прилипли без единой шпильки. Тогда она надела маску, и та тоже пристала без всяких шнурков. И наконец была надвинута на бровь треуголка с шариками.

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Представляю, как ты будешь завидовать Нике через пять лет. Не пугайся, никакого семейного ада в ее жизни нет и не было. А будет вот что – месяца этак через два в «Асторию» забредет известный композитор. Ника понравится ему. Он поймет, что достаточно месяца работы с хорошим режиссером и ее вульгарность как рукой снимет, а эксцентричность заиграет бриллиантом. И ты будешь видеть Нику разве что на телеэкране – звезду современной эстрады. Конечно, в том случае, если покинешь Карнавал. А если нет – может быть, именно ты, истекая потом под сантиметровым слоем тона и пудры, спросишь у нее перед телекамерой:

– Расскажите нашим телезрителям, уважаемая певица, как вы нашли себя? Как вы стали такой?

– Я была другой, – ответит Ника, – весьма скромной и традиционной. Но где же были тогда вы все со своими аплодисментами?

И вы обменяетесь победным взглядом Коломбин.

ЛАРИСА. У Ники есть талант. А у меня его нет. Я не умею отдаваться творчеству.

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Если все дело только в этом, то и торчание перед фотообъективом – тоже творчество. Только твое орудие производства – не голос, а лицо. Подумай – ты будешь равной среди тысячи столичных Коломбин, ну? В этом городе нет для тебя достойного Карнавала, но где-то же есть?

ЛАРИСА. Почему ты так уверена, что я жить не смогу без Карнавала?

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Так, как жила раньше, – на сто рублей в месяц плюс случайный гонорар? Знаешь, я как-то прикинула: из этой сотни пятнадцать ты платишь за квартиру, пятерка уходит на транспорт, десятка – подоходный налог, тридцатка – каждый день пообедать, столько же – продовольственные закупки, картошка и прочее, пятерка – хозяйственные нужды и косметика, пятерка – на прачечную и ремонт обуви... Что получается? Сто. А на кино, театр, книги, визиты, случайные расходы, а также на тряпки, дорогая? Сколько ты будешь копить на зимнее пальто? А на сапоги? И это – при условии, что тебе хватает постельного белья, мебели и квартира не нуждается в ремонте. А теперь скажи – когда у тебя в последние недели уходило на обед меньше двух рублей? И сколько стоит косметика, которую ты купила за последнее время? Тебя и силой не заставишь теперь краситься тушью за сорок копеек! «Луи-Филипп», и точка. Так что подумай хорошенько, прежде чем бежать с Карнавала.

ЛАРИСА. Так вот, оказывается, сколько стоит моя бессмертная душа? Дайте мне триста в месяц – и я перескакиваю грань, за которой кончается душа и начинается Коломбина? Одно только не понимаю – почему из благого намерения получился такой кавардак... Я же не собиралась покорять вселенную!

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Да потому, что в тебе с самого начала сидела Коломбина. Не ты ли надела на своих коллег маски – первая, без всякого Карнавала, а просто из соображений душевного комфорта. Напомнить? Авоська, Косметичка и Фолиант! Не ты ли первая пренебрегла их проблемами, как мелкими и незначительными? А Косметичка, между прочим, беременна от Кологрива.

ЛАРИСА. Вот уж тут я решительно ни при чем!

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Ты так считаешь? А из-за кого же они перестали разговаривать? Только Кологрив мог бы уговорить ее избавиться от этой напасти. А теперь он так и не узнает, что она твердо решила рожать. Скоро Косметичка уйдет из редакции – ей предложат место в яслях, и она согласится, чтобы устроить потом туда ребенка. Свою рыженькую дочку.

ЛАРИСА. Погоди, погоди!..

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Поздно. Колесо завертелось. Цепочка неприкаемых женских судеб завязалась – и не без твоей помощи. А у Фолианта, между прочим, увлечение Соймоновым было искренним. И каково ей теперь, когда скоро двадцать семь, а личной жизни нет и не предвидится? Ведь Фолиант еще и не попробовала, что это такое!

ЛАРИСА. Значит, я – единственная причина всех этих неприятностей?

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Опомнись, милая! Какие неприятности могут быть у окружающих нас масок? Просто одни маски исчезнут, другие возникнут – только и всего. Да не пытайся ты им соперничать! Очень им это нужно! Раз уж они позволили надеть на себя маски, значит, и обращайся с ними соответственно. Ведь зачем и почему спрятался твой Кологрив под маску экс-Арлекина, со всей доступной ему вальяжностью и обаянием? А с перепугу – ведь если к нему всерьез отнесутся, вроде бедной Косметички, хлопот не оберешься. И зачем твоему Соймонову среднеэlegantный стиль? А чтобы не торчать из общей массы, а то еще заметит кто, не одобрит, сплетни пойдут!

ЛАРИСА. Ага! Значит, вокруг меня и раньше был Карнавал? Но как же тогда быть с одним человеком? Я пробовала прилепить и к нему маску. Дудки! Он и раньше и теперь – сам по себе!

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. И ты надеешься, что его любовь спасет тебя? Наивно. Он уже сыграл свою роль в твоей судьбе. Ведь той женщины, которую он вывел на большую арену, уже нет, и ты сама знаешь это. Так что одна дорога остается тебе – на Карнавал. Ну, пой!

*О Карнавал, лукавый гений,
перед тобой склонив колени,
молю – с собой меня возьми!
Мне надоело жить с людьми –
так пусть вокруг...*

ЛАРИСА. Нет!

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Наотрез?

ЛАРИСА. Да!

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. В зеркало посмотри! Ну! Какой великолепный черный бархат ты там увидишь!

Лариса прикоснулась пальцем к щеке – и действительно ощутила шелковистый ворс. Тогда она, не дослушав издевательств пестрой чертовки, выбежала из комнаты, из прихожей и буквально скатилась с лестницы. Песня неслась следом в ритме перестука острых каблучков повелительницы Коломбин:

*Мне страшно боли и смятений
и неприятных ощущений,
с меня довольно скудных благ!
Пусть теперь мой каждый шаг
звенит ступеньками престижных развлечений!*

Из-за деревьев сквера выступили сто Арлекинов, сто грациозных сиамских котов с прелестными хищными мордочками.

АРЛЕКИНЫ. Страш-ш-шно? Страш-ш-но? Боишь-шься? Чуш-ш-шь! Не за душ-ш-у бойся – за комфор-р-рт! Комфор-рт, фр-р!

ЛАРИСА. Брысь! Но как же это было? Почему я оказалась в маске? От кого спасалась? Брысь, я говорю! Ведь был же во мне какой-то страх, который кончился лишь под маской! О господи, я все забыла!

Далекий смех тысяч коломбинских голосов был ответом на ее крик.

Она бежала все медленнее, и черноглазый Арлекин, внезапно возникнув рядом и удержав за талию, шепнул коварно:

– Коломбине дозволено все!

ЛАРИСА. Кроме любви!

И вдруг ей показалось, что из обступающей ее пестрой и пляшущей толпы спешит ей навстречу такая же одинокая, как и она, смешная белая фигура с длиннейшими рукавами. В странную эту фигуру кидали всякой карнавальной дребеденью, а она даже отбиться толком не могла. Но лишь у нее на лице – Лариса издали поняла это – не было маски!

Лариса рванулась навстречу, но споткнулась о лежащего человека. Одна из обезумевших плясуний не выдержала гонки. Тарантелла петлей обогнула ее, чтобы никто так же не споткнулся. Лариса отступила – исплясавшееся тело в драгоценных парчовых ромбах было уже холодным. И ей показалось, что сквозь тающую на лице маску проступают черты ухоженного лица Эвелины.

Но даже секунды, чтоб склониться над ней, не оставалось у Ларисы. Тарантелла так стремительно завертелась вокруг, что этот пестрый дикий клубок мог и задушить запросто. А тот, кто пытался его разорвать, пробиваясь к Ларисе, был невообразимо далеко. Лариса отшвырнула одну маску, отпихнула другую и вырвалась из эпицентра клубка.

ЛАРИСА. Вот что спасет меня, слышишь ты, пестрый демон, повелительница ромбов и шариков! Как я не поняла этого раньше! Ведь он сохранил меня такой, какой я была в глубине души! Он сдерет с меня эту чертову маску, слышишь?

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА КОЛОМБИН. Стой!

ЛАРИСА. Ага! Я угадала!

Она знала, куда бежать. И потому прошла сквозь разноцветную стену чужого танца, как сквозь ветер и дождь.

Реутов как-то показывал ей свой дом. Квартиру она нашла по списку жильцов. И, поскольку за спиной все еще слышала тарантеллу, ворвалась в коридор, чуть не сбив с ног открывшего дверь Реутова.

РЕУТОВ. Ты чего? Лариска! За тобой гонятся?

ЛАРИСА. Да!..

Реутов, как был, в невообразимых старых клетчатых штанах и рубашке с пятнами от химикатов, выскочил на лестницу, и Лариса услышала, как он хлопнул дверью подъезда. Через несколько минут он неторопливо вернулся.

РЕУТОВ. Сколько их было?

ЛАРИСА. Не знаю...

РЕУТОВ. И куда они так быстро смылись? Я даже за угол завернул – и никого. Да ты входи, отдышись. И выключи в комнате сушилку. Я такую парочку кадров щелкнул – изумишься. А я чай поставлю.

ЛАРИСА. Какой чай, Мишка? Утро на носу.

РЕУТОВ. Да ты успокойся, Лариска, приди в себя, а чай – это всегда хорошо, что бы там ни было на носу.

ЛАРИСА. Все-таки ты сумасшедший! На улицу поскакал, не побоялся, а если бы тебя по голове хватили?

РЕУТОВ. А чего мне бояться! Я – везучий. Ты лучше скажи, кто это были такие. Может, милицию вызвать?

ЛАРИСА. Ты – ве-зу-чий?..

РЕУТОВ. Ну! Сама посуди – всякий нормальный человек на моем месте давно бы уже загнулся, а я еще живой. Кто еще свалится с вертолета и уцелеет?

ЛАРИСА. Я бы на твоём месте вообще из дому не выходила.

РЕУТОВ. И что бы я делал дома? Телевизор смотрел? Я, Лариска, не из домоседов. Ну, еще чего поломаю, подумаешь, проблема. Жив останусь и ладно, зато какие кадры будут!

Реутов усмехнулся, и тогда только Ларисе пришло в голову, что этот человек и впрямь ни черта не боится. Уж после вертолета всякий отказался бы от рискованных съемок. Это – раз. Переделывать в последний день экспозицию собственной выставки, уже одобренную и утвержденную, – это тоже не для труса. Стало быть, два. Полюбить женщину, практически недосыгаемую, и не замораживать в себе это сумасбродство, а честно сказать женщине – три. Вроде бы, достаточно...

И тут Лариса вспомнила, что несколько минут назад под ее пальцем спружинил ворс черного бархата. Опять прикоснуться к лицу она не решилась, а вместо этого уставилась на Мишку Реутова взглядом, как бы вопрошающим: ты что же, безумец, не видишь, кто перед тобой, что ли?

Но даже если бархат и был, Реутов его совершенно не замечал и вел бестолковый разговор о чайной заварке

ЛАРИСА. Да хватит тебе, Мишка, о чае. Ты лучше вот что скажи... У тебя дома есть мои снимки? Ну, те, выставочные...

РЕУТОВ. Есть кое-что. А срочно?

ЛАРИСА Ага.

РЕУТОВ. Тогда ищи.

И он выдал Ларисе несколько пухлых пакетов из-под фотобумаги – кило этак на три.

Лариса взяла наугад и принялась раскладывать на диване пасьянс из больших фотоснимков. Это были не выставочные экземпляры, а просто удачные

пробы, судя по тому, что многие дублировались. Вскоре она отыскала лицо блондинки – но вроде бы не свое...

Лариса вглядывалась в снимок, и ей становилось страшно. То лицо жило, дышало и звучало, в отличие от матовой розовощекой маски, которую она привыкла видеть в зеркале и полировать кремами до безупречности. Видимо, таким же, как и то, было когда-то и лицо Ларисы, но сравнить ей было не с чем – разве что в зеркало поглядеть, но она боялась того, что предъявит ей зеркало. И хорошо еще, что Реутов возился на кухне с заваркой, потому что видеть растерянность потерявшей себя в куче снимков Ларисы он никак не мог.

Оторвавшись от лица блондинки, Лариса взглянула на свой пасьянс и изумилась – лица, дома, облака, деревья и прочее сложились так живо и выразительно, что составили единое целое, свой мирок в квадратный метр величиной, с настроением, вкусом и даже погодой. Само по себе это вот небо, отраженное в ведре с водой, ничего душе не говорило, и этот запрокинувшийся ребенок – тоже, и эта отвернувшаяся старуха была просто всклокоченной старухой, но вместе они являли собой целую жизнь, и движение этой жизни ощущалось, как скользнувший мимо лица быстрый ветер. А если бы отражение неба оказалось под хмурым полуоборотом старухи, ребенок – рядом с ней, а над ребенком – грозное небо над тревожным лесом, то возникла бы совсем другая жизнь, и она послышалась Ларисе утихающими и просветленными аккордами органа после бурных встрясок и молний. Даже лица странно менялись в зависимости от места, куда с мрачным азартом гадающей цыганки швыряла их Лариса.

За этим занятием и застал ее Реутов, несущий две разномастные кружки с чаем.

РЕУТОВ Ты, наверное, в другом пакете

ЛАРИСА. Да?

РЕУТОВ. Погоди, попьем чаю, я найду.

ЛАРИСА. Давай!

Это успокоило ее. Уж Реутов-то не спутает ее лицо ни с каким другим. А она увидит и вспомнит, и поймет, и обрадуется... Но для этого нужно еще что-то, кроме живого пасьянса и кружки с чаем.

РЕУТОВ. Как ты забрела сюда, Лариска? Да еще ночью? В гостях была, что ли?

ЛАРИСА Просто я пришла к тебе. Я же говорила, что приду. Я шла, и вот, такая ерунда.

Реутов ошалел и понес чушь.

РЕУТОВ. Погоди, Лариска, я что-то не совсем понимаю. Ко мне? Так не бывает. Ты не шути, Лариска. Зачем я тебе? Я тебе совершенно не нужен. Разве что-то другое из души силком выпихнуть? Не надо, погоди, все у тебя образуется! А то пожалеешь потом.

ЛАРИСА. Да мне и выпихивать-то нечего. И неоткуда. Не осталось у меня души, Мишка, понимаешь? Я к тебе за душой пришла. Ну, за собой. За такой, какая я в тебе, если ты меня еще любишь.

РЕУТОВ. Люблю. Я уже говорил тебе.

Лариса так и не поняла, почему он отвернулся, насупясь. Это выбивалось из привычного ей кодекса галантности. Одно было ясно – Мишка вдруг отгородился стенкой, и именно теперь, когда вся надежда была на него.

ЛАРИСА. Мишка! Ты необитаемый полуостров помнишь?

РЕУТОВ. Ну?

ЛАРИСА. Я опять хочу стать такой – утренней. Но я забыла, как ею быть.

РЕУТОВ. Еще никому не удавалось дважды войти в одну и ту же реку. И если тебе нужна фотография, чтобы подладиться под нее, то я ее тебе не дам. Ты что же думаешь, что та трогательная мордочка и есть твоя сущность? Хорошо бы я был, старый осел, если бы влюбился именно в трогательную мордочку. Годы мои не те, Лариска. Это был один миг тебя, понимаешь? И незачем натягивать на себя этот миг, словно маску. Продолжай жить и меняться – вот и все

ЛАРИСА. Так, значит, я опять погналась за маской? Черт знает что! Да еще и за собственной...

РЕУТОВ Я не знаю, Лариска, за чем ты гонишься и от чего убегаешь. Ты-то сама знаешь?

ЛАРИСА. Уже нет... Мишка! Я очень изменилась с того дня?

РЕУТОВ. Наверно, изменилась. Человек каждый день меняется.

ЛАРИСА. Тебе мое лицо странным не кажется? Неподвижным, отлакированным? Ты только скажи честно!

РЕУТОВ Честно – у тебя сейчас такой вид, будто ты с луны свалилась. Тебя крепко это хулиганье перепугало

ЛАРИСА. Мишка, ты ничего не понимаешь.

Реутов удивился – в ее голосе был восторг.

На душе у Ларисы здорово полегчало Она улыбнулась и ощутила движение уголков губ. Оставалось для полноты счастья только высунуть язык.

РЕУТОВ. Ты чего рожки корчишь? Лариска!

ЛАРИСА Мишка, ты никогда не поймешь, какое это наслаждение – корчить рожки! Знаешь, есть вещи внутри нас, от которых очень трудно избавиться. А ты мне помог. Спасибо.

Надо было сказать еще что-то. Реутов стоял перед Ларисой, ничего не понимая, и смотрел на нее чистыми, удивленными, спасительными глазами. И была в них такая надежда, что Лариса ощутила неумное желание – немедленно поцеловать этого смешного человека, пусть хоть просто по-дружески.

Но не этого он ждал от нее. А обманывать Мишку Реутова она бы ни за что на свете не стала.

ЛАРИСА. А теперь я, кажется, пойду. Ты только ничего не говори. Ты все сделал и сказал, как надо. Подожди немного, Мишка. Не торопи меня. Уж если я пришла однажды, то, наверно, приду и в другой раз... наверно...

РЕУТОВ. Если тебе нужна моя помощь... то ты это... забудь, что я люблю тебя... ты просто приходи! Как сегодня.

ЛАРИСА. Мне очень нужна твоя помощь. Ты сам не знаешь, как она мне нужна. Но ты не старайся что-то делать для меня. Все само собой образуется. Ты меня понимаешь?

РЕУТОВ. Я тебя понимаю. Я обожду. Когда бы ты ни пришла...

ЛАРИСА. Я знаю, Мишка. И поверь, мне очень хорошо оттого, что я это знаю. Но ты уж прости – я не забуду о твоей любви. У меня, может, кроме нее, вообще сейчас ничего не осталось, даже самой себя, если разобраться... Ладно. Разберусь.

Она вышла на улицу.

Ее никто не ждал. Карнавальные тени растаяли. Близился рассвет. И она пошла куда глаза глядят... правда, без прежнего сумбура в голове, полная ожидания... впрочем, одна безумная мысль у нее все же возникла.

ЭПИЛОГ

Эта мысль затащила Ларису в ближайший парк и погнала по аллеям в поисках шиповника, хотя краснеть ему было рановато.

Ей повезло – нашелся-таки один сумасшедший куст. Плоды на нем заметно отливали оранжевым. Лариса отважно забралась в куст, исцарапала руки, но две горсти плодов нарвала. Потом она села на скамейку, достала из сумки игольник и нарядно нанизала их на нитку.

На душе тоже было утро.

Лариса думала о том, как отзовутся в будущем ее коломбинские проказы. И с ужасом вспоминала, что сказала ей вчера пестрая чертовка что-то очень важное об этом самом будущем, а она ни слова не помнит, помнит только, что повелительница Коломбин хозяйничает не только в пространстве, но и во времени, гоняя его в любую сторону, как ей вздумается, и завязывая на нем самые странные узлы. Думала она и о том, что встретит сегодня и завтра тех, кто был участником ее затей. Кем же она будет для них сейчас, после того, как маска вроде бы сброшена? И удастся ли ей так просто снимать с них маски?

Двоих, впрочем, Лариса решила масок не лишать – красавца Кологрива и среднестатистического Соймонова. Для этого пришлось бы опять впускать их в свою жизнь, тратить на них время, да еще с сомнительным прогнозом на будущее.

Мир раздвинулся – так, как раздвигается он рано утром. И Кологрив с Соймоновым оказались по одну сторону этого мира, а по другую – те, кто заполнит этот мир через несколько часов, и Лариса с нетерпением ждала первых встречных.

Она еще задумалась, перед тем как повесить ожерелье на ветку. Вспомнила угрозы пестрого демона. И все же решилась.

Нить оранжевых шариков качнулась и замерла. Лариса сидела не двигаясь и прислушиваясь к себе.

Но ничего не изменилось. Не воскресли в душе светлые образы Соймонова и Кологрива. Не растаяли, как льдинка в кипятке, обретенные в последних похождениях уверенность и гордость. Желания выпить кастрюльного кофе в типографском буфете тоже не возникло. Начиналось что-то новое...

Но тут раздался стук каблуков. Вспомнив ночной побег от повелительницы Коломбин, Лариса шмыгнула в кусты. Но женщина, идущая по дорожке, неожиданно оказалась... Марианной.

Лариса изумилась – где бы могла книжная девочка задержаться до рассвета? Лариса даже встряхнулась, чтобы избавиться от наваждения. Но это, увы, было фактом – чем-то сильно озадаченная Марианна шла по парку, подбивая носком туфли камешки.

Она остановилась перед ожерельем. Несколько секунд с интересом на него смотрела. Потом решительно сняла с ветки, раскрутила на пальце и ушла утренней аллеей.

Лариса хотела крикнуть, остановить, предупредить! Но язык не слушался. Это была последняя шутка повелительницы Коломбин.

